Немирович-
Данченко.
Летом и Зимою
на Шибке
1877-78.

891.7342
N434L

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

3085 и/66

Ф 2

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 116

Nemirovich-Danchenko, Vasili Ivanovich
Lêtom i zimoi na Shibkê

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

ЛѢТОМЪ И ЗИМОЮ НА ШИБКѢ

1877—1878

Шибка въ августѣ.—Сестры милосердія.—Шибка въ декабрѣ. — Въ горныхъ туманахъ.

(изъ воспоминаній военнаго корреспондента)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Инв № 33235
1947

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

1964

1950 г.

Д-821-78

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 21 ноября 1890 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

нет вып обл.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Тираж и номера	
9		1877-1878					155	

891.7342
N434L

ШИПКА ВЪ АВГУСТѢ.

I.

Изъ Тырнова на Шипку.

Пріѣхавъ въ Тырново, я хотѣлъ устроиться здѣсь на три или четыре дня, какъ вдругъ узнаю, что турки съ юга перешли въ наступленіе и громадными полчищами своими ринулись на Шипкинскіе перевалы. Султанъ приказалъ Сулейману и Реуфу пашамъ во что бы то ни стало отнять у русскихъ этотъ проходъ, причемъ самыя ущелья и горы его назвалъ «своимъ сердцемъ». Движеніе турокъ было до того секретно, что наканунѣ мы о немъ ничего не знали. Съ вершинъ позицій на Еленъ казалось, что турки направляются туда. Поэтому въ Елену направилась бригада Драгомирова и четвертая бригада стрѣлковъ, а въ это время на жалкую горсть въ 3,000 человѣкъ орловцевъ и болгарской дружины опрокинулось 60,000 войска Реуфа и Сулеймана. Понятно,

что ранѣе трехъ дней изъ ближайшаго къ Шипкѣ корпуса Радецкаго, ея защитникамъ не могло быть оказано ни малѣйшей помощи. Нашимъ солдатамъ, поддерживаемымъ двумя батареями, приходилось драться съ превосходными силами, одному противъ двадцати. Эти три дня—навсегда будутъ нашей гордостью и славой, хотя для малочисленнаго отряда Шипки они были мартирологомъ, скорбнымъ листомъ.

Еще за нѣсколько дней до 9-го августа, когда началась эта героическая защита, черкесы въ Ямбольскомъ округѣ стали забирать у болгаръ всѣ перевозочныя средства. Сулейманъ три недѣли занимался передъ тѣмъ сборомъ и обученіемъ мустегафиса (турецкаго ополченія), усиленнаго черногорскими кадрами. Послѣ этого армія двухъ пашей перевалила черезъ Малые Балканы въ долину Тунджи и сосредоточилась въ Ризаревѣ. Въ окрестностяхъ Елены показались ихъ передовые отряды, подавъ поводъ къ нашей ошибкѣ. Реуфа и Сулейманъ везли за собою до ста орудій, преимущественно горныхъ. По дорогѣ—оставленныя болгарами деревни сжигали, убѣжавшихъ въ лѣса мужчинъ, женщинъ и дѣтей истязали и вслѣдъ затѣмъ убивали. Съ этою цѣлью по лѣсамъ рыскали черкесы и баши-бузуки. Въ одномъ мѣстѣ баши-бузуки наткнулись на скопище бѣглецовъ. Всѣ были перебиты, за исключеніемъ дѣвушекъ. Несчастныхъ раздѣли, погнали въ свой лагерь, мучили два дня и, когда было получено приказаніе двигаться дальше, обезглавили. Одновременно съ этимъ, чтобы поразить населеніе Болгаріи

паническимъ страхомъ, выжжено до ста двадцати деревень, населеніе ихъ истреблено, а въ крупныхъ городахъ убиты наиболѣе уважаемые болгары. Такъ, въ Филиппополѣ умерщвлено двѣнадцать самыхъ богатыхъ и почтенныхъ семей, умерщвлено сплошь, причемъ даже дѣтямъ двухъ и трехъ лѣтъ не дано пощады. Въ Адріанополѣ казни стали обычнымъ явленіемъ; трупы валялись на мостовыхъ, висѣли у домовъ ненавистныхъ туркамъ европейцевъ. Турецкая армія, двигавшаяся на Шибку, имѣла передъ нами еще одно преимущество. Она располагала превосходной иррегулярной и недурной регулярной кавалеріей. Сверхъ черногорскихъ кадровъ и мустегафиза въ нее вошли арнауты, а теперь и египетскія войска, съ 14-го числа появившіяся неожиданно передъ Шибкой. Во всѣхъ городахъ, по которымъ они только проходили, турки, по приказанію пашей, забирали болгарское платье и уносили его съ собой. Потомъ мы увидимъ, что это было не безъ цѣли и позволило туркамъ оріентироваться тамъ, гдѣ мы ходили во тьмѣ. Въ войскахъ Сулеймана и Реуфа оказывалось множество европейцевъ, причемъ, по показаніямъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и лазутчиковъ, тамъ было пятнадцать англичанъ, которые, черезъ переводчиковъ, давали совѣты пашамъ. Послѣ узнали, что англичанъ только пятеро, остальные—мадьяры. Мнѣ свѣдѣнія эти были доставлены въ Тырновѣ. Оставались только сутки пути. Медлить нельзя было. Вездѣ только и слышалось:

— Войска скоро двинутся... Не дадутъ отдохнуть даже тѣмъ, которыя только что вернулись изъ Елены.

— Положеніе очень серьезно—торопитесь.

— Сегодня ночью ѣдетъ Драгомировъ, а Радецкій уже уѣхалъ.

— Тамъ уже цѣлый день идетъ бой. Я думаю, что только сейчасъ къ пяти болгарскимъ дружинамъ и семи ротамъ орловскаго полка подошло еще 8 ротъ послѣдняго. Артиллеріи тоже не особенно... Уже двадцать атакъ сдѣлано. Въ Габровѣ населеніе слышало вчера канонаду. У нашихъ не стало припасовъ и снаряды на исходѣ...

Нѣсколько часовъ назадъ посланъ на Шипку брянскій полкъ, а въ ночь должны туда же выступить бригада генерала Драгомирова, т. е. житомірскій и подольскій полки, стрѣлковая бригада генерала Цвѣцинскаго, состоящая изъ 13, 14, 15 и 16-го батальоновъ, взводъ горной батареи и двѣ полевыхъ...

Серьезность положенія доказывалась еще тѣмъ, что почти всѣ зажиточные габровцы двинулись въ Тырново. Этотъ городъ и вся дорога на югъ были переполнены бѣглецами. Напуганное разсказами о злодѣйствахъ турокъ, населеніе окрестныхъ селъ и мѣстностей, лежащихъ къ югу до Балканъ, искало спасенія здѣсь, перемѣшавшись съ выходцами изъ долинъ Тунджи и Марицы. Улицы сплошь были переполнены ими. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ трудно пробиться впередъ. Несчастные бѣгутъ, навьючивъ оставшихся у нихъ воловъ и лошадей хламомъ, который удалось выхватить изъ дому въ виду приближенія безжалостныхъ истребителей. Городскіе жители и тутъ отличаются отъ сельскихъ. У нихъ повозки, изъ повозокъ пестрѣютъ цвѣтные ковры,

красныя и желтыя подушки. Верхомъ на лошадяхъ и въ повозкахъ старухи съ дѣтьми на рукахъ. Обиліе дѣтей изумительное. Еще несчастнѣе поэтому кажутся и безъ этого жалкіе эмигранты. Зачастую медленно переступаетъ лошадь или оселъ, чуть не сгибаясь подъ тяжестью вьюковъ; посерединѣ на спинѣ животнаго, между вьюками, спитъ двухлѣтнее дитя, подставивъ свое смуглое личико палящимъ солнечнымъ лучамъ. Почти вездѣ вы увидите здороваго болгарина. На шеѣ, осѣдлавъ его ногами и схвативъ рученками его голову, болтается мальчуганъ, видимо уставшій, а на рукахъ сидитъ дочка, прильнувъ головкою къ плечу. За нимъ едва бредетъ истощенная до послѣдней крайности жена съ груднымъ ребенкомъ. Иногда у такой семьи и имущества нѣтъ никакого. Ни осла, ни коня, ни вола. Видимо выскочили въ чемъ есть. Случаются и брошенныя дѣти—идутъ и плачутъ... Однихъ оставили родители, у другихъ отецъ и мать зарѣзаны, спаслись только они сами—безпомощныя, ничего не могущія сдѣлать своими крошечными рученками.

Намъ показали ребенка, котораго началъ было рѣзать да не дорѣзалъ какой-то злодѣй. Несчастная дѣвочка такъ и осталась безъ уха, а немного спустя, мы встрѣтили съумасшедшую мать. У нея былъ мужъ и шестеро дѣтей. Турки на ея глазахъ доканали всѣхъ. Какъ уцѣлѣла она и зачѣмъ—Господь вѣдаетъ... Эта улыбается всѣмъ, смѣется, пока не увидитъ ребенка, а увидитъ—зарыдаетъ и давай биться головой объ стѣны. Нѣсколько человѣкъ бездѣтныхъ болгаръ подобрали и везутъ съ собой брошенныхъ ребятъ.

Общее выраженіе какой-то тупой тоски и боли... Случается видѣть солдата съ ребенкомъ на рукахъ, а около ковыляетъ старушонка. Видимо притомилась—ей и помогъ какой нибудь Федоръ Гавриловъ, оставившій за тысячи верстъ въ убогой деревенькѣ такое же крохотное дитя... Разъ какъ-то попался офицеръ болгарской дружины верхомъ. У него на рукахъ двое дѣтей, а держась за стремя, идетъ ихъ мать. Контрастъ суроваго, бородатаго, точно солнцемъ обоженнаго лица съ наивными двумя головками, поразительный... По сторонамъ дороги расположились на отдыхъ цѣлые караваны. Волы тщетно ощипываютъ уже ранѣе съѣденную луговую траву, кое-гдѣ курятся костры, фыркаютъ лошади, у обдѣланныхъ плитами источниковъ и бассейновъ цѣлыя группы женщинъ и дѣтей со всевозможной посудой въ рукахъ... Мужчины—тѣ при волахъ или у костровъ. Иной разъ обступитъ васъ толпа и проситъ не денегъ—а хлѣба... Даете денегъ—негдѣ купить, отказываются... сердце разрываеся отъ боли, видя этихъ матерей.

— Чего ты? остановился я надъ плачущей женщиной.

У ея колѣнъ спало трое малютокъ.

— Ляба няма!... (Хлѣба нѣтъ).

При словѣ «ляба» голодныя дѣти, вѣрно услыхавшія въ чуткомъ, нервномъ снѣ, вскочили, вцѣпились въ нее. «Хлѣба, хлѣба!»...

Бѣдная только сильнѣе еще зарыдала. Сегодня накормили ихъ мы, а кто накормитъ завтра?

Въ Тырновѣ переселенцы и бѣглецы каждое утро

ходятъ изъ дома въ домъ просить милостыню. Ко мнѣ пришла убитая горемъ женщина, видимо Христа ради просить и стыдится, точно ей хочется подальше отъ людскихъ глазъ уйти.

— Прежде жена богатаго купца была въ Эски-Загрѣ. Мужа и старшаго сына, взрослаго уже, убили, осталась съ малюткой, безъ всякихъ средствъ,— объясняли мнѣ.

— Крикнули ему «уссуръ», мужу—и конецъ! прибавила она сама по-болгарски.

Когда вырѣзываютъ болгарскіе города и села, то, налетая верхомъ на бѣгущую жертву, турокъ кричитъ ей «уссуръ». Болгаринъ безотвѣтно становится на колѣни и протягиваетъ впередъ голову, покорно складывая руки на груди... Отсѣченная однимъ ударомъ ятагана, голова скатывается на землю. Турки въ Эски-Загрѣ кричали то же самое нашимъ солдатамъ и офицерамъ, но, разумѣется, вмѣсто покорности получали удары штыкомъ или выстрѣлъ изъ револьвера. Кстати, въ параллель къ этому ужасному истребленію болгаръ привести то, что за Балканами, боясь мести болгаръ, возстававшихъ всюду противъ своихъ притѣснителей, полтораста турецкихъ женщинъ пришли въ нашу уральскую сотню и попросили ея покровительства на одинъ день. Ихъ накормили, напоили, уступили имъ нѣсколько палатокъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что турчанки довольно долгое время слѣдовали за этимъ отрядомъ на даровомъ хлѣбѣ. При этомъ чистота отношеній уральцевъ къ своимъ гостьямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уральская сотня—въ

большинствѣ старообрядцы и отличаются замѣчательною строгостью нравовъ.

Многіе изъ бѣглецовъ-болгаръ носятъ ружья, у всѣхъ за поясомъ ножи, у нѣкоторыхъ есть и пистолеты. Они говорятъ, что турки не позволяли имъ даже ножей имѣть, не говоря уже о другомъ оружіи. Вообще—населеніе было на арестантскомъ положеніи... Въ городахъ, гдѣ смѣшанно жили турки и болгары, христіанки не имѣли права гулять въ единственно прохладное время—вечеромъ, потому что разныя ханумъ выходили въ это время изъ своихъ гаремовъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Бѣглецы болгаре слѣдуютъ за войсками постоянно. Они кормятся между солдатами, которые особенно «жалѣютъ» дѣтей. Тутъ и спятъ между палатками.

«Эй, братушка, сзываютъ ихъ, — иди сухари получай».

Путь изъ Тырнова шелъ сначала берегомъ р. Янтры, гремящей среди своихъ громадныхъ скалъ. Надъ этими скалами вползаетъ на самую макушку горы весь сверкающій на солнцѣ городъ. Это цѣлая масса зданій, съуживающаяся кверху; одни на кровлѣ другихъ—безъ промежутковъ. безъ клочка земли; все очень напоминаетъ тифлисскій авлабаръ. Только, разумѣется, здѣсь красивѣе и грандіознѣе. Хотѣлось остановиться на чудныхъ картинахъ окрестностей—но тяжелая дѣйствительность на каждомъ шагу выдвигала передъ нами одну за другою печальныя подробности похода. Уже подъ самымъ Тырновомъ—лежатъ у дороги отставшіе солдаты. Изъ нихъ усталыхъ мало—большинство пораженъ-

ные солнечнымъ ударомъ. Распаренное красное лицо, остеклѣвшіе глаза, безсильно раскинутыя руки. Видимо, не хватило силъ даже ранцы съ себя сбросить. Гдѣ одинъ, гдѣ два. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, а верстахъ въ десяти-двѣнадцати точно шпалерами вдоль дороги разбросаны. Около каждаго солдатика—болгарки. Одна обливаетъ ему голову водой, другая поитъ его, третья держитъ надъ нимъ какую то тряпку отъ солнца. Отлежится—встанетъ, бѣдняга, и опять побредетъ впередъ. Наконецъ, въ пятнадцати верстахъ отъ Тырнова, мы замѣтили впереди пріостановившійся житомірскій полкъ.

— Что это, братцы, отдыхаете?

— Отдыхаемъ... Погляньте-ко! показалъ солдатъ направо.

Круто къ утонувшей въ зелени Янтрѣ спускается поросшій кукурузой берегъ. Между стеблями точно сотня труповъ разбросана. Подходимъ—и сердце сжимается. Стоны, крики, вопли, вымученные болью. Въ разныхъ положеніяхъ лежатъ солдаты. Одни въ истомѣ, почти омертвѣвшіе, другіе съ красными лицами и точно поджаренною сверху грудью... Тяжело подымается эта грудь и каждый разъ, какъ опустится она—хриплый стонъ проникаетъ къ вамъ въ душу. Нѣкоторые стонутъ чаще и чаще, стонъ переходитъ въ крикъ, и крикъ безпамятный, безотчетный... Пароксизмъ усиливается, крики становятся дикими, тѣло начинаетъ вздрагивать, члены движутся непроизвольно, видимо мускулы сокращаются безпорядочно, порывисто быстро,—ноги въ одну, руки въ другую сторону. Въ глазахъ—ужасъ совер-

шенно помѣшаннаго человѣка... Пароксизмъ все растетъ. Несчастнаго подбрасываетъ на землѣ, онъ начинаетъ вытягивать шею вверхъ, выгибаетъ голову назадъ, точь-въ-точь какъ дѣлаютъ это женщины во время трудныхъ родовъ. Такъ и кажется вотъ-вотъ свихнется глотка. На одного такого попробовали брызнуть водой—онъ отпрянулъ, точно что-то отбросило его и дикій нечеловѣческій крикъ покрылъ сотни больныхъ стенаній и воплей... Еще тяжелѣе, когда видишь и слышишь сильнаго бородача, который, немощно разметавшись, начинаетъ всхлипывать у вашихъ ногъ, точь-въ-точь маленькій ребенокъ.

Цѣлый день жара-убійственная, рѣдкая даже для этого знойнаго климата, и въ эту-то именно жару полкъ поднялся въ 4 часа утра и до 5 вечера, когда мы его увидѣли, сдѣлалъ пятьдесятъ шесть верстъ! Это съ шинелями, сухарями и чуть ли не ранцами за плечами. Настоящій суворовскій переходъ съ тѣмъ различіемъ, что у Суворова люди шли безъ всякой ноши.

— Должно быть скверно на Шибкѣ!

— А что?

— Драгомировъ знаетъ, что лучше здѣсь положить сто солдатъ, чѣмъ тамъ потерять нѣсколько полковъ, повѣрьте, онъ спѣшитъ недаромъ!

Потомъ это предположеніе оправдалось вполнѣ.

Нѣкоторыя болгарки пробрались и сюда. Головы солдатъ у нихъ на колѣняхъ. Помогаютъ чѣмъ и какъ могутъ... Солдаты здоровые, отдыхающіе около, тоже изморены до невозможности. Подъ ка-

ждымъ деревомъ, гдѣ только есть клочокъ тѣни—насыпано ихъ такъ, что яблоку упасть негдѣ. И совершенно несвойственное нашему христолюбивому воинству молчаніе царитъ тутъ. Ни смѣха, ни шутки, ни пѣсни. Сидятъ, положивъ голову на колѣни и охвативъ ихъ руками,—и ни слова. При этомъ ни упрека, ни жалобы.

— Надо идти, ничего не подѣлаешь!

— Своимъ помочь подать... отозвались ему два голоса изо всей этой молчаливой толпы.

Пострадавшіе полки—уже третій день въ пути. Сначала ихъ погнали изъ Тырнова въ Елену, а потомъ, не давъ отдохнуть, изъ Елены въ Тырново и отсюда въ Шибку. Падали не одни солдаты—упалъ одинъ ротный командиръ, не выдержалъ, не смотря на то, что налегкѣ шелъ.

Въ послѣднее время очень перемѣнились отношенія солдатъ къ болгарамъ. Прежде, когда наши солдаты видѣли только сѣверныхъ болгаръ, они не иначе называли ихъ какъ «молдаванами», «турками» и т. п. Теперь «бургары» въ большомъ почетѣ.

— Эй, братушка, садись... Чего ты стоишь? приглашаютъ солдаты въ тѣнь болгаръ, идущихъ за полкомъ.

— Тоже жалѣютъ солдата... по всей дорогѣ для насъ воду держатъ и студеную еще... Упадешь—всякую тебѣ защиту сдѣлаетъ и доведетъ тебя, если не сможешь.

— Спасаютъ насъ!...

Ѣдетъ ли кто нибудь изъ Габрова навстрѣчу—солдаты обступаютъ.

— Держатся ли еще наши?

— Держатся, идите скорѣй... Плохо.

— Дай Господи... Вотъ помочь подадимъ.

— Спасибо второй горной батареѣ...

— Антилеристы — защита, что говорить. Гранатой его донимаютъ, только онъ сунется,— а ему картечь въ лобъ. Онъ и не любитъ...

— Офицеровъ страсть что перебито!..

— Царство небесное...

Вѣсти тревожнѣе и тревожнѣе. Держатся, но простоятъ недолго... Турокъ сила большая наступила. со всѣхъ сторонъ прутъ на Шибку... Начальникъ штаба болгарскаго ополченія Рынкевичъ раненъ... Турки обошли насъ. Народу цѣлые рвы съ верхомъ набито!

Солдаты подбираются и идутъ впередъ... А направо и налѣво превосходно обработанныя поля, тучныя нивы... Вершины горъ тонутъ въ безоблачномъ небѣ, сады мягко круглятся за красивыми безъ всякаго цемента сложенными каменными оградами, въ лощинахъ по каменнымъ скатамъ бѣгутъ ручьи.

Сады все чаще и гуще—близко Дреново, утонувшее въ зелени. Весь въ ея благоуханныхъ облакахъ городъ сползаетъ къ рѣкѣ, гремящей въ скалахъ, вмѣстѣ съ ними онъ перекидывается на другую сторону. Надъ улицами висятъ выступающіе впередъ верхніе этажи домовъ. Черезъ карнизы перебрасываются виноградныя лозы, нѣкоторыя заплели сплошь деревянную ветхую стѣну и даже хотятъ окно заполонить, такъ и лѣзутъ внутрь своими цѣп-

кими стеблями... Все, что живетъ здѣсь и дышетъ— выбѣжало на улицы. Въ глазахъ свѣтится радость, намъ бросаютъ цвѣты, пучки какой-то пахучей травы. Еще бы, войско идетъ — залогъ, что хоть эти дни въ мирномъ городѣ не будетъ рѣзни и хотя на эту ночь всѣ эти улыбающіяся дѣти и цвѣтущія дѣвушки могутъ заснуть спокойно... Какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ бросила мнѣ сливъ, другая раздаетъ солдатамъ, кому успѣетъ всунуть въ руки, куски свиного сала. На перекресткѣ чаны съ водой и нѣсколько стариковъ съ чашками въ рукахъ поятъ усталыхъ ратниковъ.

Луна тихо всплыла надъ массами Балканъ. Невольно взглядъ уходилъ туда, гдѣ теперь, честно охраняя свой постъ, умирали орловскій полкъ и болгарская дружина. Вчера еще пришли бы сюда, кабы не грезилась армія Сулеймана тамъ, гдѣ ея и не было!.. Пирамидальные тополи высоко возносили по сторонамъ свои тонкія вершины, вездѣ горѣли костры, озаряя усталыя, изнеможенныя лица. Вся дорога еще гуще усѣяна бѣглецами, но только скарбу у нихъ больше, возы десятками, ковровъ и подушекъ груды. Что это за богачи? Оказывается, что въ ожиданіи турецкаго нашествія полъ-Габрова бѣжало сюда. Оно и собраться имѣло время, да и турки не такъ разоряли этотъ исключительно болгарскій городъ... Къ незнакомымъ болгарамъ относятся недовѣрчиво. Дѣло въ томъ, что разнесся слухъ о переодѣтыхъ въ болгарское платье туркахъ. Извѣстно положительно, что какъ и болгары, черкесы понавѣшали себѣ кресты на шапки и, проникая въ

болгарскіе бивуаки, безпощадно рѣжутъ, кого успѣютъ. Турецкіе лазутчики такъ смѣлы, что на дорогѣ нашъ отрядъ встрѣтилъ четырехъ изъ нихъ, принявшихся уже рѣзать болгарское семейство. Двое убѣжали, двое попались, причемъ одинъ изъ нихъ бросилъ внизъ со ската свертокъ съ бумагами. Одна дѣвочка по дорогѣ бѣжитъ рыдая. Останавливаютъ; оказалось, что несла на рукахъ маленькаго братишку, неизвѣстно какой-то человѣкъ съ «крестомъ на шапкѣ» выхватилъ малютку и бросилъ его въ воду сверху. Солдаты только зубами скрипятъ, слушая эти разсказы. А тамъ вотъ изъ того горнаго хребта, покрытаго лѣсомъ, раздался вдругъ выстрѣлъ и одинъ несчастный, укладывавшій спать жену и дѣтей подъ телѣгой, упалъ пробитый пулею насквозь. Какой-то злодѣй сталъ рѣзать женщину на дорогѣ, да не дорѣзалъ — помѣшали, бросилъ ее — такъ и бьется несчастная въ предсмертной агоніи.

Видимо, приближаются мѣста тревожныя, опасныя. Всѣ подбираются на всякій случай... Нагнали стрѣлковъ—тѣ идутъ налегкѣ безъ ранцевъ и первыми должны поспѣть завтра на выручку шибкинскому отряду. Этотъ родъ войска болѣе всего не любятъ турки, называющіе нашихъ стрѣлковъ «черноштанниками». Стрѣлки бьютъ на выборъ, хотя и не производятъ такой трескотни, какъ турки. Они выдерживаютъ ихъ на близкое разстояніе и за 200—300 шаговъ бросаются въ штыки на «ура», т. е. дѣлаютъ то, чего не умѣютъ отразить наши непріятели.

Войска къ вечеру утомились, вести ихъ дальше

очень рисковано. Знали, что на перевалѣ дѣла серьезны; турки неистово лѣзутъ на наши позиціи, чтобы захватить ихъ ранѣе прибытія подкрѣпленій, но, вслѣдствіе предварительнаго похода на Елену, мы могли поспѣть на выручку только завтра. Солдаты устали такъ, что, не доходя до Габрова, расположились на отдыхъ голодные, рѣдкій пожевалъ сухарей. Торжественное молчаніе царило здѣсь въ эту тяжелую для защитниковъ Шибки ночь. Сырую долину, гдѣ спали полки, даже не поставивъ своихъ палатокъ, со всѣхъ сторонъ тѣснятъ высокія горы; чѣмъ ближе къ Шибкѣ, тѣмъ онѣ выше и выше. Впереди — суровыя и скалистыя громады, за ними лѣсной хребетъ, а еще дальше только намѣчиваются густою синью самыя отдаленныя... По всему пути отъ Тырнова до Габрова и здѣсь войско встрѣчало бѣжавшее сюда изъ долины Марицы и Тунджи болгарское населеніе. На колѣняхъ, старики благословляли солдатъ, женщины плакали. Утромъ дали отдыхъ до полудня и чуть не потеряли Шибку, благодаря этому; слѣдовало двинуть въ восемь или ранѣе.

11-го августа жара началась еще невыносимѣе, чѣмъ въ первые два дня; но войска пріободрились, поотдохнули и солнечныхъ ударовъ было только шесть. Точно во снѣ мелькнуло мимо Габрово. На тѣсныхъ улицахъ съ радостью встрѣчало насъ населеніе; женщины протягивали намъ дѣтей, бросали цвѣты, старики издали крестили солдатъ, мальчуганы пѣли болгарскій гимнъ, подносили вино и воду; изъ-за прочныхъ рѣшетокъ въ окнахъ голубыхъ

домовъ пристально смотрѣли на проходившіе мимо полки только теперь свободно вздохнувшіе люди. Въ тѣни высокихъ каменныхъ зданій въ одномъ мѣстѣ бѣжитъ холодный ключъ и падаетъ на каменныя плиты. Тутъ солдаты тѣснятся больше всего. Всякій спѣшитъ зачерпнуть воды и напиться. На полчаса мелькнулъ городъ и опять ушелъ назадъ съ своею восточною пестротой, говоромъ шумной жизни и радостными толпами.

— Ура! грянуло въ толпахъ солдатъ.

— Что такое? спрашиваю у ближайшихъ.

— А вонъ она.

Высоко въ синеву неба, позади лѣсного хребта, ушла смѣлымъ взлетомъ крутая вершина св. Николая. Вся она въ дыму. Оттуда слышится частый грохотъ орудій...

— Ура! подхватываютъ новыя толпы и гулко бѣжитъ оно по лощинамъ и ущельямъ во всѣ стороны Балканскаго предгорья.

Вспыхнула и разгорѣлась пѣсня. Солдаты точно обрадовались; ничего напускного не было. Только здѣсь убѣждаешься, какое ратное товарищество существуетъ между ними. Съ утра слышали: скорѣе, скорѣе, тамъ умираютъ, думаютъ отступить, если не придете во-время. Понятно, что все это дрогнуло отъ внезапнаго порыва, увидѣвъ мѣсто, гдѣ стойко бьются орловцы и брянцы съ дружиною, бьются и таютъ съ каждымъ часомъ, какъ таетъ снѣгъ отъ знойныхъ лучей весенняго солнца.

Поворотъ дороги—и св. Николай опять спрятался за окрестныя горы, чтобы черезъ нѣсколько ми-

нутъ выдвинуться еще грознѣе и величавѣе. Гора, одѣтая дорогой, по которой наши разъ уже перешли за Балканы. Идешь впередъ и глазъ отъ нея не отводишь... Сердце бьется сильно, хочется скорѣе добѣжать туда, пристроиться къ этимъ умирающимъ рядамъ, уже три дня выдерживающимъ бой одного противъ двадцати... Хочется крикнуть имъ: «стойте, еще часа три и мы будемъ съ вами». Лихорадочное нетерпѣніе въ рядахъ солдатъ.

— Дали имъ знать, что идемъ?

— Знаютъ ли они?...Казаковъ бы спосылать.

Еще болѣе волнуются офицеры.

— Посадить бы на лошадей стрѣлковъ... Какъ бы не опоздать... Видать ли имъ оттуда, что мы идемъ?

Вонъ впереди показался казакъ на взмыленной лошади. Во весь опоръ мчится впередъ.

— Гдѣ корпусный?

— А что?..

— Помочь скорѣй нужна. Не выстоимъ, больно прутъ, дьяволы...

Больное чувство все ростетъ и ростетъ... А если будетъ поздно?.. А если все уже кончено?.. Неужели даромъ за этотъ перевалъ пролилось столько крови, неужели у насъ его отнимутъ, и зорко всматриваешься туда, точно что нибудь можно на такомъ разстояніи разглядѣть и различить на этихъ крутыхъ скатахъ.

— Ну, что?.. Какъ дѣла? встрѣчаютъ другого казака...

— Трудно... Ой какъ трудно... Нашихъ мало...

— Да два-то часа неужели не выстоятъ?

— Два часа выстоимъ. Главная причина — его сила несосвѣтимая...

Другого спрашиваютъ:

— Выстоятъ ли?

— Куда выстоять... Со всѣхъ сторонъ, братцы!.. Валомъ валитъ... .

— Ужли отдадутъ орловцы?..

— И рады бы не отдать, да нашихъ мало стало.

Это «нашихъ мало» быстро пробѣгаетъ по рядамъ. Солдаты безъ приказанія подтянулись и пошли скорѣе. Стрѣлковая бригада и безъ того идетъ быстро, а тутъ точно она добѣжать хочетъ.

— Нашихъ мало стало, раскатывается отъ переднихъ рядовъ къ заднимъ. — Богъ милостивъ... Авось еще часокъ-другой выстоятъ... Вѣсть бы имъ послать, что мы идемъ. Дать знать. Ужли-жъ начальство не распорядилось... Должно извѣстили...

А ущелье, которымъ мы подвигаемся впередъ, все тѣснѣе и тѣснѣе. Налѣво грохочетъ въ скалахъ красивая Янтра. То-и-дѣло черезъ нее перекидываются каменные мосты. По обѣимъ сторонамъ точно давятъ дорогу высокія горы, одѣтыя каштанами и дубами. Одна за другой выдвигаются ихъ зеленыя вершины... Побѣжала лощиной дорога еще уже, еще тѣснѣе, обвивается вокругъ каждаго выступа, точно змѣя, проползающая между каменьями. Такъ верстъ пять...

— Стрѣлковъ на лошадей сажать велѣно... Стрѣлки на лошадей...

— На лошадей!.. громко и тревожно разносится команда.

— Видно, трудно приходится, Господи благослови...

Роту или двѣ посадили на коней и двинули впередъ, по крутымъ всползнямъ св. Николая; дорога отъ лощины подымается вверхъ. Направо — цѣлое море горныхъ вершинъ. Точно вся эта мѣстность ключемъ вскипѣла, да такъ и окаменѣла въ моментъ самаго сильнаго кипѣнія... Некогда думать о жарѣ, объ устали, пѣшіе стараются не отстать отъ конныхъ. Половину стрѣлковъ поставили на отдыхъ— ропотъ между солдатами пошелъ. Когда тутъ отдыхать, чего еще тутъ ждать?

— Пойдемъ, братцы... Вишь ихъ сила какая. Орловцамъ да брянцамъ не совладать безъ помочи.

— И опять то же самое:—Видятъ ли они насъ... Замѣтили ли?.. Дали бы знать.

— Скорѣе, братцы, скорѣй! кричитъ на-лету казакъ, стремглавъ спускаясь внизъ на конѣ.

— Идемъ... торопимся и то...

— Его сила забираетъ. Съ утра отдыху не далъ нашимъ и ночью безпокоилъ — не спали.

— Не ѣли ничего... сообщаетъ другой.— Все отбиваемся... Понатужьтесь, братцы...

— Идемъ, идемъ.

— То-то, скорѣе бы...

И по мѣрѣ того, какъ росла тревога, все молчаливѣе и сосредоточеннѣе становились солдаты. Крикнетъ одинъ:

— Выстоятъ ли, продержатся ли?

И опять насупятся только, больше шаги стараются дѣлать, да ружья подтягиваютъ. Еще тяжелѣе подъ этимъ палящимъ жаромъ приходилось артиллеріи и житомірскому съ подольскимъ полкамъ. Стрѣлки шли хотя прямо, тѣмъ приходилось поминутно останавливаться. Шли такъ: взведутъ на перевалъ орудіе—стой, спустятъ—опять стой. А тутъ, какъ нарочно, перевалъ за переваломъ, лощина за лощиной. Изморились страшно.

II.

Первые три дня защиты Шибкинскаго перевала.

Подойдя къ Балканамъ, Сулейманъ съ главными силами двинулся прямо на Шибку, часть отправилъ на Бедекъ черезъ Ханнкіой, а Реуфъ двинулся съ юга на западъ къ св. Николаю, по направленію на Зелено-Древо изъ Калофера. У Сулеймана было болѣе 40 таборовъ войска, сверхъ того къ нему приведено 10 таборовъ арабовъ и 10 таборовъ египетскихъ войскъ. Ихъ позиція занимала 30 верстъ. Уже въ Габровѣ разсказывали, какъ бѣшено полчища турокъ ринулись на наши позиціи, предварительно испепеливъ деревню Шибку, которую 7-го августа долженъ былъ оставить войсковой старшина Кириловъ со своей уральскою и донскими сотнями. Казаки передъ тѣмъ блистательно прогнали черкесовъ и баши-бузуковъ и преслѣдовали ихъ, пока не наткнулись на пѣхоту. Сначала турки наступали только слѣва. Ихъ безчисленныя атаки въ первый

день были изумительны для нашихъ войскъ, привыкшихъ видѣть турокъ отступающими. 8-го и 9-го августа и, сверхъ того, во время затмѣнія, въ турецкомъ лагерѣ муллы читали коранъ, на которомъ войска клялись во что бы то ни стало взять Шибку. Колонна за колонной двигались на насъ цѣлый день; чуть только дрогнетъ одна подъ выстрѣлами, слышится рожокъ, наигрывающій наступленіе, затѣмъ крикъ «Алла» и новая черная масса, стройная и правильная, взбирается вверхъ, чтобы тотчасъ же смѣниться новою. Такимъ образомъ «турецкая» (т. е. въ іюнѣ отбитая у турокъ) батарея была атакована ими шесть разъ, послѣдній въ полномъ мракѣ. Въ то время, какъ орловцы и дружина, поддержанные на другой день брянцами, одни должны были драться съ непріятелемъ голодные, истощенные, усталые, не подкрѣпившіеся сномъ, турки постоянно посылали свѣжія войска. Въ теченіе двухъ часовъ, какъ разсказывали мнѣ, они одну и ту же свою цѣпь освѣжили, т. е. перемѣнили въ ней солдатъ шесть разъ. Мы должны были передъ превосходными силами непріятеля стянуться со всѣхъ остальныхъ позицій къ горѣ св. Николая. Видимо, что мы имѣли дѣло съ лучшими силами Турціи, хорошо дисциплинированными. Правильность и стройность движенія колоннъ, развертывавшихся внизу подъ нами, поражала солдатъ, а упорство атакъ обнаруживало рѣшительное намѣреніе Сулеймана взять перевалъ чего бы это ни стоило. Турки въ первые дни понесли громадныя потери. Наши били на выборъ, артиллерійскіе снаряды выхватывали

сотни жертвъ, трупами набились всѣ лощины, — случалось, что треть колонны ляжетъ, не достигнувъ вершины — кажется, вотъ-вотъ пойдутъ назадъ, нѣтъ—идутъ новыя и свѣжія колонны и бой кипитъ на томъ же мѣстѣ, а тамъ, глядишь, съ дикимъ крикомъ лѣзутъ на наши скаты слѣва цѣлые ряды красныхъ фесокъ и изъ лѣсу справа сверкаютъ тысячи ружей, поднимающихся сюда же... Турки играли только три сигнала: наступленіе, сборъ и «начальникъ убитъ, убрать начальника, нельзя убрать». Наши картечныя гранаты падали въ середину колонны. Въ половинѣ пятаго утра, когда уже было совсѣмъ свѣтло, нашъ штабъ вдругъ оказался отрѣзаннымъ. Какой-то офицеръ, стремглавъ сбѣжалъ съ батареи съ крикомъ:

— Взяли, взяли, взяли!

Наши оглянулись и видятъ, что массы турокъ прошли на наши позиціи и заняли на нихъ сѣдловину, по которой идетъ шоссе. Такимъ образомъ они были между нашимъ резервомъ и перевязочнымъ пунктомъ съ одной и орловскимъ полкомъ съ болгарскими дружинами съ другой стороны. Не знаю, что произошло бы, еслибы рота брянскаго полка, не ожидая команды, сама не бросилась бы атаковать смѣлый таборъ, для чего она вышла изъ ложемента, гдѣ сидѣла и отстрѣливалась отъ наступавшаго съ другой стороны непріятеля. Въ это время, оглянувшись на круглую батарею, наши увидѣли, что артиллеристъ Поликарповъ, въ виду непріятеля и подъ огнемъ у него, молодецки рубитъ новыя амбразуры, чтобъ обернуть пушки противъ турокъ.

занявшихъ тылъ у шоссе. Нужно было прибавить, что маневръ этотъ исполненъ былъ, когда батарея была безъ всякаго прикрытія. Всѣ бѣжали въ шанцы. Общее настроеніе характеризуется разсказомъ одного офицера, который сообщилъ, между прочимъ, объ этомъ моментѣ:

— Я бѣгу въ шанецъ, а самъ смотрю, есть ли пуля въ револьверѣ, чтобы застрѣлиться, еслибы непріятель окружилъ меня.

Къ счастью, брянской ротѣ удалось штыками опрокинуть турокъ. Что они серьезно готовились занять нашъ тылъ, видно было изъ сосредоточенія девяти таборовъ лучшаго войска подъ нашей круглой батареей. Во время суматохи перевязочный пунктъ бѣжалъ, остался только одинъ докторъ Коньковъ, тотъ самый, который подъ Эски-Загрой, замѣтивъ, что ротный командиръ и другіе офицеры убиты, самъ сталъ во главѣ роты и повелъ ее въ штыки. Съ Коньковымъ застрялъ поваръ болгарскаго ополченія, русскій солдатъ.

— Что-жъ ты не уходишь? спрашиваютъ его.

— А какъ же посуда будетъ, ваше высокоблагородіе?

Коньковъ, остававшійся на перевязочномъ пунктѣ, наконецъ истратилъ бинты и сталъ перевязывать раны парусиной турецкой палатки. Все это время надъ позиціями стоялъ такой страшный огонь, что для посылки приказаній надо было вызывать охотниковъ.

Оглушающій крикъ отовсюду, трескотня выстрѣловъ... Усталь, голодъ, а пуще всего жажда. На-

питься негдѣ, воды ни капли... Когда пріостанавливалась атака, солдаты, рискуя жизнью, бѣгали за водой чутъ не въ черту непріятельскаго стана! Можно положительно сказать, что вода стоила жизни. Черкесы смѣло засѣли надъ водопоемъ, и мы должны были брать его съ боя. Одно было спасеніе. Въ первые три дня турки не выдерживали нашего «ура!» Наши крикнутъ, бросятся на нихъ сверху, точно лавина—и сметутъ внизъ турецкія колонны. Атаки были до того неистовы, что турки хватались за наши штыки, стягивая къ себѣ такимъ образомъ солдатъ и моментально рубили ихъ на куски. Наши раненые, оставшіеся внизу, были изуродованы до послѣдней крайности. Я отказываюсь описывать мученія, которымъ они подвергались. Одинъ офицеръ, окруженный турками, застрѣлился самъ, потерявъ надежду выйти изъ этого круга цѣлымъ. Во второй день были моменты, когда наши батареи молчали, перестрѣлявъ всѣ свои снаряды, а между тѣмъ атаки становились все бѣшенѣе и бѣшенѣе, наши бросали навстрѣчу вздымавшимся колоннамъ громадные камни, которые сметали внизъ ряды турокъ. Въ третій день въ горной батареѣ вышли всѣ снаряды. — Картечную гранату! командуетъ громко Константиновъ, замѣчая начавшуюся панику, и въ то же время обращается къ поручику Лихачеву: «у меня нѣтъ ни одного снаряда!» Въ этихъ нападеніяхъ на нашъ флангъ прошелъ первый день. Тутъ турки развернули всѣ свои силы, какъ на плацъ-парадѣ. Въ полдень они пробовали взвести свои орудія на бугоръ, чтобы сверху бить по нашимъ, но наши

пушки грянули по нимъ такъ удачно, что опрокинули ихъ въ пропасть, орудія попадали «кувыркомъ», а прислугу перебила разомъ подоспѣвшая атака съ нашей стороны... Каждый солдатъ нашъ въ этотъ памятный день былъ героемъ. Трусовъ, нерѣшительныхъ не оказывалось. Офицеры въ ложементахъ не сидѣли и не лежали, а все время или стояли, или ходили, указывая, куда стрѣлять, и въ свою очередь служа цѣлью для непріятеля. Болгарская дружина вела себя также изумительно. Разъ пятнадцать человѣкъ болгаръ опрокинули и погнали 180 турокъ подъ общее «ура» и одобрительныя восклицанія орловскаго полка, усѣявшаго карнизы горы. Одинъ изъ дружниковъ Грудновъ взялъ обыкновенную гранату, бросился въ турецкую колонну и кинулъ снарядъ о земь. Разумѣется, побило не мало турокъ, причемъ и Груднову досталось отъ осколка, задѣвшаго его за щеку. Въ концѣ перваго дня болгарское ополченіе и орловцы поклялись лечь костьми, а не отдать перевала. На другой день брянцы присоединились къ этой клятвѣ. «Ляжемъ до послѣдняго человѣка!» Вся слава перваго дня принадлежитъ горсти орловцевъ и болгарскимъ дружинамъ, между которыми было 500 человѣкъ только три дня какъ приведенныхъ, совершенно новаго народа. Значительная часть героевъ Эски-Загры и забалканскаго похода давно уже лежитъ въ могилахъ долины Тунджи. Нынѣшніе ополченцы — молодежь только что обученная, но показавшая себя достойной своихъ предшественниковъ. Маленькому отряду не приходилось покидать своихъ ложементовъ, потому что атака

шла съ трехъ сторонъ одновременно. Иногда одна кучка, человѣкъ въ двѣсти, останавливала напоръ массы тысячи въ три человѣкъ. Турки не выдерживали нашего огня; но часто такимъ небольшимъ толпамъ приходилось кидаться внизъ и, жертвуя передовыми своими бойцами, опрокидывать турокъ, словно обвалъ сползавшихъ внизъ, въ лощины... Прибавьте къ этому, что условія мѣстности чрезвычайно благопріятствовали туркамъ. Лѣсъ почти доходитъ до нашихъ позицій, мы только по грохоту шаговъ и крикамъ могли знать, что они идутъ и первое время каждой атаки стрѣляли на удачу. За то турки буквально осыпали нашу круглую и турецкую батареи, позицію болгарскаго ополченія и шоссе пулями.

Въ этотъ первый день героической защиты Шипкинскаго перевала уже пришлось пустить въ дѣло фугасы, заряженные динамитомъ. Съ первымъ случилась неудача. Взорвали раньше чѣмъ слѣдовало, за то потомъ—цѣлыя колонны турокъ сбрасывались внизъ массами земли и камня, взметывавшимися вверхъ и по сторонамъ отъ взрыва.

Ночью наши солдаты почти не имѣли времени отдыхать. То-и-дѣло завязывалась перестрѣлка съ разными отрядами черкесовъ, арабовъ и баши-бузуковъ, которые, занявъ лѣсныя трущобы и спрятавшись за скалы, посылали оттуда въ нашъ станъ пулю за пулей. Второй день ознаменовался тѣмъ, что прибывшіе ночью брянцы приняли участіе въ дѣлѣ. Солдаты немного оправились, напились воды, турки въ этотъ день почти не атаковывали насъ. Не

болѣе четырехъ атакъ было на св. Николаѣ, да и тѣ непріятель дѣлалъ далеко не съ тою стремительностію, какъ прежде. Зато наши позиціи обстрѣливали отовсюду, чтобы, во-первыхъ, отвлечь наше вниманіе и обойти насъ кругомъ; а во-вторыхъ, безъ помѣхи съ нашей стороны поставить двѣ батареи и провести подъ ихъ защитой цѣлые ряды траншей. Роясь такимъ образомъ, турки къ вечеру уже подошли къ намъ на 600 шаговъ. Турки такъ пристрѣлялись, что выставленныя изъ ложементовъ шапки были пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Сверхъ того, непріятель занималъ въ это время разные выгодные для него пункты, которые мы, по малочисленности нашихъ силъ, не могли защищать, чтобы и безъ того растянутую нашу линію не растягивать еще болѣе. Солдаты шибкинскаго отряда въ это время весь день находились въ выжидательномъ положеніи. Отбивъ шесть атакъ, они ожидали еще и не могли отдохнуть какъ слѣдуетъ. Вообще первыя двѣ ночи они не могли спать, потому что работали ложементы. Сдѣланные ранѣе, въ іюлѣ, оказались никуда негодными. Горячей пищи, понятно, они не имѣли. Только на вторую ночь имъ принесли порціи мяса. Послали за подкрѣпленіемъ, причемъ имъ было объявлено, что на другой день утромъ придутъ стрѣлки, житомірцы и подольцы. Это еще нѣсколько поддерживало нашъ отрядъ. Въ батареяхъ снарядовъ оставалось очень мало, зарядовъ для ружей—тоже. На всемъ пространствѣ нашихъ позицій не было квадратнаго аршина безопаснаго мѣста. Пули сыпались сверху отъ навѣсныхъ выстрѣловъ

подъ угломъ 35°; пули летали въ блиндажи и горизонтально; некуда было укрыться. Убивали и ранили на перевязочномъ пунктѣ. Всѣ съ ужасомъ думали, что будетъ, если наши опоздаютъ... Четыре атаки второго дня были уже направлены оттуда, откуда никто и не ожидалъ непріятеля; видимо, что турки за ночь сосредоточили свои силы на новыхъ позиціяхъ и обложили насъ еще тѣснѣе. Уже въ этотъ день они стали вокругъ горы св. Николая — подковой. Стоило лишь соединить концы подковы и шибкинскій отрядъ былъ бы отовсюду отрѣзанъ. Этого боялись болѣе всего; при нашей малочисленности мы не могли помѣшать туркамъ. Отчего они не сдѣлали этого — не знаю. Боялись ли они, чтобы мы не зашли имъ въ тылъ, или не знали толкомъ сколько насъ здѣсь? Послѣднее едва ли вѣрно, потому что организація лазутчиковъ у турокъ изумительная. Они знаютъ все, даже въ послѣдующіе дни они отлично угадывали части, которыя идутъ противъ нихъ, и выкрикивали фамиліи офицеровъ, командующихъ этими частями.

Большая часть офицеровъ была перебита уже въ этотъ второй день. Черкесы начали показывать въ тылу у насъ. Дорога обстрѣливалась отовсюду даже по одиночнымъ всадникамъ стрѣляли залпами. Такъ, среди общей тревоги и лихорадочнаго ожиданія помощи окончился второй день и наступила вторая ночь. Въ эту ночь тоже солдатамъ было мало отдыха. Турки били по нимъ отовсюду и даже навѣсными выстрѣлами старались, и не безуспѣшно, попадать за валы.

Все-таки сравнительное затишье второго дня было обманчиво. 11-го августа турки уже съ трехъ сторонъ, въ 4 часа утра, кинулись на наши позиціи. Наступленіе ихъ въ этотъ день было особенно стремительно. Очевидцы говорятъ, что турки казались пьяными и безсмысленно лѣзли на брустверы батарей и на валы ложементовъ. Всѣ солдаты и офицеры вполнѣ подтверждаютъ это. Видимо Сулейманъ и Реуфъ-паша получили свѣдѣніе, что русскія подкрѣпленія приближаются—и во что бы то ни стало хотѣли покончить съ Шипкой сегодня же. Они ударили на насъ съ фронта и съ фланговъ, наступали одновременно съ трехъ сторонъ, постоянно мѣняя свои колонны. Сверху видѣли, какъ, по мѣрѣ подъема, колонны эти таяли и таяли, но на смѣну имъ какъ будто изъ земли выростали новыя. Нашъ отрядецъ стоялъ бодро, имѣя въ виду обѣщанныя подкрѣпленія къ утру. Съ праваго фланга въ это время турки начали обходъ, ихъ встрѣтили только двѣ роты орловскаго полка. Потомъ послали туда 5½ ротъ орловскаго и брянскаго полковъ, которые одни дрались противъ 8 или 9 таборовъ турокъ, постоянно смѣнявшихся. Бойня тутъ продолжалась цѣлый день—и наши позиціи удалось отстоять. Утро пришло — никто не явился, положеніе становилось критическимъ, атаки турокъ не прекращались. Нельзя сосчитать ихъ, скорѣе можно сказать, что весь этотъ день былъ одной непрерывной атакой съ трехъ сторонъ. Южный склонъ св. Николая почти твѣсный, не смотря на это, непріятель лѣзъ на него отчаянно. — Крики «Алла!» не прекращались съ

утра. Шесть разъ наши ходили въ атаку и выбивали турокъ изъ занятыхъ ими ложементовъ. Изъ 100 раненыхъ подбирали одного — остальные гибли. Отрядъ таялъ съ каждой минутой. Выбьютъ врага— черезъ часъ являются безчисленныя полчища, развертываются правильныя колонны и наши должны уступить. Брянскій полкъ потерялъ своихъ штабъ-офицеровъ и почти всѣхъ оберъ-офицеровъ. Солдатъ выбивали изъ строя сотнями, ряды наши рѣдѣли и рѣдѣли. Еще нѣсколько часовъ—и Шипка останется безъ защитниковъ. Въ эту критическую минуту дружина, орловцы и брянцы дали обѣтъ еще разъ: ни подъ какимъ видомъ, пока живы, не уступать перевала. Позади въ тылу уже показались черкесы, подготовленные Сулейманомъ для преслѣдованія, они даже по сторонамъ подъ самымъ носомъ у насъ гнѣздами засѣли въ лощины и за деревья густого чернолѣсья и открыли оттуда огонь на выборъ. Прибавьте къ этому, что 11-го августа ни у кого даже и сухарей уже не было и мы до вечера оставались голодными. Воды у цѣлаго отряда — ни капли. Дѣло дошло до того, что тамъ, гдѣ еще недавно стѣной стояли солдаты, остались небольшія кучки бойцовъ, едва отбивавшихъ непріятельскія атаки... Утромъ, когда подкрѣпленіе не явилось, начальники сообщили, что войска наши прибудутъ въ два часа. Въ страшной рѣзнѣ прошелъ полдень, прошелъ часъ, два, три, а въ сторонѣ къ Габрову не видно было ни одного солдата. Въ войска стало закрадываться отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, колонны непріятеля обновлялись каждую минуту, наши только умирали на

своихъ постахъ, рѣдѣя, какъ рѣдѣетъ поле подъ косою... Все было завалено трупами внизу. Нашъ огонь убійственно дѣйствовалъ на турокъ, но опьянѣвшія отъ дикаго фанатизма и отъ вліянія опіума толпы ихъ все прибывали и прибывали, проходя вверхъ по тѣламъ своихъ павшихъ товарищей. Нѣкоторые рвы съ верхомъ были завалены ими, трупы грудами лежали между деревьями, тѣмъ не менѣе сигнальные рожки все еще сзывали новыя подкрѣпленія, и участь Шибки казалась рѣшенной.

Нашихъ становилось такъ мало, что солдаты для защиты позицій должны были перебѣгать съ мѣста на мѣсто, а вдали все еще не показывалось подкрѣпленій. Раненые не уходили—потому что безъ нихъ некому было бы защищать оныя позиціи. Узнавъ отъ вновь раненыхъ о томъ, что тамъ осталось мало защитниковъ, уже перевязанные возвращались назадъ въ ложементы...

— Надо постараться... Время такое. Все одно умирать.

Въ рѣдкія минуты отдыха утомленные бойцы пристально всматривались въ синеву ущелій, по которымъ змѣится дорога на св. Николай, но она оставалась все также пустынной и безлюдной. Если что и шевелилось на ней, такъ это партіи черкесовъ, пробиравшихся къ намъ въ тылъ. Во время атаки, для того, чтобы парализовать превосходныя силы непріятеля, солдатамъ болгарской дружины приходилось бросаться въ толпу враговъ по одиночкѣ и, схватясь за дуло своего ружья, работать прикладомъ. Въ такой борьбѣ прошло нѣсколько часовъ.

Въ два часа пополудни позади, въ тылу, все такъ же было тихо, какъ и раньше—подкрѣпленія не показывались. Полное уныніе стало закрадываться въ душу начальниковъ и солдатъ. На этихъ позиціяхъ, облитыхъ кровью, приходилось лечь и остальнымъ, оставивъ ихъ торжествующему врагу. Рѣшились ждать еще нѣсколько часовъ, но уже ждать безъ надежды...

— Насъ оставили, бросили... Видно, силы нашей не хватаетъ... Одолѣлъ врагъ,—говорили солдаты.

Что бы то ни было, объ отступленіи никто не думалъ... Только разъ съ правофланговой позиціи потянулась масса раненыхъ, а за ними и здоровые, оставшіеся безъ патроновъ. На встрѣчу имъ Липинскій.

— Куда вы, братцы? Отступленія нѣтъ и не будетъ!

Смѣшанная толпа орловцевъ, брянцевъ и дружинниковъ тотчасъ повернула назадъ. Къ нимъ примкнули и раненые. Тотчасъ же на этотъ пунктъ кинулись турки. Вернувшіеся встрѣтили ихъ чѣмъ попало: швыряли камнями, обломками ружей, комьями земли. Обыскивали убитыхъ—нѣтъ ли патроновъ и, такимъ образомъ все-таки отстояли позицію.

Все возможное для героизма и самопожертвованія было уже сдѣлано, оставаться здѣсь долѣе — значило рѣшиться на великое историческое самоубійство... Орловцы плакали, предвидя возможность, что эти позиціи безъ защитниковъ будутъ заняты врагами. Солдаты умоляли офицеровъ не отдавать Шибки.

— Кровью добыли, всѣ до единаго здѣсь и ляжемъ.

Точно ихъ сердца приросли къ этимъ голымъ скаламъ и сѣрымъ откосамъ... Какъ вернуться назадъ, не отстоявъ этого пункта! Офицеры тоже думали, что Шибкинскій перевалъ—узелъ, пульсъ войны, что вторично брать его обойдется намъ еще нѣсколько десятковъ тысячъ жизней. Мрачною шеренгою еще стояли солдаты, но большая часть уже отбивалась машинально, механически. Извѣрились въ поддержку своихъ и умирали на своихъ постахъ съ горькимъ чувствомъ брошеннаго и забытаго бойца. Тѣмъ не менѣе приказанія объ отступленіи не было и не могло быть. Не подоспѣй войска, Шибка надолго была бы потеряна для насъ. Дрогнула, наконецъ, часть ея защитниковъ солдатъ, послѣднія горсти которыхъ были изморены трехдневнымъ безустаннымъ боемъ... Въ это время шла «пьяная» атака непріятеля. Онъ подобрался на 30 шаговъ къ фугасамъ. Поручикъ Романовъ, уже раненый, держалъ проводники отъ минъ, въ лихорадочномъ ожиданіи момента взрыва. Не доходя до горы, въ колоннахъ турокъ показалась какая-то суматоха, они кинулись назадъ, чтобы тотчасъ же озлобленнѣе и рѣшительнѣе броситься въ новую атаку.

Думали, что смерть нашимъ приходитъ. Изо всѣхъ щелей вылѣзали проклятые. «Алла!» просто въ ушахъ звенѣло. На наше ура никакого вниманія не обращали.

Видимо, турки, провѣдавъ о чемъ-то, рѣшились взять Шибку теперь, сейчасъ или никогда. Солда-

ты едва отбивались, есть же предѣлы и для героевъ... Ряды за рядами умирали или падали подъ ударами. Шагъ за шагомъ оказывался въ рукахъ у непріятеля, стойко дкадцать на одного подвигавшагося впередъ. Какой-то паша на бѣлой лошади позади подбодрялъ отстававшихъ, турецкіе офицеры пристрѣливали тѣхъ изъ своихъ, кто бѣжалъ.

Конецъ!.. Еще нѣсколько минутъ и Шипка—турецкая опять и лавина варваровъ обрушится оттуда въ долины Янтры и Лома, чтобы, испепеливъ Габрово, Дреново, Травну и Тырново, облить кровью эту благословенную небомъ страну...

Далеко, далеко послышался какой-то гулъ...Громче и опредѣленнѣе... Остановились и враги, и наши, и вперили усталые взоры на дорогу къ св. Николаю...

Далеко на ея извивахъ легли какія-то тѣни... Что-то сверкаетъ подъ лучами заходящаго солнца... Неужели идутъ свои?... Гулъ все ростетъ... Складывается въ громкое, неудержимее «ура»; «ура» подхватывается ранеными на перевязочномъ пунктѣ, какъ молнія перекидывается на вершину св. Николая. Подъ радостный крикъ, верхомъ на лошадяхъ, стремглавъ подскакали стрѣлки, и вдругъ св. Николай, опять ощетинившійся тысячами штыковъ, бросаетъ въ колонны турокъ огонь и смерть... Точно и не бывало устали, точно эти люди три дня не дрались па своихъ постахъ. Не думая уже о себѣ, забывъ голодъ и изнеможеніе, всѣ сразу безъ приказанія бросились съ позицій въ наступленіе и (воодушевленіе дѣлаетъ чудеса) моментально смели

внизъ озлобленную массу непріятеля, а задніе ряды въ это время уже обнимались и цѣловались съ прискакавшими стрѣлками.

Шибка была спасена.

Стрѣлковъ посадили на коней, и это только помогло дѣлу...

Далѣе шестидневный бой я уже буду описывать какъ очевидецъ. Теперь же только скажу, что честь и слава трехдневнаго боя и защиты Шибкинскаго прохода безраздѣльно принадлежитъ нашему безотвѣтному, неприглядному, сѣрому армейскому солдату.

III.

Вечеръ и ночь 11-го августа на вершинахъ св. Николая.

Нечего говорить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, съ какою душевною болью мы подъѣзжали къ высотамъ Шибкинскаго перевала. Такъ, отсутствующій другъ спрашиваетъ объ агоніи близкаго ему человѣка, какъ мы—встрѣчавшихся намъ солдатъ о положеніи дѣлъ на св. Николаѣ. «Выстоятъ ли еще два часа?» «Удержатся ли до нашего прихода?»... Въ отвѣтъ намъ сомнительно качали головой и просто отдѣлывались, махнувъ рукою, чтобы не сказать горькаго слова, не передать зловѣщаго предположенія... Съ каждою верстою отрядъ безъ приказаній самъ прибавлялъ шагу, торопился. И странное дѣло: еще вчера, когда солдатъ понукали идти, когда нарочно для этого позади слѣдовали

офицеры—отрядъ растягивался на версты, народъ разбивался на отдѣльныя кучки, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы привалиться къ какому нибудь дереву и отдохнуть; теперь всѣ шли сомкнутыми колоннами, каждый самъ чувствовалъ, что онъ крайне нуженъ, и нуженъ именно въ эту минуту. Я уже говорилъ, что молчаливые до тѣхъ поръ стрѣлки, по выходѣ изъ Габрова услышавъ отдаленный гулъ орудій съ батарей св. Николая, разомъ, какъ одинъ человѣкъ, крикнули «ура» и весело, уже съ пѣснями двинулись впередъ. Веселость эта пропадала по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, по мѣрѣ того, какъ зловѣщія вѣсти доходили до отряда.

Въ слѣдующій разъ, когда я ѣздилъ въ Габрово и возвращался оттуда, я различилъ поразительную красоту Шибкинскаго ущелья, по которому тянулась наша дорога. Въ первый же и эти чудно прекрасныя горы, и эта гремучая въ своихъ порогахъ Янтра, и эти лощины, уходящія въ сырой мракъ дубоваго и буковаго лѣса, точно пропадали изъ глазъ. Мы ихъ не видѣли, не смотрѣли на нихъ. Нѣсколько живописныхъ каменныхъ мостовъ горбами перекинуто черезъ горную рѣку, отовсюду вѣетъ свѣжестью, мѣстность весьма оживлена тысячами бѣглецовъ изъ долины Марицы и Тунджи, разбившихъ здѣсь свои бивуаки. Тѣ же благословенія вослѣдъ нашему отряду. Особенно въ памяти у меня осталось лицо старухи, встрѣтившей отрядъ при самомъ началѣ подъема, гдѣ ущелье, съуживаясь, нѣсколько напоминаетъ выходъ Дарьяла къ сѣверу; стала на колѣни, бѣдная, креститъ мимопроходящихъ

солдатъ, а изъ глазъ такъ и льются крупныя слезы. Около—больной ребенокъ раскинулся и таращится на насъ, да убогая сума лежитъ... Подъемъ начинается верстахъ въ семи отъ Габрова, онъ все время вползаетъ по крутымъ откосамъ горъ. Прежде это была узкая тропинка — теперь широкая и гладкая дорога, проложенная нашими саперами. Направо зеленѣютъ пустынныя горы. По лѣсамъ, одѣвшимъ ихъ склоны, бродяжничаютъ только отряды черкесовъ и баши-бузуковъ. Надняхъ тутъ пристрѣлили офицера, одиноковозвращавшагося въ Габрово...

Жутко становилось по мѣрѣ приближенія къ перевалу. Даже трудно теперь воспроизвести этотъ трепетъ ожиданія, эту тревогу отряда... Все мѣшается въ одну толчею, помнишь только обрывки... Я ѣхалъ вмѣстѣ съ горной батареей Орлова... Вдали слышалась какая-то трескотня, точно сотня телѣгъ громыхаетъ по безобразной мостовой. Вдругъ что-то свиснуло около, еще нѣсколько секундъ— кто-то простоналъ рядомъ.

— Что ты? спрашиваетъ офицеръ.

— Въ ногу вдарило, ваше благородіе!

И бравый рослый солдатъ валится безсильно о земь...

Трескотня все громче и громче... Ближе посвистываютъ пули... Безсознательно пришпориваешь лошадь и стремглавъ проносишься черезъ шибко обстрѣливаемую сѣдловину. Отсюда видны почти всѣ наши позиціи... Громадный св. Николай съ своими предгоріями, служащими точно пьедесталомъ его конической вершинѣ, съ которой грозно смо-

трятъ стальная и круглая батареи и едва-едва намѣчиваются черточками траншеи, въ которыхъ залегли наши. Чуть-чуть ниже батарей выпятился налѣво многоугольникомъ бывшій турецкій редутъ. Дорога снизу отъ большого перевязочнаго пункта взбѣгаетъ на сѣдловину, отдѣляющую первое предгоріе отъ св. Николая. Сѣдловина эта—обрывается внизъ направо и налѣво; всякій, кто проѣзжаетъ по ней, какъ на ладони. Турки могутъ бить здѣсь на выборъ, что они и дѣлаютъ дѣйствительно. За сѣдловиной дорога зигзагами взвивается на первую вершину, откуда направо сползаетъ внизъ и теряется въ лѣсу слѣдующей горы, только что взятой турками; за ней прячется невидимая снизу Лысая гора, гдѣ турки не только успѣли устроиться какъ у себя дома, но и поставили батарею и прорыли траншеи во всѣхъ направленіяхъ. Передъ Лысою горой цѣлый рядъ отдѣльныхъ лѣсистыхъ вершинъ тянется къ западу. Тутъ видны и Зелено-Древо, и отдаленные очерки Траяна. Надо всѣми ими возвышается голая сѣрая скала, вѣнчающая отдаленную еще громадную вершину св. Николая, уступы которой обрываются въ царство розъ долины Казанлыка... Дальше ужъ и не разобрать: направо и позади цѣлое море валовъ, вершинъ хребтовъ и гребней, которые, когда мы въѣзжали на св. Николай, уже тонули въ сумеркахъ вечера... Налѣво отъ св. Николая возвышаются лѣсистыя горы, одна другой круче, но поставленныя каждая отдѣльно. Едва-едва виднѣется за ними Бедекъ и даже въ бинокль не различить очерки Хаинкіоя... Горы, прилегающія къ

св. Николаю слѣва, въ день нашего прибытія были уже заняты турками и оттуда по нашему отряду открыли сильный огонь...

На встрѣчу выѣхалъ только что прискакавшій корпусный командиръ Радецкій. Замѣчательно эфектенъ и поразителенъ былъ моментъ, когда, только что пріѣхавъ на позицію, Радецкій въ карьеръ взлетѣлъ по крутой горѣ на брустверъ батареи, откуда открывалась вся атака турокъ внизу и куда градомъ сыпались пули. Радецкій отсюда осмотрѣлъ позиціи, оставаясь спокойнымъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Когда стрѣлки, расположившіеся у первой батареи и на окраинахъ дороги по лѣвую сторону, орловцы и дружина наверху, увидѣли нашъ отрядъ, по всѣмъ гребнямъ позицій раздалось такое дружное и энергичное «ура», что оно на минуту покрыло и трескотню выстрѣловъ, и гвалтъ турецкаго наступленія, озлобленно и неистово переходившаго съ одной высоты на другую. Свѣжіе батальоны стрѣлковъ моментально, не ожидая приказаній, кинулись на гору и залегли на ея карнизахъ. Наступленіе турокъ направлялось по лощинѣ, образуемой выгибомъ горы св. Николая. Лощина эта покрыта лѣсомъ почти до вершины гребня. Лучшіе таборы Сулеймана-паши неистово шли по ней вверхъ, не обращая вниманія на убійственный огонь стрѣлковъ.

— Покажите имъ скорѣе пушки,—приказалъ генералъ Радецкій командиру горной батареи Орлову.

Не смотря на крутой откосъ, лошади мигомъ взвезли четырехъ-фунтовыя орудія къ бруствeру, и черезъ

БИБЛИОТЕКА

минуты двѣ въ общемъ гвалтѣ и трескотнѣ атаки грянули ихъ мѣдныя жерла, бросивъ прямо въ лицо врагу свои картечныя гранаты. Первая проба оказалась очень удачна. Гранаты разорвало въ копошившейся по скату горы массѣ красныхъ фесокъ.

Картины, представившейся мнѣ отсюда, я никогда не забуду. Внизу правильныя колонны турокъ, точно на маневрахъ развертывавшія свой строй, рядомъ выступъ горы зубцами и зигзагами, весь точно ощетинившійся ружьями. Особенно поразительна была одна скала. Она выдавалась вся карнизомъ въ бѣлесоватомъ сумракѣ тихаго вечера. Въ профиль это былъ острый уголъ съ горизонтальной линіей площадки карниза. На ней по самому краю плашмя залегли стрѣлки. На свѣту такъ и видны были — этотъ выступъ утеса и рядъ ружей, выдвинутыхъ оттуда въ пространство... Подъ скалою туманъ, кругомъ все ушло во мглу и только одна скала эта вырисовывается на сѣроватомъ фонѣ.

Стрѣльба глушила насъ... Вся гора одѣлась въ огневую кайму. Гремѣло вверху и внизу. Но атаки сбиты и справа и слѣва на краю дороги уже работаютъ стрѣлки по отдѣльнымъ толпамъ, подступавшимъ оттуда, чтобы раздѣлить наши силы. Сначала это былъ какой-то хаосъ, потомъ ухо пріучилось находить въ немъ нѣкоторую правильность. Грохотъ залпа разомъ, моментъ тишины, прерываемой только криками «Алла!» внизу и затѣмъ огонь на выборъ, въ перемежку, а тамъ опять оглушительный залпъ... Я насчиталъ до пятнадцати залповъ, когда турки внизу дрогнули. Замѣтивъ это, наши стрѣлки ки-

нулись изъ своихъ прикрытій и стали сбѣгать внизъ по скату прямо на озлобленнаго врага; еще одинъ могучій перекатъ «ура» и все внизу смятое, свалявшееся въ одну массу кинулось вспять... Турки бѣжали въ лѣса зеленыхъ горъ, обступившихъ лощину, почти въ каждомъ рву оставляя своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ трехъ сутокъ непрерывнаго боя — шибкинскій отрядъ могъ наконецъ успокоиться. Выстрѣлы раздавались только изрѣдка, но это было почти мертвою тишиною послѣ недавней свалки. Горныя пушки оказались какъ нельзя болѣе кстати. Наши батареи молчали потому, что разстрѣляли всѣ свои снаряды. Грохотъ четырехъ-фунтовыхъ орудій былъ для турокъ поэтому полною неожиданностію — и довершилъ дѣло, превосходно начатое стрѣлками...*).

По окончаніи боя, сверху, на горѣ св. Николая грянуло торжествующее «ура», прокатилось по гребню внизъ и замерло въ лощинахъ отдаленнаго перевязочнаго пункта, чтобы начаться опять... Повторилось оно три раза, пока Радецкій не приказалъ замолчать...

— Зачѣмъ ихъ останавливать теперь?

— Солдаты въ эту минуту очень нервны. Если

---

*) Стрѣлкамъ, впрочемъ, не пришлось отдохнуть. Ложементовъ или не было, или они были открыты къ непріятелю и, напротивъ, защищены къ сторонѣ Габрова. Пришлось всю ночь подъ огнемъ рыть новые. Это ложится тяжелымъ укоромъ на людей, которые были обязаны еще въ іюлѣ позаботиться объ укрѣпленіи позицій.

не дать имъ до сна успокоиться — они и ночью во снѣ не найдутъ отдыха. Пригрезятся нѣкоторымъ турки — заорутъ со сна и всполошатъ всѣхъ на позиціяхъ.

И дѣйствительно, на другой день я самъ былъ очевидцемъ такой тревоги ночью.

Тотчасъ же всѣ подошли къ Радецкому съ поздравленіями. Радецкій—типъ боевого генерала. Не смотря на строгія черты лица, въ нихъ выраженіе большой доброты, взглядъ будто высматривающій что-то вдали, нѣсколько нахмуренныя сѣдыя брови, прямая постановка видимо сильнаго, на зло лѣтамъ, корпуса, крѣпкая рука и крѣпкія ноги. Къ сѣдлу онъ точно приростаетъ, когда садится на лошадь. Съ 12-го по 20-е онъ не выходитъ изъ огня, показываясь верхомъ тамъ, гдѣ всѣ другіе благоразумно залегаютъ за ложементы. 12-го августа, пославъ въ атаку всѣ свои войска, Радецкій остался при одной ротѣ. Наконецъ и она потребовалась. Генералъ повелъ ее самъ.

— Мнѣ не съ кѣмъ оставаться—пойдемъ вмѣстѣ, ребята.

Солдаты ему отвѣтили такимъ задушевнымъ «ура», какое рѣдко приходится слышать параднымъ генераламъ.

Радецкій славится своею мягкостію и добродушіемъ, которымъ нѣсколько противорѣчитъ его наружность. Онъ страстно любитъ солдата и самъ беззавѣтно любимъ имъ.

Тотчасъ по окончаніи боя, генералъ Радецкій отправился на рекогносцировку. Была уже ночь. Вер-

шины горъ смутно плавали въ туманѣ; освѣщенный луною путь, ложившійся по гребнямъ капризными извивами, казался серебряною рѣкою... Только онъ и выдѣлялся отчетливо... Очень похоже на виды Дагестана, хотя не столь грандіозно. Мы быстро миновали часть дороги между первой батареей и поворотомъ на первую лѣсную гору. Путь все по карнизу. Справа откосъ горы, слѣва спускъ — отсюда путь обстрѣливается прицѣльно, справа же въ него попадаютъ пули, пущенныя навѣсно подъ угломъ 35°. Шибкинскія высоты потому именно и томительны для отряда, что на нихъ не было и нѣтъ квадратнаго аршина такого мѣста, куда, можно быть увѣреннымъ, не попадетъ пуля. Открытыя позиціи обстрѣливались и обстрѣливаются отовсюду, а куда нельзя попадать прицѣльно, туда турки принаравливались стрѣлять навѣсно, и такъ, что наприм., на перевязочномъ пунктѣ, находившемся между позиціями и большимъ госпиталемъ, было нѣсколько человѣкъ убито и много ранено, именно пулями, падавшими сверху. Людей было такимъ образомъ въ ложементахъ, въ траншеяхъ, за надежнымъ, повидимому, прикрытіемъ. Въ одной стрѣлковой ротѣ— выбыло 30 человѣкъ, во время отдыха, подъ прикрытіемъ вала! Дерожинскаго убило въ безопасномъ мѣстѣ, начальника штаба Дмитровскаго чуть не съ головою зарыло землей при разрывѣ гранаты въ ложементѣ; нѣсколько солдатъ убило на-повалъ, въ то время, когда они ночью спали, прижавшись къ откосу защищавшаго ихъ вала. Сверхъ того турки опускали сверху на неприступныя позиціи хоро-

шихъ стрѣлковъ, преимущественно черкесовъ, которымъ оставляли на нѣсколько дней воды и хлѣба. Шайка человѣкъ въ пять, сидя въ такомъ гнѣздѣ, куда снизу по отвѣсу къ нимъ никакъ не добраться, пострѣливала себѣ съ утра до ночи, цѣлый день, дѣлая нѣкоторые пункты нашихъ позицій совершенно невозможными. Точно также они забирались на деревья, ютились въ густолиственной чащѣ на вершинахъ. Нужно при этомъ замѣтить, что турки обладаютъ громаднымъ количествомъ снарядовъ. Выбивая ихъ изъ ложементовъ, наши находили тамъ цѣлые ящики патроновъ. У каждаго стрѣлка — ящикъ, хоть цѣлый день стрѣляй — хватитъ и еще останется. Они выпускаютъ милліоны снарядовъ въ день, часто совершенно на удачу. Нѣкоторыхъ стрѣлковъ они ставятъ съ спеціальною цѣлью бить по офицерамъ, всадникамъ, по посылкамъ, которыя несутъ нѣсколько солдатъ, по раненымъ. Преимущество оружія у нихъ такое, что въ то время, когда нашъ прицѣлъ (ружье Крика) ограничено 600 шагами, непріятель изъ ружей Пибоди, Ремингтона, Снайдера бьетъ на 3,000 (навѣсно) и на 2,000 шаговъ—прицѣльно. Я не говорю о магазинныхъ ружьяхъ, которыми у нихъ вооружены преимущественно черкесы.

Проѣзжая мимо частей войскъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, генералъ Радецкій благодарилъ ихъ. Скоро мы въѣхали на мѣловую площадку, по которой приходилось проскакать, потому что она преимущественно обстрѣливалась турками. Пули назойливо свистали въ ушахъ, отдаленныя или про-

летавшія высоко жалобно стонали, близкія — разсѣкали воздухъ. Кому-то ранило лошадь; конь взвился на дыбы, но видимо рана была не тяжела, оправился и пошелъ далѣе, фыркая и пугливо озираясь. За мѣловой площадкой — ложементы и батареи св. Николая. Поблагодаривъ Толстого и Липинскаго (котораго мнѣ такъ и не удалось разглядѣть во мракѣ), за стойкую защиту позицій, Радецкій отправился дальше, предостерегаемый на каждомъ шагу быть осторожнѣе, потому что тамъ, гдѣ кончались наши позиціи, гора минирована и всюду проложены проволоки фугасовъ. Не знаю, какъ другіе, что же касается до меня, то я особенно зорко посматривалъ, чтобы неожиданно не совершить воздухоплаванія при обстоятельствахъ, ни мало не дѣлающихъ его пріятнымъ. Отсюда Радецкій послалъ батальонъ стрѣлковъ занять пригорокъ, поросшій лѣсомъ, за сѣдловиной, очень близкой къ св. Николаю и на одной высотѣ съ нимъ. Дѣло въ томъ, что мы его оставили до прибытія подкрѣпленій, не имѣя возможности при малочисленности отряда и въ виду настойчивыхъ атакъ турокъ растянуть и безъ того слишкомъ длинную линію нашихъ позицій. Думали, что эта гора еще не захвачена турками. Батальонъ выстроился безшумно; черная масса его по командѣ тихо двинулась къ горѣ, за отрядомъ поѣхали и мы. Радецкій лично велъ стрѣлковъ... Молчаливая, пустынная тянется передъ нами высота... Казалось, на ней — никого; но это до тѣхъ поръ только, пока солдаты не подошли ближе; только что они начали взбираться, гора во тьмѣ точно

вспыхнула огнями, выдавъ по выстрѣламъ положеніе турецкихъ траншей. Болѣе чѣмъ въ ста мѣстахъ сверкнуло пламя выстрѣловъ и опять сухое тресканье стало въ воздухѣ, сопровождаемое унылымъ посвистываніемъ пуль. Если хотите, очень красива была среди темной ночи эта черная масса, вся вспыхивавшая огнями. Наши сначала шли безъ выстрѣла — даромъ зарядовъ нельзя было тратить: подвозка — хуже чего нельзя быть, а съ собою мало. Нѣсколько часовъ продолжалась перестрѣлка, но въ эту ночь маленькій отрядикъ заночевалъ въ занятомъ лѣсу, чтобы продолжать наступленіе завтра, 12-го августа.

Тутъ мнѣ, между прочимъ, разсказали одинъ изъ эпизодовъ трехдневнаго боя. Кто-то изъ генераловъ вечеромъ, когда сумерки уже сгустились, подходитъ къ одному изъ опаснѣйшихъ пунктовъ на позиціи. Передъ нимъ оказался офицеръ съ окровавленнымъ лицомъ и раненой ногой. Онъ взялъ подъ козырекъ. Около лежало семнадцать солдатъ.

— Что это они у васъ, спятъ?

— Да, ваше п—ство, спятъ! отвѣчалъ офицеръ.— Спятъ... и не проснутся: они всѣ убиты.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?

— Ожидаю своей очереди... это была моя команда,—тихо отвѣчалъ офицеръ.

Я поѣхалъ назадъ на батарею, гдѣ условился провести ночь. По всему пути солдаты жались въ ложементы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стояли обозныя фуры, подъ ними лежали десятки отдыхавшихъ бойцовъ. Отсюда я поѣхалъ уже не прежней дорогой, а

за валомъ вдоль лощины, гдѣ шло сегодня наступленіе. Вѣтерокъ дулъ оттуда и, Боже ты мой! что за вонь доносилась изъ овраговъ и рвовъ. Гнили сотни труповъ, не убранные ни нами, ни турками. Намъ нельзя было спуститься для этого — сейчасъ же открывалась стрѣльба, турки же сами не дѣлали ничего.

IV.

Бой 12-го августа.

Только что мы заснули какъ слѣдуетъ подъ брустверомъ батареи, согрѣвшись подъ солдатскими шинелями съ убитыхъ, какъ на нашемъ правомъ флангѣ послышалась трескотня. Завязалось уже дѣло 12-го августа. Слѣва долетали до насъ отдѣльные выстрѣлы, справа — били залпами.

Разсвѣтало. На днѣ долинъ клубился туманъ, сѣрыя волны его наполняли ущелья. Деревушки направо не было замѣтно, только два или три домика, вползавшіе на высоту, показывали свои кровли, крытыя каменными плитами. На вершинахъ горъ уже рдѣли солнечные лучи. Сегодня я хотѣлъ осмотрѣть перевязочный пунктъ и встрѣтить Драгомирова, который долженъ былъ прійти часамъ къ семи съ своимъ отрядомъ.

На перевязочномъ пунктѣ все еще спало. Вчера доктора сильно утомились, проработавъ при красномъ отблескѣ факеловъ до трехъ часовъ ночи. Теперь они ютились подъ деревомъ, ни мало не защищавшимъ ихъ отъ солнечныхъ лучей. Имъ жгло ли-

ца и груди, но видимо не могли сладить съ истомой!.. Самые шатры для больныхъ стояли тутъ же у домика или, лучше, караулки, при началѣ нашихъ позицій. Оттуда слышались стоны и жалобы.

Св. Николай образуетъ три сѣдловины. За первою изъ нихъ къ сѣверу—временной пунктъ, за второю—на холмѣ постоянный перевязочный пунктъ за третьей—второй большой госпиталь и обозы. Многіе раненые спали на открытомъ воздухѣ. солнце уже било имъ въ лица, но дѣваться некуда, шатры переполнены. Около свернулись санитары и цѣлая группа болгаръ, спасавшихъ вчера раненыхъ на мѣстѣ боя. Снизу по цѣлинѣ на гору тянулись свѣжія войска.

— Это какіе?

— Драгомировцы... житомірскій полкъ... А вонъ тамъ подалше—подольцы.

Дѣйствительно, на отдаленной дорогѣ ползло и развертывалось что-то черное.

— Гдѣ же самъ Драгомировъ?

— Да онъ уже давно пріѣхалъ, вонъ сидитъ на камнѣ.

Я направился къ нему. Гора, гдѣ расположились батальонами житомірцы, вся состояла изъ груды скалъ, наваленныхъ одна на другую. Солдаты стояли «вольно», фронтомъ въ панорамѣ горъ. куда ихъ сейчасъ должны были повести. Впереди, на камнѣ, сидѣлъ Драгомировъ и зорко, вдумчиво оглядывалъ окрестности. съ особеннымъ упорствомъ останавливая взгляды на крутой, поросшей лѣсомъ, горѣ, на которую точно змѣи вползали три или четыре

пѣшеходныя тропинки. Видимо Драгомировъ усталъ отъ перехода—нѣсколько сгорбился, рука опустилась внизъ, изъ-подъ бѣлой фуражки съ назатыльникомъ привѣтливо смотритъ круглое лицо, мягкимъ чертамъ его придаютъ насмѣшливое выраженіе умные глаза, пристально оглядывающіе васъ. Изрѣдка по лицу генерала пробѣгаетъ грустное чувство, въ эти моменты онъ опускаетъ голову внизъ и видимо поддается тяжелому раздумью. «Вотъ и поправляй чужія ошибки, жертвуя тысячами своихъ солдатъ!» какъ будто говоритъ взглядъ его, когда онъ останавливается на твердыняхъ, уже занятыхъ турками...

— Видите ли вы лѣсокъ? подозвалъ онъ къ себѣ командира житомірскаго полка Тяжельникова.— Это ихъ лѣвый флангъ, указываетъ Драгомировъ на опушенную дубами и буками гору. —Возьмите третій батальонъ, пусть онъ займетъ... Есть возможность идти цѣпью—идите цѣпью, а сзади пусть роты подпираютъ.

— Людямъ нужно воды, ваше превосходительство... Ихъ оживитъ это.

— Вѣрно! Переднимъ не увлекаться, заднимъ подпирать ихъ по мѣрѣ силъ и возможности, быть на хвостѣ у переднихъ...

Батальону принесли воды, солдаты стали наполнять свои жестянки и пить наскоро. На позиціяхъ недостатокъ воды полный. Вода стоитъ жизни и усталые солдаты дѣйствительно идутъ подъ пули добывать ее.

— Много не пейте тамъ... Берегите воду, преду-

преждаетъ Драгомировъ.—Устанете—прополощите ротъ, освѣжитесь... Не тратьте воды даромъ.

Получено было свѣдѣніе, что съ лѣваго фланга своего думаютъ пробраться баши-бузуки. Они ползаютъ по такимъ звѣринымъ тропамъ, гдѣ, кажется, человѣку и не устоять надъ кручей и на кручѣ. Имъ на встрѣчу должны были ударить житомірцы и обойти турокъ съ фланга.

Батальонъ, который долженъ былъ идти въ обходъ, дѣлился на три колонны. Онѣ могутъ идти или врозь или одна за другой, смотря по условіямъ мѣстности. Житомірскій полкъ, къ которому принадлежали онѣ, болѣе всего потерпѣлъ во время предварительнаго перехода сюда. Въ теченіе трехъ дней отправлено въ госпиталь 27 человѣкъ, пораженныхъ солнечнымъ ударомъ, изъ нихъ одинъ умеръ и пятеро—сомнительныхъ. Три дня было употреблено, чтобы сдѣлать походъ на Елену, вернуться и пройти на Шибкинскія высоты черезъ Тырново и Габрово. Въ послѣдній день, т. е. вчера, полкъ сдѣлалъ шестьдесятъ верстъ. Въ 4 часа утра онъ вышелъ изъ Лесковицы, въ $6^1/_2$—перешелъ Экстеру, въ $1^1/_2$ пополудни уже миновалъ Габровское ущелье, близь Тырнова. Имѣли въ виду пообѣдать въ Дреновѣ—пришли, надо было идти сейчасъ же далѣе, вывернули котлы, многіе, ничего не поѣвъ, добрались до Габрова въ $7^1/_2$ час. вечеромъ. Солдаты успѣвали—повара отставали, почему людямъ было выдано по куску сырого мяса, и они вечеромъ сами себѣ готовили пищу.

— Съ Богомъ, стрѣлки! проводилъ первую колонну Драгомировъ.

— Покорно благодаримъ, в. п—ство!

— Поможете тѣмъ, которые уже четвертый день сражаются! привѣтствуетъ ихъ Тяжельниковъ.

— Постараемся, в. в—діе!

— Ради Христа, братцы, не горячиться! напутствуетъ Драгомировъ. — Чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше.

— Подойдете ближе, нечего стрѣлять, иди въ штыки, онъ этого терпѣть не любитъ...

— Съ Богомъ, третій батальонъ.

— Воды еще нѣтъ, в. п—ство!

— Ну, теперь ужъ нечего дѣлать. Въ догонку пошлемъ... Теперь, братцы, ужъ некогда. Нужно своихъ выручать, четвертый день дерутся. (Въ голосѣ слышна особенная энергія, обаятельно дѣйствующая на солдатъ).

— Помогите имъ, братцы!..

— «Ур-ра!...» двинулись было, но въ долинѣ показались посланные съ водою... Напились и пошли...

— Предупредите солдатъ, пояснилъ Драгомировъ,—чтобы они никакимъ слухамъ и вздорамъ вѣры не давали. Тому, кто возвращается съ боя, всегда, чортъ знаетъ, что кажется...

Утро разгоралось. Подъ палящими уже лучами солнца, въ дымчатомъ маревѣ далей словно выдвигались валы и гребни горныхъ хребтовъ; лиловыми тѣнями залегли между ними сѣрыя ущелья.

Въ 9 часовъ утра получено было житомірцами приказаніе—двинуться остальнымъ двумъ батальо-

намъ прямо на позицію св. Николая, чтобы очистить мѣсто волынцамъ и минцамъ, шедшимъ сюда подъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Драгомировъ пропустилъ войска мимо себя, обращаясь къ каждому батальону:

— Помогай вамъ Боже, братцы...

Все это время генералъ былъ очень невеселъ. Будь я суевѣренъ, я бы сослался на предчувствіе.

Дѣйствительно, не прошло двухъ часовъ, какъ Драгомировъ былъ раненъ. Онъ только что выѣхалъ на позиціи, сошелъ съ лошади, и хотѣлъ осмотрѣть ихъ. Ему въ это время предложили сѣсть. Онъ вдругъ опустился, проговоривъ: «готово!» Всѣ думали, что Драгомировъ сѣлъ вслѣдствіе приглашенія. Не обратили вниманія на стонъ капитана генеральнаго штаба Мальцова, который упалъ рядомъ съ Драгомировымъ.

— Я, кажется, раненъ... проговорилъ генералъ.

Оказалось, что пуля прошла на-вылетъ подъ правымъ колѣномъ его, не задѣвъ артерій, но перебила сухожилья; она же на излетѣ попала въ стоявшаго рядомъ Мальцева и засѣла у него въ кости бедра... Окружающіе растерялись. Рана Драгомирова въ такую минуту стоила потеряннаго сраженія; талантливыхъ людей здѣсь мало и Драгомировъ— одинъ изъ этихъ немногихъ. Случай этотъ на всѣхъ навелъ уныніе... Когда Драгомирова понесли на носилкахъ къ перевязочному пункту,—мимо шли житомірцы.

— Смотри, братцы, не гнуться передъ пулей, со

всякимъ можетъ случиться—и убьютъ, ничего! Кому суждено...

Солдаты было рванулись къ нему; Драгомировъ очень любимъ своею дивизіею.

— Драться и безъ меня молодцами!...

— За васъ вдвое! послышалось изъ рядовъ.

На перевязочномъ пунктѣ первый вопросъ Драгомирова:

— Когда я могу сѣсть на коня?

— Не бойтесь... Будете здоровы.

— Да, чортъ возьми, кто тутъ боится!... Буду здоровъ... Я хочу знать, могу ли я надняхъ пойти въ дѣло?

Доктора молча переглянулись.

— Раньше шести недѣль нельзя будетъ вамъ встать... Рана очень серьезна (шепнулъ мнѣ на ухо осматривавшій раненаго).

Затѣмъ Драгомирова понесли на большой перевязочный пунктъ. Молча шли солдаты съ носилками, почтительно раздвигались передъ ними шедшія на Шибку войска. Драгомировъ привѣтливо здоровался съ ними. «Будьте здоровы», слышалось повсюду ему навстрѣчу. На открытыхъ площадкахъ турки открывали по немъ огонь. Пули свистали надъ самою головою раненаго. Пункты эти до того были опасны, что въ житомірскомъ полку, еще далеко отъ позицій, уже пятеро выбыло изъ строя, подъ нѣсколькими офицерами были ранены лошади. Турецкіе стрѣлки стали доходить до неимовѣрной дерзости. Цѣлый таборъ залегъ на скалахъ противъ отряда графа Толстого, лицомъ къ лицу: одинъ арабъ

оттуда кинулся на ближайшаго стрѣлка нашего, схватилъ его въ объятія и хотѣлъ было скатиться внизъ вмѣстѣ съ своей жертвой, но товарищи поспѣли изъ ложемента и убили араба прикладами. Болгары открывали стрѣльбу, по отвратительныя шассепо послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ «отказывали».

— Фу, ты, гадость! крикнулъ одинъ изъ ополченцевъ, швырнулъ ружье о земь, отправился подъ огнемъ за брустверъ, обстрѣливаемый отовсюду, сползъ внизъ, у одного изъ раненыхъ турокъ отнялъ Пибоди и сумку съ патронами и, вернувшись цѣлъ и невредимъ, сейчасъ же изъ вновь пріобрѣтенной скорострѣлки открылъ огонь по непріятелю.

Были и случаи комическіе. По обстрѣливаемой дорогѣ шелъ конюхъ. Турки стали по немъ дуть чуть не залпами. Всѣ остальные перебирались согнувшись, конюхъ остановился во весь ростъ, противъ непріятельскихъ позицій:

— Ишь, дураки! вдругъ начинаетъ онъ усовѣщивать ихъ, хотя они, разумѣется, не могли его слышать.—И чего вы стрѣляете, я вѣдь только што конюхъ, мнѣ и ружья не полагается, сволочь!

И, плюнувъ, онъ отправился дальше.

Зачастую у солдатъ экстракція ружья такъ портилась, что и стрѣлять нельзя было. Такіе сами собирались отдѣльными командами, не уходили въ резервъ, а оставались на позиціяхъ.

— Чего вы тутъ. Вѣдь стрѣлять не можете.

— Такъ точно... Для того мы и вмѣстѣ, чтобы работать штыками.

Съ одиннадцати часовъ утра дорога на св. Николай представляла уже очень оживленный видъ. Болѣе тысячи болгаръ изъ окрестныхъ жителей и изъ Габрова прибыли сюда. У каждаго мулъ или оселъ, у рѣдкихъ лошадь. На животномъ—два боченка, у самого болгарина въ рукахъ два кувшина. Оказалось, что добрые люди явились развозить воду по позиціямъ. И нужно имъ отдать полную справедливость: съ 12 числа и до сихъ поръ они постоянно доставляютъ ее на отдаленнѣйшіе занятые нами пункты, подъ огнемъ. Много лошадей у нихъ убито, нѣкоторые ранены сами, но это не охладило ихъ усердія. Я удивлялся: посредствомъ какого секрета они ухитряются постоянно довозить на позиціи воду свѣжей и холодной. Нѣкоторые изъ нихъ смѣшивали воду съ виномъ. Солдаты ихъ душевно благодарили. Болгары въ это время явились нашими спасителями, потому что трудно было сказать, отъ чего мы больше страдали, отъ непріятельскихъ пуль или отъ жажды. По всей дорогѣ растянулись эти добровольцы-водовозы въ два ряда. Одинъ мѣрно съ полнымъ грузомъ, позвякивая колокольчиками, навѣшанными на ослахъ, взбирается вверхъ, другой спускается къ ключамъ, чтобы налиться и сейчасъ же опять идти въ гору. Около каждаго солдата останавливается болгаринъ.

— Братушка, вòда!...

— Дай, дай напиться, братушка...Спасибо тебѣ... И какая же у тебя вода холодная.

Все время пути болгаринъ слѣдитъ, чтобы у него кувшинъ не обсохъ, и такимъ образомъ сохраняетъ

постоянную температуру. Раненыхъ болгары поили и обмывали имъ раны, и, возвращаясь назадъ, везли ихъ на своихъ ослахъ. У кого изъ нихъ не было ословъ, тѣ сами на плечахъ тащили вверхъ боченки съ водой. До чего въ этотъ палящій зной сильна была жажда, видно изъ того, что эта тысяча болгаръ по два, по три раза совершила восхожденіе на гору, слѣдовательно войско выпило около 6,000 боченковъ воды. Противъ траншей, гдѣ лежали наши, болгары останавливались съ водой очень спокойно, не обращая вниманія на то, что представляютъ прекрасную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ.

— Ну, дай тебѣ Богъ, братушка! слышалось изъ траншей.

— Отвелъ душу, вотъ тебѣ какое спасибо!.. Не хочешь ли хлѣба, на, пожуй...

Съ того времени между болгарами и солдатами образовалось полное товарищество. Болгары спали въ траншеяхъ, въ ложементахъ, у батарей, вмѣстѣ съ резервами на бивакахъ. Ихъ солдаты очень уважали, кормили тѣмъ, что и сами ѣли. Нѣсколько болгарокъ-старухъ ухитрились взойти на гору св. Николая слѣва. Другая масса болгаръ занималась не менѣе почтеннымъ дѣломъ. Она всходила на горы, спускалась съ нихъ въ лощины, чуть не въ предѣлы непріятельскихъ позицій, чтобы вынести оттуда нашихъ раненыхъ. У кого есть арба, тотъ шелъ съ арбою и привозилъ двухъ-трехъ человѣкъ заразъ, у кого была лошадь, тотъ доставлялъ лошадь, у кого ничего не было, тѣ брали носилки и приносили солдатъ въ носилкахъ. Всю дорогу за ранеными уха-

живали они, какъ няньки. Я особенно не могу забыть одного типа. Воинственное лицо, съ широко распущенными усами, такъ и смотритъ стариннымъ воеводой. У него на плечахъ — три ружья, у пояса нѣсколько сумокъ съ патронами, за поясомъ болѣе семи пистолетовъ и ятагановъ. На лошади—везетъ раненаго, тщательно поддерживая его въ сѣдлѣ, чтобы не свалился. Оказалось, что этотъ болгаринъ отправился обирать оружіе съ убитыхъ турокъ, уже нагрузилъ имъ коня—вдругъ видитъ раненаго русскаго. Сейчасъ же взмостилъ все это на себя, а раненаго — въ сѣдло и довезъ за шесть верстъ до перевязочнаго пункта.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, помереть не далъ по-собачьи! благодаритъ его солдатъ.

— Руссъ добре, добре солдатъ руссъ!

Потомъ въ росказни пустился. Трехъ раненыхъ турокъ встрѣтилъ, а у него большой запасъ воды былъ съ собой. Повертываютъ они головы къ нему, почти уже въ агоніи воды просятъ.

— Что же ты напоилъ ихъ?

Посмотрѣли бы вы, какая ненависть сверкнула у него въ глазахъ.

— Что же ты сдѣлалъ?

Болгаринъ вынулъ ятаганъ и показалъ, какъ онъ каждому изъ нихъ перерѣзалъ горло. Даже врачи отшатнулись отъ него. А онъ совершенно спокоенъ и даже торжествующее выраженіе въ лицѣ... А вѣдь тотъ же самый въ сущности злодѣй, таща на своей спинѣ грузъ—довезъ на лошади солдата, и всю дорогу возился съ нимъ какъ нянька!..

Подольскій полкъ еще оставался позади. Раненыхъ все таскали и таскали, къ полудню, по дорогѣ, уже тянулась непрерывная линія носилокъ. Раненые легко шли сами, хотя черезъ каждые двадцать шаговъ останавливались отдыхать, всѣ они тащили за собой ружья. Даже тяжело раненые не разставались съ ними. Были и такіе, которые со всей своей амуниціей ползли назадъ. Кто не могъ идти одинъ, но былъ настолько крѣпокъ, что не нуждался въ носилкахъ, тотъ опирался на болгарина и брелъ себѣ впередъ помаленьку. Между ранеными сегодня громадный процентъ офицеровъ.

Въ 11 часовъ утра было получено свѣдѣніе, что турки окопались повсюду; горная батарея оказалась безъ снарядовъ. Одного офицера командировали въ Габрово за ними, тѣмъ не менѣе состояніе парковъ таково, что между Габровымъ и св. Николаемъ, на разстояніи семнадцати верстъ, паркъ съ зарядами шелъ три дня! И это въ такую пору, когда безъ снарядовъ ничего не подѣлаешь, когда дорога именно каждая минута.

Особенно мало оказывалось картечныхъ гранатъ, то есть именно тѣхъ, которыя нужны были въ эти минуты.

— Возьмите у меня простыя гранаты,—приставалъ парковый офицеръ къ батарейному.

— Да на что онѣ намъ... Нужны картечныя...

— Ну такъ ждите... Пока этихъ не возьмете, никакихъ не получите. Куда же и мнѣ ихъ дѣвать?

А между тѣмъ, когда у насъ истощились картечныя гранаты, турки видимо обзавелись ими: на

позиціи подольскаго полка попало ихъ нѣсколько, двѣ или три гранаты разорвались у насъ на самой дорогѣ. За недостаткомъ снарядовъ въ ночь на 13-е число горная батарея наша должна была сняться, а утромъ отошла въ Габрово, а между тѣмъ она не мало наносила вреда непріятелю. Сегодня она выпустила только 12 картечныхъ гранатъ и тѣ остановили турецкую кавалерію, уже собиравшуюся куда-то въ обходъ направо.

Результаты сегодняшняго дня уже сказались.

Вчера турки окружали насъ подковой, теперь слѣва конецъ этой подковы мы оттиснули назадъ и позиціи турокъ стали болѣе скромны — дугою. Гору, которую вчера не удалось отбить стрѣлкамъ, сегодня наши взяли и турки сгруппировались на слѣдующей, такъ-называемой Лысой горѣ, гдѣ у нихъ поставлена и вооружена девяти-фунтовая батарея къ 12 часамъ сегодняшняго дня. Вообще у турокъ отличныя горныя орудія и пристрѣливаются они прекрасно. Ихъ гранаты падали въ брустверъ нашихъ батарей и сегодня убили командира одной изъ нихъ, именно 5-й, полковника Бенецкаго. Во второй батареѣ 9-й бригады, стоявшей на св. Николаѣ, убито двое наводчиковъ, — должны были занять новыхъ у другихъ батарей. Впрочемъ, наши артиллеристы мало обращали вниманія на турецкій огонь. Одна, именно казачья горная батарея, съ пѣснями бросала въ непріятельскія колонны свои гранаты. Турки попробовали было зайти въ обходъ съ своей пѣхотой, но ихъ отбили съ громаднымъ урономъ, почти половина ихъ колоннъ осталась въ

лѣсахъ и лощинахъ этого нагорья. Въ полдень ударили турокъ по ихъ лѣвому флангу, тогда какъ батальонъ ихъ, посланный ранѣе въ обходъ, наткнулся на такой же обходъ турокъ и прогналъ его. Характеръ нашей атаки былъ исключительный. Скажу два слова объ уже извѣстной атакѣ Радецкаго. Онъ самъ велъ войска противъ горы, на вершинѣ которой турки устроили траншеи. Вчера ее не удалось взять стрѣлкамъ. Первая атака началась на нее въ 10 час. вечера. Во время луннаго затмѣнія мы пріостановились и въ три часа утра возобновили атаку. Гора вся идетъ уступами. Со ступени на ступень турокъ нужно было выбивать штыками, такъ какъ по отношенію къ стрѣльбѣ всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ. Турки бѣжали тогда, когда намъ удавалось подойти шаговъ на тридцать, предварительно потерявъ офицеровъ. Но бѣжали они до слѣдующаго завала, гдѣ залегали вновь. Случалась необходимость въ подкрѣпленіяхъ, тогда до ихъ прихода мы тоже залегали въ ложементы и перестрѣливались съ непріятелемъ. Такъ приходилось подвигаться шагъ за шагомъ, пока нашими къ 2 часамъ пополудни вершина эта не была очищена совсѣмъ отъ непріятеля.

12-го августа, болѣе чѣмъ когда либо, раненые и возвратившіяся съ боя части подтверждали слышанные мною наканунѣ разсказы о томъ, что въ рядахъ турецкой арміи постоянно звучитъ русскій языкъ. Какъ это ни дико, какъ это ни невѣроятно, но мнѣ и другимъ корреспондентамъ сдѣлано было болѣе сотни заявленій въ этомъ родѣ. Когда отрядъ

не слышно подбирался къ непріятельскому ложементу, до него долетали русскія фразы, такъ что видимо и между собою у турокъ нѣкоторые изъ ихъ солдатъ говорили по-русски.

Разъ подъ болгарской дружиной внизу шла какая-то черная колонна. Красныхъ фесокъ не было. Только что было приготовились встрѣтить ее залпомъ, какъ снизу долетаетъ голосъ:

— Эй, смотри въ оба, не стрѣляй по своимъ...

Болгарская дружина думаетъ и додуматься не можетъ. А снизу опять:

— На помочь идемъ, скажите, чтобы не стрѣляли. И другимъ пошлите дать знать.

Только что поровнялись внизу съ нашими позиціями, бывшими вверху, какъ до чуткаго уха нѣкоторыхъ ополченцевъ дошелъ турецкій говоръ; очнулись и встрѣтили недруговъ такимъ огнемъ, что тѣ, я думаю, каялись въ успѣхѣ своей хитрости, успѣхѣ, позволившемъ нашимъ стрѣлять по нимъ чуть не въ упоръ.

А то еще: «братцы, брянцы, что же вы своихъ-то не признаете?»

Отряды, гдѣ слышится русскій языкъ, дерутся особенно стойко.

— Это совсѣмъ не турки, говорилъ офицеръ, вернувшійся съ боя,—чортъ знаетъ что такое, и пріемы иные, и характеръ другой.

Вечеромъ, когда все уже успокоилось и даже турки перестали обстрѣливать дорогу и только разсѣянно рѣдкія пули посвистывали въ воздухѣ, какому-то солдату житомірскаго полка приснилась атака ту-

рокъ; со сна онъ крикнулъ «ура!» И моментально весь отрядъ подхватилъ этотъ крикъ и кинулся за брустверъ. Едва могли успокоить солдатъ — такъ разстроены у нихъ нервы и такъ чутки они стали ко всякой тревогѣ. Тревога не ограничилась однимъ этимъ — всѣ сорвались съ мѣста, дальніе думали, что атака идетъ дѣйствительно, части выстроились въ ряды и готовились уже ударить въ штыки по непріятелю. Во весь этотъ четвертый день турки наступленій не дѣлали, напротивъ, въ наступленіе перешли мы, турки только обороняли взятыя ими позиціи. Потеря этого дня у насъ очень велика, до 700 человѣкъ выбыло изъ строя. Всѣ ротные командиры и нѣкоторые батальонные въ стрѣлковой бригадѣ перебиты; еще болѣе значительныя потери были у турокъ. Стрѣлки разсказывали, что они сами видѣли, какъ турецкіе командиры убиваютъ своихъ, когда тѣ опрокидываются въ бѣгство, а впередъ лѣзть — приходится прямо на штыки. Малочисленные отряды наши только и брали штыковымъ боемъ.

V.

Бой 13-го августа.

День занялся знойный; чуть поднялось солнце— начало жечь невыносимо. Въ восемь часовъ утра скалы и утесы Шипкинскаго перевала накалило такъ, что на нихъ трудно было присѣсть, прислониться къ нимъ. Деревья недвижно стояли надъ сонными ручьями, далеко внизу сбѣгавшими къ красивой и гремучей Янтрѣ. Сегодня съ утра началось насту-

пательное движеніе нашихъ отрядцевъ. Предполагалось занять Лысую гору, на которой была поставлена и вооружена турками сильная батарея. 12-го числа (а по другимъ въ ночь на 12-е) мы овладѣли первой горой отъ св. Николая, вторая еще не была въ нашихъ рукахъ, но полагали, что занять ее вовсе не трудно.

Если смотрѣть отъ перевязочнаго пункта, на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба видны только вершины св. Николая и первой занятой нами горы къ западу. Остальныя, гдѣ продолжался бой 12 числа, прячутся за гребнемъ, который идетъ къ сѣверо-западу. Гребень этотъ весь покрытъ роскошными дубовыми и буковыми лѣсами, не слышавшими цѣлыя столѣтія звука топора и голоса человѣческаго. Теперь, не смотря на то, что горы эти считались въ предѣлахъ нашихъ позицій, туда постоянно забирались немногочисленныя шайки черкесовъ и башибузуковъ, открывавшихъ огонь по всадникамъ и офицерамъ на шоссе св. Николая. Горы, гдѣ былъ бой, которыя прячутся за этимъ гребнемъ, можно видѣть съ Зелена-Древа и со св. Николая только отчасти. Я ѣздилъ на нихъ, но дѣло было столь жаркое, что въ тотъ разъ плохо наблюдалась мѣстность и вовсе не оставались въ памяти очертанія. Только черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось осмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Онѣ тянутся къ западу, вторая изъ нихъ (считая первою занятую нами 12-го августа) соединяется съ остальными узкимъ гребнемъ съ лощинами по обѣимъ сторонамъ его. Гребень этотъ былъ перерѣзанъ ложементами, обра-

зовавшими дугу. Они съ фронта и съ фланговъ защищали вершину горъ и позиціи турокъ; у нихъ не было ложементовъ лишь на сѣверномъ и южномъ скатѣ этой горы, которые, по крайней ихъ крутости, и безъ того оказывались недоступными для атаки; только зигзагами по одному изъ нихъ, именно южному, удалось кое-какъ всползти подольцамъ. Передъ турецкими ложементами, тоже въ на-скоро сдѣланныхъ ложементахъ, фронтъ противъ фронта, провели ночь передъ первой горой житомірцы и брянцы, едва ли не въ количествѣ только двухъ батальоновъ. На вершинѣ второй защищенной турецкими траншеями горы былъ редутъ. Сверхъ того, вся гора была укрѣплена турками превосходно. Кромѣ правильныхъ траншей, всюду они нарубили громадныя деревья, устроили за ними завалы, изъ массъ валявшихся здѣсь обломковъ скалъ нагромоздили цѣлые брустверы для своихъ стрѣлковъ и сверхъ того наверху, не на самой площадкѣ вершины, а на скатѣ (чтобы туда не попадали наши гранаты) построили редутъ, о которомъ я только что упоминалъ. Если хотите, это вовсе не правильный редутъ. Они окопались въ немъ сверху, а на крутыхъ скатахъ установили патронные и снарядные ящики, такъ что добраться до людей, сидѣвшихъ за этими загражденіями, было въ высшей степени трудно. Всю гору вообще укрѣпили такъ, что однимъ натискомъ, одной атакой здѣсь бы ничего не сдѣлали, ее нужно было брать шагъ за шагомъ, и на каждомъ шагу выбивать турокъ штыками изъ-за ихъ ложементовъ. За этою второй горой шелъ сначала по-

лого опускавшійся внизъ и потомъ сразу круто возносившійся скатъ къ третьей горѣ, на которой тоже, въ сторонѣ ближе къ южному скату, турки построили сильную батарею. Эта именно гора и называется Лысою. Батарея была построена тамъ съ разсчетомъ, чтобы нашъ артиллерійскій огонь наносилъ ей возможно менѣе вреда. Вообще въ постройкѣ редута на второй и батареи па Лысой горѣ турки обнаружили высокое искусство приноравливаться къ мѣстности. Отъ этой батареи на югъ къ турецкимъ позиціямъ идетъ узкій хребетъ съ крутыми и отвѣсными скатами. По этому гребню турки шли сюда и па первыя занятыя ими горы, по немъ же они взвозили свои орудія. Обрывъ горы на сѣверъ — ужасно крутъ. Лощины между этими хребтами всѣ вообще покрыты лѣсами, одна гуще другой—тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, вся мѣстность изборождена кремнистыми скалами и камнями, наваленными въ хаотическомъ безпорядкѣ. На вершинѣ Лысой горы, въ сторонѣ отъ батареи, поставлены траншеи и ложементы, черные валы ихъ видны издали, на пространствѣ, свободномъ отъ лѣса, на лысинѣ, давшей названіе горѣ.

Всѣ три горы образуютъ не фронтъ, а дугу, одинъ конецъ которой упирается въ св. Николай, а другой идетъ къ юго-западу, такъ что Зелено-Древо отъ него лежитъ къ сѣверо-западу и совершенно въ сторонѣ.

Въ половинѣ седьмого грянулъ первый нашъ выстрѣлъ по редуту второй горы, съ батареи, вчера сооруженной, близь перевязочнаго пункта. Вы-

стрѣлъ этотъ живо былъ подхваченъ горными склонами и изъ ущелья въ ущелье прокатился по турецкимъ позиціямъ, гдѣ разомъ всполошилось все и тотчасъ же послышались сигнальные рожки тревоги. Выстрѣлъ сдѣланъ изъ девяти-фунтоваго орудія, причемъ мѣсто, гдѣ стояла наша новая батарея, оказалось плохо выбраннымъ и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не защищеннымъ. Мы не предполагали, что у турокъ налѣво есть тоже батарея на высотахъ, которыми командуетъ Малый Бедекъ. Отсутствіе кавалеріи въ отрядѣ не позволяло дѣлать рекогносцировки, донцовъ посылать туда было безполезно, потому что толку отъ нихъ не добьешься,—скорѣе спутаютъ, чѣмъ разъяснятъ, да и безпечность наша была такова, что на сообщенія о строющихся турками батареяхъ мы только съ пренебреженіемъ улыбались. Нѣтъ ничего удивительнаго, что оттуда начали обстрѣливать нашу батарею. Нѣсколько часовъ спустя, наши орудія отсюда были сняты и передвинуты на боковую возвышенность, откуда уже артиллеристы начали съ большимъ успѣхомъ громить непріятельскія позиціи. Черезъ минутъ десять завязался бой въ лощинѣ между первою и второю горой. Начали брянцы и житомірцы свою атаку противъ турокъ, засѣвшихъ въ свои ложементы, въ то самое время, какъ подольцы съ юга обходили ихъ позиціи, чтобы неожиданно ударить на турокъ по ихъ правому флангу. Перестрѣлка была очень продолжительна, залпъ неотступно, почти безъ интерваловъ, слѣдовалъ за залпомъ, въ перемежку раздавалась трескотня от-

дѣльныхъ выстрѣловъ изъ цѣпи и изъ турецкихъ секретовъ. Непріятель пользовался всякимъ мѣстечкомъ, даже позади отбитыхъ нами позицій: въ тылу у насъ онъ умѣлъ прятаться въ кустахъ и камняхъ, такъ что одновременно билъ насъ и спереди, и сзади. Этимъ, между прочимъ, объясняется обиліе ранъ въ спину, хотя отступленій у насъ не было. Прячась или, лучше сказать, оставаясь въ тылу у насъ, турки тревожили и фланги тоже изъ подобныхъ же секретовъ. Намъ одновременно такимъ образомъ приходилось и наступать впередъ, и защищать свой тылъ. Резервы ничего не значили; во-первыхъ, потому, что иногда ихъ вовсе и не было, а иногда непріятельскіе секреты гнѣздились между атакующею частью и ея резервомъ въ интервалѣ. Мнѣ разсказывали, что издали постоянно были слышны сквозь громкую трескотню выстрѣловъ отголоски ура, въ самой же кипени они казались не такъ часты; тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось наблюдать, что изъ каждаго ложемента иначе нельзя было выбить турокъ, какъ крикомъ ура и наступленіемъ въ штыки; отъ нашихъ же выстрѣловъ турки были хорошо защищены окопами. Турки допускали насъ на тридцать шаговъ, давали залпъ почти въ упоръ и моментально перебѣгали на другое мѣсто, оставивъ ложементъ въ нашихъ рукахъ. Самые крики «ура» были очень характеристичны; даже въ сторонѣ можно было различить крикъ, когда люди стремглавъ шли въ атаку, и крикъ, которымъ дрогнувшая часть ободряетъ себя и притомъ топчется на мѣстѣ. По одному звуку того и другого можно было сразу опредѣлить, перей-

детъ ли отрядъ въ наступленіе, или заляжетъ за ложементы и начнетъ безполезную стрѣльбу. Нужно еще отмѣтить одно: очень печально, что солдаты питаютъ такое пристрастіе къ перестрѣлкѣ въ закрытіяхъ. Начались залпы и стрѣльба — пиши пропало; рѣшительной атаки не будетъ. Они хороши на оборонительныхъ позиціяхъ; при наступленіи лучше всего работаетъ штыкъ, а часть, занявшаяся перестрѣлкой, не слышитъ или, лучше сказать, разгоряченная ею, не хочетъ слышать команды и впередъ не пойдетъ; она уже является такимъ образомъ дезорганизованной; тѣмъ болѣе, что стрѣльба эта — куда попало, только передъ собою; солдаты заботятся тогда лишь о томъ, чтобы побольше стрѣлять и погромче стрѣлять, а попадаютъ пули или нѣтъ—не ихъ дѣло. Солдаты въ теченіе цѣлаго часа шагъ за шагомъ брали турецкія позиціи, взбираясь на высоты. Остававшихся въ ложементахъ и увлеченныхъ горячкой перестрѣлки солдатъ можно было выводить въ атаку только тогда, когда являлись новыя части и шли впередъ, оставляя упоенныхъ стрѣлковъ позади, въ тылу у себя; тогда только, понявъ, что по своимъ стрѣлять нечего, солдаты оставляли ложементъ и примыкали къ атакующимъ, хотя и не очень охотно: солдатъ, разъ отставшій, слѣдовательно разъ поддавшійся паникѣ, уже неохотно идетъ впередъ. Каждое дерево по пути, каждый оврагъ, каждая лощина являются для него соблазномъ. Вообще во всемъ этомъ никакія диспозиціи не помогаютъ дѣлу. Что-то стихійное, самодѣлающееся и весь смыслъ начальника только

въ томъ, чтобы во-время поддать жару на каменку, то есть пустить въ дѣло новую свѣжую часть. Отдѣльные офицеры, разумѣется, вліяютъ. Они идутъ впередъ шаговъ на пятнадцать, на двадцать, за ними идетъ двадцать-тридцать смѣльчаковъ, а остальная масса — ползетъ еще далѣе и въ разсыпную. Никакой правильности, никакого строя, кто во что гораздъ... Разумѣется, это всего чаще въ такихъ дѣлахъ, какъ 13-го августа — въ лѣсистыхъ и закрытыхъ мѣстностяхъ; на равнинѣ солдаты идутъ правильными колоннами.

Но вообще — не пойдетъ офицеръ впередъ — и часть останется на мѣстѣ, не смотря на команду. Иногда такая атака носитъ особенно порывистый, неровный характеръ. Выбѣжитъ офицеръ: «впередъ, братцы!» За нимъ пробѣгутъ солдаты шаговъ двадцать-тридцать и опять ему приходится выбѣгать и опять они нагоняютъ командира. Перестрѣляютъ офицеровъ — въ средѣ солдатъ нерѣшительность, суетливость, родъ паники, а зачастую и безпорядочное бѣгство. Иди впередъ полковой командиръ, или всѣмъ извѣстный генералъ—дѣло другого рода: за нимъ стройно двигается вся часть; но старшіе офицеры не столь охотно жертвуютъ собою. Оно и понятно — отцы семействъ!

Въ моменты болѣе сильнаго сопротивленія турокъ —горы буквально гремѣли, грохотъ залповъ отдавался по ущельямъ во всѣ стороны. Это значило, что атакующіе занимались перестрѣлкой. Тогда приходилось вводить новую часть—и какъ только раздавалось «ура» и атака шла какъ слѣдуетъ, бой ка-

зался болѣе тихимъ, не было этихъ оглушительныхъ. себя ободряющихъ и никому не страшныхъ залповъ. Чѣмъ бой горячѣе, тѣмъ онъ собственно менѣе громокъ и обратно. Когда сопротивленіе турокъ ослабѣвало, когда, оставляя одни завалы, они перебирались въ слѣдующіе, мы только преслѣдовали ихъ выстрѣлами на выборъ, на огульную трескотню выстрѣловъ не тратили. Наши орудія въ это время тоже не молчали, часто гранаты рвались въ самыхъ турецкихъ траншеяхъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ падали въ сторонѣ. нравственное вліяніе ихъ на врага было весьма ощутительно. Въ этотъ день орловскій полкъ и болгарскія дружины, сильно истощенныя трехдневнымъ боемъ 9-го, 10-го и 11-го августа, въ дѣлѣ не участвовали, ополченіе даже отправили на отдыхъ въ Габрово. Въ семь часовъ утра зато на подкрѣпленіе нашимъ стрѣлкамъ и другимъ частямъ пошли волынцы, которые, впрочемъ, на занятіе второй горы съ редутомъ не поспѣли: имъ пришлось уже потомъ участвовать въ атакѣ на Лысую гору... Въ восемь часовъ надъ вершинами горъ и турецкими ложементами стали рваться шрапнели, брошенныя нашими батареями. именно круглою и стальною. На ясномъ голубомъ небѣ то-и-дѣло вспыхивали серебряныя облачки разрывавшихся въ воздухѣ гранатъ съ дистанціонными трубками. Постоитъ, постоитъ такой пронизанный солнечными лучами дымокъ и разсѣется, чтобы сейчасъ же около вспыхнуло другое такое облачко. Къ восьми часамъ разсѣянные выстрѣлы участились, перешли въ ряды непрерывныхъ залповъ, потомъ также

мирно стихли, но на этотъ разъ грохотъ боя не служилъ признакомъ его ослабленія. Дѣло въ томъ, что подольцы, обошедшіе турокъ съ праваго фланга, ударили на нашихъ совершенно неожиданно со стороны редута. Непріятель стянулся туда изъ своихъ ложементовъ и бой уже закипѣлъ на вершинѣ второй горы. Тутъ не могла дѣйствовать наша артиллерія, иначе ей пришлось бы громить своихъ.

Около половины девятаго и атакующіе, и атакуемые пріостановились, но послѣ нѣсколькихъ минутъ тишины, зловѣщей и тяжелой, тишины, оковывавшей душу ужасомъ тревожнаго ожиданія чего-то еще болѣе страшнаго, тишины, когда между солдатами не раздается ни одного слова, когда всѣ сосредоточены, груди дышатъ съ трудомъ, воспаленные взгляды устремляются внизъ и руки не опускаютъ ружья, держа его на-готовѣ, грянула новая перестрѣлка, къ которой присоединились глухіе удары какой-то батареи издали. «Наши?»—«Нѣтъ, не наши!» слышалось въ рядахъ. Откуда бы быть имъ? Оказалось, что турки стали обстрѣливать наши позиціи съ батарей, о которыхъ я говорилъ выше, т. е. появившихся неожиданно въ сторонѣ Бедека, налѣво отъ св. Николая. Выстрѣлы турецкихъ орудій слѣва подали сигналъ къ общему дѣйствію нашихъ батарей, такъ что одновременно, съ грохотомъ и трескотней перестрѣлки въ лѣсахъ, покрывающихъ скаты и лощины второй горы, слился грозный ревъ пушекъ, потрясавшихъ воздухъ на громадное пространство кругомъ. Лежавшіе въ траншеяхъ солдаты отлично различали глухіе выстрѣлы отдаленныхъ

турецкихъ орудій отъ сильнаго и рѣзкаго грома нашихъ.

На всѣхъ окрестныхъ высотахъ собрались тысячи болгаръ. Нужно было видѣть томленіе на ихъ лицахъ, радость смѣнявшуюся отчаяніемъ, когда наши, по ихъ догадкамъ, отступали, и отчаяніе, исчезавшее при малѣйшей надеждѣ, когда до нихъ долетали отголоски торжествующаго ура, чтобы понять, какъ много пережили въ эти минуты они—несчастные изгнанники изъ своего царства розъ, эти уцѣлѣвшіе отъ страшной рѣзни въ благословенныхъ небомъ долинахъ Марицы и Тунджи. Нужно еще отмѣтить одно—удивительную чуткость солдатъ на тревожные слухи.

— Нашихъ побили! облетаетъ ихъ печальная вѣсть, когда смолкаетъ перестрѣлка. На позиціяхъ бойцы становятся сумрачны и печальны.

— Отъ житомірцевъ ничего не осталось! вдругъ слагается неизвѣстно откуда вырвавшійся слухъ.

Главными распространителями такихъ тревожныхъ извѣстій являются, разумѣется, раненые: имъ большею частью кажется все потеряннымъ. Мрачно идутъ они назадъ, сѣя кругомъ самые зловѣщіе слухи. Вѣрить раненымъ—все потеряно и даже надежды на спасеніе нѣтъ.

— Ну что наши? спрашивали ихъ послѣ занятія нами второй горы и турецкаго редута.

— Ой плохо!

— Бьютъ?

— Страсть... Турки все заполонили... Бѣда...

Все это, перемежающееся со стономъ раненаго,

удивительно дѣйствуетъ на напряженные и безъ того нервы солдата. А тутъ еще передъ ними окровавленныя, обезображенныя лица, а тамъ цѣлые ряды носилокъ, гдѣ ужъ не говорятъ, а только какъ-то всхлипываютъ несчастныя жертвы войны. Отчасти чуткость солдатъ къ тревожнымъ и печальнымъ вѣстямъ объясняется характеристическою особенностью нашего христолюбиваго воинства. Нашъ солдатъ—прежде всего не шовинистъ. Онъ не вѣритъ въ слабость непріятеля и не самообольщается собственной своей силой. Онъчрезвычайно скроменъ. Спросите его: «Выбьютъ наши, возьмутъ позицій?» Онъ вдумчиво посмотритъ на васъ и отмахнется: «Гдѣ выбить?... Богъ знаетъ!... Больно ужъ у него силы много...» Онъ не боится, но и собственныхъ силъ не преувеличиваетъ.

Отрядъ въ числѣ тридцати человѣкъ нашихъ отсталъ, его охватили сплошнымъ кругомъ черкесы. Наши могли только смотрѣть изъ ложементовъ, но помощи подать нельзя было, потому что ихъ «силища». Варвары схватили офицера, вывели его впередъ, вырвали у него саблю, сломали о его голову и двумя обломками клинка изрѣзали несчастному лицо и грудь, потомъ отрубили ему уши и носъ и, насладившись мученіемъ жертвы, обезглавили его. Изъ толпы остальныхъ двадцати девяти человѣкъ раздавались стоны и вопли: «спасите, не погубите, братцы!» но въ виду страшной силы непріятеля наши не могли оставить ложементовъ. Съ каждымъ изъ захваченныхъ турки продѣлали то же самое, что и съ Брянцевымъ!

Саперные солдаты болѣе спокойно къ этому относятся, но и они озлобились, когда на ихъ глазахъ черкесы подобрались къ самымъ нашимъ позиціямъ шаговъ за сорокъ, засѣли за скалы и въ самое непродолжительное время перебили на выборъ 80 человѣкъ нашихъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ саперовъ. Выбить оттуда этихъ стрѣлковъ нельзя было— они были на такъ называемомъ мертвомъ пространствѣ. Тотчасъ, какъ они ушли, скалы взорвали динамитомъ, и уже изъ египетскаго табора, пошедшаго сюда въ атаку на наши позиціи, изъ 700 человѣкъ вернулось домой только 200!...

Послѣ удара волынцевъ въ правый флангъ непріятеля, опиравшійся на редутъ, вторая гора могла уже считатся нашей. Еще черезъ полчаса турки дѣйствительно отступили и наши засѣли въ редутъ на отдыхъ. На другой день, вернувшись съ однимъ изъ отрядовъ, я сталъ разспрашивать раненыхъ. Видимо, у каждаго въ памяти запечатлѣлся именно тотъ моментъ, когда онъ былъ раненъ, съ малѣйшими его подробностями, такъ что еслибъ свести въ одно всѣ показанія, то продолжительность битвы должна бы быть растянута на нѣсколько дней. При этомъ каждый вѣрилъ безусловно своему субъективному впечатлѣнію. Мы уже взяли гору. А нѣкоторые изъ нихъ все еще думали, что мы отступаемъ.

— Да вѣдь ты же раненъ не во время отступленія, вѣдь не бѣжали же вы?

— И побѣжали бы, да некуда. Сюда яръ, туда яръ, а сзади стѣна. Ну, прислонились и отбивались.

—Что, мало штыками работали сегодня?

— Въ штыки трудно, когда врагъ по всему лѣсу дерева порубилъ да повалилъ ихъ вездѣ кучками. Не пройдешь на ура-то!...

Нѣкоторые изъ солдатъ дѣлали чудеса храбрости. Наши лежатъ, напримѣръ, въ ложементѣ, черезъ тридцать шаговъ ложементъ турокъ.

Подходитъ вольноопредѣляющійся.

—Ну, какъ дѣла?

— Не знаемъ. Ложись, не то убьютъ.

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

И становится на ложементъ и указываетъ своимъ куда стрѣлять. Турки бьютъ по немъ залпами—и по какому-то чуду, ни одной раны. Бравада, разумѣется, но она сильно вліяетъ на солдатъ, которые, очнувшись отъ тяжелаго впечатлѣнія предшествовавшихъ минутъ, бросились въ штыки и выбили непріятеля изъ-за его завала. А то вотъ тоже въ 16-мъ стрѣлковомъ батальонѣ вольноопредѣляющійся сталъ на край ложемента во весь ростъ передъ турками и давай наблюдать за ними. Только что тѣ подымутся изъ-за своихъ заваловъ, онъ сообщитъ солдатамъ, эти по нимъ залпами валяютъ и выбиваютъ такимъ образомъ вонъ.

Особенно много героевъ между солдатами.

Докторъ, напримѣръ, встрѣчаетъ раненаго, скверно перевязаннаго и идущаго обратно въ бой.

— Ты куда?

— Въ строй!

— Кто тебя перевязывалъ?

— Самъ перевязалъ, крайне грубо отвѣчаетъ солдатъ, даже не оглядываясь.

— Иди, ляжь и отдохни. Кстати перевяжемъ тебя, какъ слѣдуетъ.

— Поди-ка лучше укладывай—вонъ тамъ офицеръ лежитъ... А я и безъ тебя обойдусь. И опять отправился въ ложементы.

Фельдшеръ перевязываетъ раны въ самой цѣпи, обращая на турецкіе пули столько же вниманія, сколько на щепки дерева, падавшія на него отъ удара «шальныхъ» пуль. Какой-то санитаръ, въ лѣсу, страшно обстрѣливавшемся турками, устроилъ перевязочный пунктъ и оттуда уже направлялъ раненыхъ на настоящій. Болгары-санитары кидались въ самую свалку, чтобы выхватить оттуда раненаго, а другіе болгары-крестьяне вздумали на глазахъ у турокъ хоронить убитыхъ и поплатились за это четырьмя человѣками изъ своихъ. Прибавьте, что наши солдаты и санитары на боевыхъ позиціяхъ второй день ничего не ѣли: отрядъ, взявшій вторую гору, весь день не имѣлъ капли воды и отъ жажды страдалъ едва ли не болѣе, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. Языки во рту какъ тряпки болтались, въ глоткѣ точно перегорѣло все, у офицеровъ тоже ничего не было, такъ что, когда взяли турецкій редутъ, сейчасъ же бросились на оставленныя тамъ турками галеты (сухари бѣлые) и давай жевать ихъ; съ убитыхъ турокъ тоже прежде всего обирали галеты и воду, и съ жадностью выпивали ее. Болгары доносили воду только на первую гору, на вторую всходить имъ невозможно было съ своими ослами: во-первыхъ, круто, а во-вторыхъ, они мѣшали бы движеніямъ войскъ, не говоря уже о томъ, что

ихъ всѣхъ перестрѣляли бы турки на выборъ. Только мародеры изъ болгаръ пробирались въ лощины, гдѣ съ раненыхъ и убитыхъ турокъ снимали оружіе и ящики съ патронами. Ходили они туда массами и добывали сотни ружей Пибоди. Они приносили намъ пользу только въ одномъ отношеніи, именно: встрѣчая нашего раненаго, подбирали его, тащили на рукахъ, или, если съ ними были лошади, довозили его съ собой до перевязочнаго пункта.

Вотъ еще примѣръ героизма солдатъ. Стоявшаго впереди офицера турки ранили, онъ упалъ. Редифы бросились, чтобы схватить его и натѣшиться надъ несчастнымъ. Наши, не смотря на свою малочисленность, окружили его стѣною и 8 человѣкъ при этомъ еще было убито!

— Уходите, братцы! кричалъ имъ раненый офицеръ.—Оставьте меня. Я вамъ приказываю, какъ начальникъ.

— Ладно, послѣ поговоришь! отвѣчали ему честные люди и до конца отстояли бѣднягу.

— Виноваты, ваше благородіе! оправдывались они потомъ.

— Въ чемъ это, друзья?

— Да не послушали васъ!...

Немного спустя послѣ занятія нами второй горы, отрядамъ, уже утомленнымъ первоначальнымъ боемъ, нужно было идти въ атаку на Лысую гору. Между нею и второю—лощины, покрытые лѣсомъ, и соединяющій ихъ гребень, круто опускающійся отъ Лысой горы и полого возвышающійся до занятой нами вершины. Одновременно съ тѣмъ, какъ

маленькіе отряды наши стали подходить къ первой, по дорогѣ, вьющейся на пее съ юга, тоже вдоль гребня показались турецкія войска, шедшія на подкрѣпленіе своихъ позицій. Сверхъ того, со второй горы сюда отступили, хотя и разстроенныя, части непріятеля, занимавшія тамъ редутъ и траншеи. Съ фронта нашего и съ нашего лѣваго фланга мы подходили сюда цѣпями, а справа шли волынцы прямо на ложементы. Сверхъ того, съ тылу у турокъ нѣсколько полѣвѣе, на отдаленной вершинѣ, стояли житомірцы, которыхъ еще вчера послалъ генералъ Драгомировъ въ обходъ туркамъ. Такимъ образомъ наши малочисленные отряды окружили Лысую гору подковой, оставивъ свободною только сторону, прилегавшую къ батареѣ ихъ или дорогѣ, вьющейся въ турецкій лагерь. Какъ и только что оставленная ими, гора Лысая была также укрѣплена завалами, траншеями вверху и внизу. Деревья, поваленныя здѣсь, были отовсюду осыпаны землею, точно землю нанесло въ водополье. Нѣкоторые изъ атаковавшихъ отрядовъ наткнулись тутъ же на отвратительнѣйшее зрѣлище, какое только можетъ себѣ представить самое развращенное воображеніе. Турки сидѣли за брустверами, составленными изъ ихъ же мертвыхъ товарищей уже разлагавшихся. Между этими трупами были заложены и только-что раненые, такъ что въ одно и то же время турокъ обдавало вонью и они слышали изъ этой гніющей массы раздирающіе душу стоны. Нѣкоторыя мѣста этого единственнаго въ мірѣ бруствера были засыпаны землею, которая вся была насквозь пропитана гни-

лью... Впечатлѣніе было до того ужасно, что наши солдаты чуть было не отступили, а туркамъ—ничего, сидятъ себѣ да посматриваютъ изъ-за этого завала. Я было сначала не повѣрилъ этому разсказу, ужъ слишкомъ чудовищенъ казался. Но потомъ самому привелось видѣть, а 14-го и 15-го числа вернувшіеся солдаты разныхъ частей разсказывали, что они то же самое встрѣчали въ лощинахъ и на скатахъ другихъ горъ...

Перестрѣлка на скатахъ Лысой горы то разгоралась, то потухала,—даже съ нѣкоторою правильностью, точно морскіе валы, то вздымающіеся, то падающіе... Относительно этой атаки на Лысую гору я долженъ сказать, что видѣлъ колонны, прекрасно правильнымъ строемъ входившія на гору и точно снѣгъ на солнцѣ таявшія по мѣрѣ достиженія вершинъ. Не нужно забывать, что неуспѣхъ атаки въ данномъ случаѣ объясняется также крайнею усталостью нашихъ отрядовъ. Солдаты не изъ желѣза сработаны... Притомъ же нельзя не признать, что отбивать атаку очень легко, а атаковывать въ высшей степени трудно. У турокъ же въ это время шли все свѣжія и свѣжія войска. Разстроится у нихъ какая нибудь часть, раздается сигналъ и на мѣсто является новая цѣпь, съ новыми силами бросается въ бой. Такимъ образомъ въ теченіе одного часа турки перемѣнили четыре цѣпи, тогда какъ у насъ дѣйствовали все одни и тѣ же отряды и притомъ въ одиночку. Бой на Шибкѣ сегодня, какъ и всѣ предшествовавшіе дни, доказывалъ крайнюю необходимость увеличить количество нашихъ стрѣлковыхъ батальо-

новъ, которые дѣлаютъ здѣсь чудеса. Имъ защита шибкинскихъ высотъ обязана очень многимъ. Турки готовились отойти и боялись нашей атаки—это видно было изъ того, что уже вчера лагеря не было замѣтно между Казанлыкомъ и Шибкою, а сегодня уже онъ вовсе перенесенъ ими. Куда они отошли—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ это было предпринято изъ опасенія удара съ нашей стороны. Нужно было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, сосредоточившись, ударить на нихъ сомкнутыми частями, но—мало ли у насъ было людей для рѣшительнаго удара, остановило ли подобное движеніе незначительное число оставшихся офицеровъ—только мы этого не сдѣлали и пропустили удобную минуту. Турки были уже деморализованы до того, что офицеры, идя позади своихъ частей, убивали ихъ изъ револьверовъ, били ихъ, гоня въ бой. Потери наши въ этотъ день, я думаю, равняются потерямъ всѣхъ предшествовавшихъ дней, или немногимъ менѣе этого. Нѣкоторыя роты житомірцевъ, стрѣлковъ, подольцевъ остались вовсе безъ офицеровъ; все время дорога на протяженіи семи верстъ почти была занята носилками съ ранеными. Нѣкоторыя части особенно потерпѣли. Такъ, напримѣръ, въ 3-й и 4-й ротѣ 14-го стрѣлковаго батальона вчера оставалось отъ побоища только 100 человѣкъ, а сегодня изъ нихъ вернулось 37! Во второмъ батальонѣ житомірскаго полка выбылъ второй комплектъ офицеровъ, а отъ третьяго батальона не осталось и одной трети. Потерявъ надежду взять батарею, мы стали отступать; турки слѣдовали за нами въ почтительномъ отдаленіи, но словно градомъ

осыпали разрозненныя и разстроенныя части пулями. Мы отошли за взятый нами редутъ второй горы и расположились тамъ на отдыхъ, а турки заняли цѣпью мѣстность передъ редутомъ. Такимъ образомъ вершина второй горы съ своимъ укрѣпленіемъ была пока нейтральной. Уже къ утру оказалось, что турки отступили на Лысую гору и еще сильнѣе укрѣпились на ней.

Результатомъ дня этого было очищеніе турками нашего лѣваго фланга.

Подъ конецъ нервы стали притупляться. Смотришь совершенно спокойно на всѣ эти полныя ужаса картины, только стоны раненыхъ и всхлипыванія ихъ сильно еще дѣйствуютъ на душу. Кровь, кровь и кровь кругомъ... Умираютъ на глазахъ—становишься удивительно равнодушенъ и безразлично относишься къ такой же возможности быть на этихъ же запятнанныхъ кровью носилкахъ... Раны одна ужаснѣе другой... Утромъ здѣсь и на боевыхъ позиціяхъ я вздрагивалъ, когда падали люди и кругомъ брызгало теплою кровью: теперь какая-то апатія ко всему...

А издали слышно пѣніе заупокойныхъ молитвъ. Тамъ уже вырыта могила и умершихъ отъ ранъ опускаютъ въ нее... Кругомъ священника стоятъ болгары и жарко молятся. Два солдата тутъ же на колѣняхъ...

Вечеръ тяжелаго дня этого былъ тихъ и спокоенъ, только ночью у турокъ началась безтолковая тревога. Послышалась трескотня выстрѣловъ, крики: алла, алла, алла! въ которыхъ слышалась паника. Че-

го они взбудоражились—неизвѣстно. Говорятъ, что своихъ побили въ пылу случайной тревоги.

VI.

Зелено-Древо.

Къ западу отъ св. Николая, заслонясь отъ солнца чащей благоуханныхъ акацій и персиковыми рощами, лѣпилась по скату зеленой горы красивая болгарская деревушка. Крытыя плитами кровли и каменныя ограды сползали внизъ въ прохладное ущелье, гдѣ стояла вѣчная тѣнь и подъ колыхающимися сводами деревьевъ струились сонные ключи, обложенные тамъ, гдѣ они выбиваются изъ горныхъ нѣдръ, тесаннымъ мраморомъ съ благочестивыми надписями золотою вязью. Тутъ, въ ароматной тѣни, собирались деревенскія дѣвушки съ кувшинами и чистыя, какъ слезы, струи дремотно лились въ узкія журавлиныя горлышки сосудовъ, изящная форма которыхъ славится по всей Болгаріи. Сюда сгоняли скотъ, когда солнце начинало безпощадно печь на высотахъ и медлительные буйволы цѣлые дни блаженствовали въ водѣ, выставляя только наружу добродушныя головы съ громадными рогами да черные хребты... Здѣсь останавливался утомленный всадникъ. Тутъ стоялъ всегда веселый говоръ, звучали пѣсни и звонкій задорный смѣхъ. Въ деревнѣ наверху неустанно кипѣлъ упорный трудъ; жатва уже снята была съ горныхъ склоновъ; поспѣвала кукуруза; наливались янтаремъ и румянились гроздья мускатнаго виноградника, — болгары гото-

вили чаны для вина; обмолачивали хлѣбъ, гоняя коней по снопамъ; дѣвушки ждали осенняго разгула и свадебъ; молодежь прислушивалась чутко къ отголоскамъ близкихъ сраженій, записывалась въ болгарское ополченіе, а старики восторженно разсказывали о славной старинѣ, когда подъ мечами громадныхъ полчищъ Симеона, словно колосья, падали греческія дружины, и, казалось, не было конца великой славѣ родного народа... Жалкій райя уже вѣрилъ, что головня въ церкви сорока мучениковъ пустила зеленые ростки *), что близится время свободы и правды... Въ деревнѣ жили мастерицы, превосходно вышивавшія золотомъ по червленому бархату, шелками по камчатному сукну...

Издѣлія ихъ цѣнились и въ Тырновѣ, и въ Эски-Загрѣ, и въ Казанлыкѣ; жениться на дѣвушкѣ отсюда считалось великимъ счастіемъ и не одинъ юноша болгаринъ мечталъ о суженной изъ Зелена-Древа...

Деревня эта и была Зелено-Древо.

Я только-что пріѣхалъ въ Габрово отдохнуть отъ десятидневнаго пребыванія на высотахъ Шибки. Веселая суета красиваго городка, прижавшагося къ прелестной Янтрѣ, гремѣвшей здѣсь своими кристальными струями въ скалахъ и громадахъ мелкаго камня, намытаго съ горъ, заставила на минуту по-

*) По болгарскому преданію, страна освободится отъ турокъ, когда головня въ церкви сорока мучениковъ въ Тырновѣ пуститъ зеленые ростки. Церковь эта давно обращена въ мечеть и чуть ли не совсѣмъ разобрана на дрова нашими солдатами, вообще неуважительно относящимися къ старинѣ.

забыть тяжелыя впечатлѣнія боя, страданія раненыхъ, кровавыя картины истребленія и смерти. Въ темныхъ, прохладныхъ комнатахъ свободно струился холодный воздухъ, цѣлительно дѣйствовавшій среди этого палящаго зноя; съ улицы доносились крики дѣтей, говоръ толпы и отголоски базарной толчеи...

— У васъ еще не разсѣдлана лошадь? вбѣжалъ въ комнату знакомый.

— Нѣтъ.

— Скорѣй въ сѣдло и на Зелено-Древо.

— Что тамъ еще?

— Сію минуту на деревню напали черкесы.

Начальникъ округа, уполномоченный Краснаго Креста и болгаринъ-патріотъ, служащій здѣсь посредникомъ между населеніемъ и властью, установленной нами, уже садились на коней. Съ ними отправился и я. Кириловъ — извѣстной войсковой старшина еще болѣе извѣстной уральской сотни — тянулся уже съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ на Зелено-Древо. Если мы хотѣли догнать его, нужно было поторопиться. Мы быстро оставили за собою пестрыя и тѣсныя улицы Габрова, стремглавъ проскакали черезъ полуразрушающійся Чортовъ-мостъ, и за другимъ — Горбатымъ, въ темномъ ущельи, гдѣ дороги раздѣляются—налѣво на св. Николай и направо на Зелено-Древо, наткнулись на остатки пятой болгарской дружины. Она суетилась... Въ сторонѣ перевязывали раненыхъ, нѣкоторые были не одѣты, другіе, очевидно, одѣты чѣмъ попало. Подъ деревьями безпокойно фыркали кони, въ тол-

пахъ стоялъ суетливый, порывистый говоръ, зачинающійся всегда послѣ какой нибудь только что пережитой опасности, когда всѣ въ одно время начинаютъ разсказывать о своихъ впечатлѣніяхъ и также одновременно смолкаютъ отъ устали. Оказалось, что это часть пятой дружины, бѣжавшей сюда отъ натиска черкесовъ и баши-бузуковъ. Одинъ офицеръ былъ въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ, въ чемъ сидѣлъ въ палаткѣ — въ томъ и скатился съ горы, другой оставилъ наверху сюртукъ, третій былъ безъ шапки.

— Черкесы ворвались въ лагерь. Мы всѣ спали. Перекрошили не мало народу, потому что всѣ были безоружны.

— А ваши ополченцы?

— Они были на ученьи, причемъ у нихъ въ ружьяхъ не оказалось патроновъ. Наша дружина только что набрана, прямо съ полей, это еще крестьяне, а не солдаты, а ихъ генералъ Столѣтовъ невѣдомо зачѣмъ на аванпосты назначилъ, да еще съ незаряженными ружьями... Ну и проглядѣли.

— Вовсе не Столѣтовъ виноватъ... вмѣшивается другой.—Вѣдь впереди казачій пикетъ былъ.

— Да казаки сами только тогда очнулись, какъ черкесы были далеко уже впереди. Во всякомъ случаѣ насъ никто не предупредилъ и мы опомнились только тогда, когда непріятель ворвался прямо въ середину лагеря. Кто успѣлъ— скатился съ горы... Говорятъ, что нѣкоторые попали въ плѣнъ...

— Что же было потомъ?...

— Да видѣли дымки вдалекѣ... По своей привычкѣ черкесы стали жечь села и избивать населеніе...

— Застанемъ ли мы ихъ? спрашиваетъ кто-то...

— Не знаю... Только что пошла туда пѣхота... Можетъ быть и успѣете опередить ее.

Прямо передъ нами шла въ гору головокружительная тропинка. Она то съуживалась, такъ что кони ставили нога за ногу, то деревья свѣшивались такъ, что приходилось наклоняться и охватывать лошадь за шею... Справа и слѣва колючками рвало ноги... Приподымешься на крутой скатъ и вдругъ опять тропа чуть не отвѣсно сбѣгаетъ внизъ, чтобы по зеленой сѣдловинѣ вновь лѣпиться на новую высоту. Такимъ образомъ съ горы на гору, съ ущелья въ ущелье—и мы добрались до скалистой вершины, на которой темнѣли брустверы оставленной батареи. Подъ нею сидѣла кучка офицеровъ. Генералъ Столѣтовъ растерянно разсуждалъ о чемъ-то, точно теперь можно было помочь дѣлу одними словами... За нами послышался грохотъ... Мы было глазамъ не повѣрили—по тѣмъ же тропинкамъ, по которымъ шли мы, взбирались лошади съ горными орудіями позади... За ними сверкали на солнцѣ штыки медленно пробиравшейся пѣхоты.

Вверху, въ нѣсколькихъ пунктахъ изъ-за горбинъ и гребней горъ, струились вверхъ дымки... Особенно много налѣво... Горѣвшихъ селъ не было видно —одинъ только палъ разстилался въ воздухѣ.. Солнце жгло, вершины были пусты—ни малѣйшаго признака, что сейчасъ здѣсь пронеслась гроза... Дымки обвивались вокругъ тополей, точно вползали

по откосамъ горъ и изъ-за утесовъ вырывались порою клубами... Всползли мы еще выше — двѣ или три кровли Зелена-Древа выглянули изъ-за дымчатаго занавѣса, но пожарище опять окутало ихъ, точно ревниво оберегая отъ посторонняго взгляда...

Въ сторонѣ за брустверомъ что-то покрыто черными мундирами... Съ головою покрыто—только голыя ноги неподвижно торчатъ наружу... Три трупа....

— Хорошіе дружники были, изъ старыхъ... Хоть бы между новобранцами убыль была, а то изъ кадровъ все теряемъ...

Вотъ на холмъ всползаетъ еще ополченецъ. Голова обернута въ грязную тряпку, вся въ крови... Пятнами на вискахъ... Изъ-подъ безобразной перевязки кровь сочится на лицо, за шею... Платье тоже обрызгано кровью... Всѣ кругомъ какъ-то растеряны, видимо не уложилось еще впечатлѣніе. Столѣтовъ теряется, по нѣскольку разъ повторяетъ одно и то же слово, отдаетъ ни къ чему не идущія приказанія...

— Да гдѣ же непріятель? добиваюсь я.

— Туда ушелъ, указываютъ на синее ущелье, ведущее за покрытую лѣсомъ гору, отъ зноя точно окутанную въ сѣрый паръ. За нею видна верхушка громадной Лысой горы съ черными черточками турецкихъ ложементовъ. Налѣво, на голубомъ фонѣ, рѣзкими взлетами вырисовывается грозная вершина св. Николая.

— Какъ, совсѣмъ ушли! раздается чей-то разочарованный голосъ.

— А вамъ хочется, чтобы они насъ здѣсь жгли и убивали? обрываютъ его.

Тропинка перебрасывается на гору Зелено-Древо. Гуськомъ ѣдемъ по ней и черезъ четверть часа налѣво выбѣгаетъ на склонѣ, потонувшее въ своихъ благоуханныхъ садахъ, у своихъ гремучихъ водъ, еще вчера счастливое село... Теперь изъ-за дворовъ выбрасываетъ дымки, кое-гдѣ огонь лижетъ каменныя кровли и съ зловѣщимъ трескомъ чернѣетъ зелень высокихъ тополей... Вотъ длинный языкъ пламени вырвался и скользнулъ по прелестному цвѣтнику, перебросился въ слѣдующій дворъ, и гдѣ еще минуту назадъ дышали ароматомъ чудныя куртины, тамъ все посѣрѣло, точно разомъ осыпало золою... Еще поворотъ тропинки и Зелено-Древо пока заслонилось выступами горъ. Туда нужно было спуститься сверху. Дорога сначала взбѣгала на вершину и оттуда уже вилась внизъ по узкимъ улицамъ села...

Какая-то толпа на самой вершинѣ горы. Кони фыркаютъ и не идутъ впередъ; едва подогнали ихъ нагайками. Сторожко обошли двухъ убитыхъ лошадей, косясь на нихъ и поводя ушами... Тихо подходятъ къ толпѣ и пятятся назадъ. Дѣйствительно, зрѣлище ужасное. Раскинувъ руки, лежитъ на зеленой муравѣ трупъ, можетъ быть полчаса назадъ еще живого человѣка. Прежде всего кидается въ глаза кровавая полость черепа. Верхняя часть головы снесена прочь... Около валяются мозги и разрубленная феска. Черепъ точно кровавая чаша... Всю ее заполонили мухи, тысячами онѣ здѣсь... На суровомъ и энергичномъ лицѣ клочьями рыжеватая борода. Изъ полусмежившихся вѣкъ блестятъ осте-

клѣвшіе глаза, когда съ нихъ подымаются мухи... Трупъ въ черномъ пиджакѣ—ноги голы, въ животѣ громадная рана. Тутъ то же черное мѣсиво мухъ. Ступни вытянуты впередъ. Видно, когда онъ холодѣлъ, съ нихъ стягивали башмаки. Руки раскинуты, одна сжата въ кулакъ.

— Кто это?

— Турокъ какой-то... Только вѣрно волонтеръ... Ишь на немъ черный пиджакъ...

— Цивильное платье! замѣчаетъ донецъ около.

— Кто же это штаны съ него снялъ... Покрыть бы чѣмъ нибудь надо.

— Стоитъ!

Когда мы возвращались назадъ, на трупѣ уже ничего не было: и пиджакъ, и жилетъ, и рубашка были сняты. Наши «братушки»-болгары, видимо, потрудились надъ нимъ. Кто-то хотѣлъ и феску унести, да вѣрно, разглядѣвъ, что она уже никуда не годится, бросилъ ее подальше отъ того мѣста, гдѣ она лежала сначала.

Тропинка сползаетъ внизъ въ Зелено-Древо. Пахнетъ паломъ... Еще нѣсколько шаговъ—и едва дышешь. Направо и налѣво красные языки пламени. Стоитъ дворъ—кажется цѣлъ, вдругъ изъ окна вырвется огонь и сразу обдастъ васъ жгучимъ дыханіемъ своимъ... На глазахъ свертываются и пепелятся листья деревьевъ, съ сухимъ трескомъ, точно въ конвульсіяхъ сжимаются вѣтви... Вотъ впереди зелень ноетъ — почернѣла разомъ. Лошадь сама прибавляетъ шагу; еще заживо сгоришь — каждый домъ дѣлается печью... Кто-то голоситъ въ сторо-

нѣ, что за отчаянный крикъ; видимо только что вернулась домой несчастная и все свое убогое хозяйство въ огнѣ застала... Въ ушахъ такъ и сѣло это рыданіе... Еще сюрпризъ, лошадь кинулась въ сторону и чуть не сбросила за каменную ограду какого-то двора. Шпоришь — нейдетъ; боясь нагайки, едва-едва, фыркая и прижимаясь къ стѣнѣ, подвигается впередъ — поперегъ дороги убитый конь, а за нимъ всю дорогу занялъ болгаринъ. На жарѣ раскинулся... Сказалъ бы, что спитъ, еслибы не рана у самаго горла, въ груди. И какое покойное лицо! Стриженая до темени голова, усы, разбѣгающіеся широко по сторонамъ, крутой лобъ, широко раскрытые глаза... И опять эти неизбѣжныя мухи!.. Вѣрно сначала убили лошадь, а потомъ и съ нимъ покончили. Грубая бѣлая рубаха вся кровью смочена была, да скоро высохла на солнцѣ — копромъ стоитъ... За стѣною воетъ песъ. Чуетъ ли хозяина?.. Лошадь опять упирается—нужно черезъ трупъ переступать — назадъ пути нѣтъ... Еще нѣсколько шаговъ — и убитая женщина, затылкомъ вверхъ, лицомъ въ землю... Одна рука закрыла ухо, точно, въ моментъ паденія, она защищала лицо слѣва... Такъ и закостенѣла.

Плетется раненый офицеръ.

— Куда вы?

— Да вотъ, подлецъ, въ ногу... Хорошо еще — хоть на-вылетъ, да кости не задѣло... И ружье я у него отнялъ.

Дѣйствительно, позади него ополченецъ несетъ короткое магазинное ружье кавалерійскаго образца.

— Только меня не турокъ ранилъ.

— Кто же?

— Честное слово — не турокъ.

Голосъ прерывается... Видимо еще не улеглось впечатлѣніе. Пріостанавливается, дотрогивается до ноги и бредетъ впередъ. Зачѣмъ онъ идетъ впередъ, а не назадъ, гдѣ его перевяжутъ — видимо и самъ онъ не даетъ себѣ отчета.

— Онъ, подлецъ, на конѣ сидѣлъ, бѣлый пиджакъ, желтый лѣтній галстухъ, бѣлое кепи съ затыльникомъ... Тщательно расчесанные рыжіе бакены, кажется усы выбриты... Это — англичанинъ.

— Что-жъ вы такъ его и оставили?

— Нѣтъ, дружники въ него выстрѣлили, онъ моментально закрылъ локтемъ глаза и опрокинулся съ лошади назадъ...

Дымъ идетъ въ носъ и въ ротъ. Пожарище все разгорается. Въ эту часть деревни огонь еще не дошелъ, но изъ зади такъ и жжетъ паломъ. Вездѣ — остатки недавней работы. Видимо гроза застала нежданно. На дворахъ мѣшки съ недосыпаннымъ золотистымъ зерномъ, вотъ снопы на кругѣ разбросаны—только что молотили ихъ должно быть. Вотъ посередь дороги прялка брошена. Шла вѣрно дѣвушка съ работой — услышала позади отчаянный крикъ и кинулась опрометью впередъ... Разбитый кувшинъ лежитъ и кругомъ сыро—несла воду другая и тоже бросила его... Вотъ хлѣбъ на цыновкахъ разсыпанъ—видимо, пользуясь жаркимъ днемъ, хотѣли его просушить съ утра. На очагѣ — котелокъ съ какимъ-то варевомъ, выпѣнилось все; у глиня-

ной печи — хлѣбы, печь потухла, а хлѣбы, видимо, только что смѣсили ихъ, готовились въ печь поставить.

Вонъ недошитая холстина брошена и нитки около... Посереди двора — зарѣзанный оселъ. Сами-то выбрались, а его забыли, пришли черкесы и прирѣзали... Нѣтъ, вонъ скорѣй отсюда, невольно проклинаешь и эту войну, и это чудовищное истребленіе. За что пропалъ этотъ чистый и благоуханный уголокъ, кому нужна была смерть этого заслонившагося отъ всего свѣта персиковыми рощами села?.. Все пожжено, потоптано, только виноградники сползаютъ внизъ и такъ же свѣжи ихъ янтарные гроздья. Весело щебечутъ надъ ними птицы... Въ голубыхъ недосягаемыхъ высяхъ черными точками словно застоялись орлы...

Быстро сверкая штыками, прошла мимо стрѣлковая рота... На гору взобрались.

— Разсыптесь по краю! слышится команда. —Ты куда, становись за кустомъ...

Взъѣхали и мы... Внизу длинный рядъ казаковъ въѣзжаетъ въ ущелье, кругомъ горятъ деревни. Вонъ направо изъ деревянной церкви—разомъ повалили клубы дыму, изъ синевы тѣснины тоже поднялся дымокъ... Какой-то дикій крикъ вырвался и замеръ... Сухое пощелкиваніе удаляющихся выстрѣловъ и опять мертвая тишина; тамъ, гдѣ-то, гремитъ горный ручей... Все млѣетъ въ палящемъ зноѣ утра. Балканы стоятъ въ своемъ суровомъ величіи. Что имъ за дѣло до этого ужаса!..

— Сколько было ихъ? слышится въ сторонѣ.

— Кого это? Черкесовъ?.. Пятьсотъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ. Они, должно быть, ночью пробрались по горамъ сюда, въ самую сердцевину нашихъ позицій и утромъ неожиданно ударили на Зелено-Древо. Народъ, кто успѣлъ — ушелъ.

— А остальные?

— Въ оврагахъ погляди, тамъ ихъ много навалено... и бабы, и дѣти.

Невольно вздрагиваешь—дѣтей-то, женщинъ, за что же?

— Отличную кавалерійскую рекогносцировку они сдѣлали!.. восхищается кто-то совершенно некстати.

Тутъ внутри замерло все — тоска душитъ отъ этого звѣрства, ненависть вскипаетъ, — а они въ оцѣнку пускаются.

— Слышали, четырехъ офицеровъ болгарской дружины поймали раненыхъ, а потомъ сожгли живьемъ — они въ сѣно забрались, черкесы и подожгли его...

— Правда ли?

— А вотъ спросите у того.

На косогорѣ—двѣнадцать труповъ въ-рядъ. Изъ-подъ покрова только ноги выставляются. Видимо, иные закостенѣли въ судорогахъ — такъ и не выправили тѣла. Приволокли какъ было... Въ сторонѣ уже и яму копаютъ. А вѣдь все это еще утромъ дышало, смѣялось, вѣрило и любило. Все это юноши-патріоты, мстители за вѣковыя страданія своего народа. И какъ глупо умереть, застигнутыми нежданно безъ толку, безъ пользы! Кто-то приход-

нялъ сѣрое сукно — лицо покрытое кровью. какая-то рана вмѣсто глазъ... Кровь на груди...

— Ну васъ, закройте скорѣе... Что за оскорбительное любопытство.

— У одного раненаго, мерзавцы, прежде, чѣмъ убить его, кожу ремнями изъ тѣла вырѣзывали. А у нѣкоторыхъ голову прочь отсѣкали, да и еще надругались... Чего, чего они ни дѣлали надъ ними.

Воображаю себѣ эту смертную мýку!.. Какая ненависть нужна для этого!

Населеніе восточныхъ деревень погнали они въ горы. Отсюда видѣли, какъ черкесы всю эту массу болгаръ въ бѣлыхъ рубахахъ точно стадо повели съ собою, вонъ черезъ то ущелье, что синею тѣсниною огибаетъ крутой выступъ лѣсистой горы... Сначала будутъ заставлять ихъ работать, строить батареи, а когда тѣ кончатъ, замучаютъ въ страшныхъ истязаніяхъ. Женщины были между ними и дѣвушки, тѣхъ еще болѣе лютыя мýки ждутъ.

Въ село направо послали уральцевъ отстоять церковь. Вытащили церковную утварь, проскакали по дорогѣ, вьющейся далеко внизу подъ деревьями, и вернулись назадъ.

— Что тамъ?

— Убитые... Дѣвушка одна убита, красивая такая. А у самой церкви дитя малое, младенчикъ еще, точно спитъ и головка на ручку положена... А у его горло, какъ у барашка, перерѣзано...

Кто-то зубами скрипнулъ.

— А еще господа-начальство приказываютъ въ плѣнъ ихъ брать! отзывается казакъ.

— Что же, берете?

— Съ чего еще... Экихъ змѣевъ да миловать!..

Мечковцы тоже зажжены (о нихъ я уже писалъ вамъ ранѣе). Изъ-за горы дымокъ отъ нихъ тянется. А вѣдь поставь ранѣе, здѣсь же на Зеленомъ-Древѣ, какъ совѣтовали, небольшой отрядъ и ничего изъ этихъ ужасовъ не было бы... Мы его и поставили, только потомъ, когда уже было поздно.

Я видѣлъ лютый бой, я видѣлъ солдатъ, умирающихъ сотнями, я самъ былъ въ ихъ средѣ, но не дай Богъ мнѣ еще разъ видѣть убитыхъ женщинъ и зарѣзанныхъ дѣтей... Это выше силъ!.. Это всю жизнь, какъ кошмаръ, будетъ давить память... И въ этой шайкѣ злодѣевъ участвуютъ европейцы... Сердце отказывается вѣрить, мысль—понимать это!

Черкесы ушли во-время... Ихъ только двое или трое осталось по горнымъ оврагамъ... Да нѣсколько лошадей убитыхъ брошено на пути... Потеряли надежду догнать и вернулись назадъ. Въ Габрово я ѣхалъ съ казачьей сотней Кирилова. Навстрѣчу намъ возвращались бѣглецы изъ Зелена-Древа. Матери шли уныло. У иныхъ по щекамъ текли слезы, мужчины — нахмуренные съ стиснутыми зубами... На лицахъ у дѣтей—испугъ... Не всѣ они соберутся жить полнымъ семейнымъ кружкомъ — и большая часть не найдетъ своихъ жилищъ, садовъ и цвѣтниковъ...

Голодъ добьетъ того, кто ушелъ изъ-подъ пули и ятагана...

Наши окончательно сосредоточились на позиціяхъ св. Николая и Зеленаго-Древа. Остальное отдано туркамъ, потому что растянутая боевая линія не можетъ быть защищаема тѣми силами, которыя находятся у Радецкаго. Всякое наступленіе турокъ на наши позиціи будетъ отбито. Мы будемъ только отстаиваться...

25-го августа я вернулся въ Тырново. Ночью мнѣ еще чудились залпы и глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ. Безсознательно вскакивая, я кидался къ окну, но за нимъ тускло свѣтилась красивая, извилистая Янтра, лѣниво круглились за нею дремотные сады противоположнаго берега, и словно окутанное серебристымъ паромъ далеко разстилалось Марино поле... Яркій мѣсяцъ будто застоялся въ ночныхъ небесахъ; робко и нѣжно томились звѣзды среди ихъ неопредѣленнаго простора... Слышалась какая-то тихая, тихая пѣсня... медлительная... печальная... Вмѣстѣ съ мечтательнымъ говоромъ Янтры, съ ночною прохладою въ окно струилось благоуханіе какихъ-то чудныхъ южныхъ цвѣтовъ...

А мысль невольно уходила туда... къ Габрову... къ грандіознымъ взлетамъ св. Николая, гдѣ на сѣрыхъ скалахъ и крутыхъ скатахъ стоятъ теперь и умираютъ богатыри, защищая эту самую такъ поэтически заснувшую въ тихую лунную ночь Болгарію...

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

Страшно отрезвляетъ война, когда ее видишь лицомъ къ лицу. Ни блескъ побѣдъ, ни опьяняющіе восторги успѣха не сотрутъ съ вашей памяти поразительныхъ картинъ смерти и истребленія. Въ первое время, пока самъ здѣсь, чувство грубѣетъ, нервы притупляются, равнодушно проходишь мимо человѣческихъ гекатомбъ, но потомъ, оглядываясь на недавнее прошлое, съ трепетомъ и отвращеніемъ вспоминаешь объ этой пролитой крови...

Въ страшной картинѣ вчерашняго дня, такъ тяжело пережитаго нами, есть, однако, и свѣтлые лучи... Когда улягутся впечатлѣнія военныхъ ужасовъ, лучи эти выступятъ еще ярче. Чѣмъ ниже взглядъ нашъ опускается на этой картинѣ, тѣмъ больше онъ встрѣчаетъ свѣта.

Доблесть, смѣлость и сила пришли снизу. Точно въ скандинавской сагѣ снизу изъ безднъ народной тьмы поднялись какіе-то невѣдомые великаны, передъ мощью которыхъ поблекли недавніе куми-

ры. Эти великаны, эти Микулы Селяниновичи, земскіе богатыри, честно дѣлали свое дѣло, молча умирали, выручили потомъ судьбу войны и не ихъ вина, что дѣло осталось неоконченнымъ...

Но помимо нашего солдата—нетронутой, сильною, полною любви и самопожертвованія вступила на эту кровавую ниву русская женщина. Такою она оставалась все время, такою же и умирала подъ конецъ отъ тифа и устали, жертвуя жизнью за свое великое дѣло. Изъ русской молодежи явилась эта женщина и. Богъ ты мой! сколько силъ оказалось въ этомъ хрупкомъ созданіи среди общей дряблости и лѣни. Съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, вспоминаешь о ней и невольно слезы навертываются на глаза при видѣ этихъ безчисленныхъ могилъ въ чужой сторонѣ, куда безъ пышныхъ фразъ и продажныхъ рекламъ легли подъ конецъ своего подвижничества наши сестры милосердія, наши врачи и санитары. Точно послѣ неимовѣрныхъ трудовъ нужна была смерть этихъ героинь, чтобы на невиданную доселѣ высоту возвести русскую женщину, которая только одна съ народомъ и является настоящей, не поддѣльной, не показной силой; силой, развившейся подъ надменнымъ гнетомъ и презрительнымъ отчужденіемъ; силой, тѣмъ болѣе мощной, чѣмъ труднѣе и неисполнимѣе былъ ея подвигъ. И какъ подлы, омерзительны кажутся теперь недавнія клеветы на этихъ трудовыхъ дѣвушекъ и женщинъ, съ какою гадливостью отвертываешься отъ добровольныхъ сыщиковъ, копавшихся въ ихъ душѣ и въ ихъ жизни, бросавшихъ въ нихъ своею грязью, чтобы прав-

ственная чистота этихъ страдалицъ не рѣзала ихъ гнойныхъ и золотушныхъ глазъ!..

Откуда пришла сестра милосердія?.. Это та же новая женщина, которая тщетно искала себѣ труда, задыхаясь въ той атмосферѣ ничего-недѣланья, которою мы ее окружили. Ее гнали изъ нашихъ учрежденій, отнимали у нея право работать тамъ, гдѣ всякая лѣнивая бездарность испоконъ вѣку вьетъ себѣ прочныя и покойныя гнѣзда. Многія изъ сестеръ, прежде чѣмъ придти на помощь жертвамъ войны, по нѣсколько лѣтъ сами были жертвами подозрительности разныхъ Джеффрисовъ. Чисто и возвышенно мстили онѣ людямъ за свои страданія; мстили, смягчая муку умирающаго солдата, ухаживая какъ мать за выздоравливающимъ. Онѣ ничего не могли ждать за свой подвигъ, кромѣ зараженія гангреной, больничнаго тифа, гнилой горячки. Этотъ терновый вѣнецъ онѣ принимали безропотно и, кончая мученичествомъ свою подвижническую жизнь, вслѣдъ за боевымъ страстотерпцемъ уходили въ общія съ нимъ могилы, никому не извѣстныя, никѣмъ не оплаканныя... Только уцѣлѣвшій солдатъ унесетъ въ далекое и глухое село память объ этой «доброй сестрѣ», и когда въ большихъ городахъ опять начнутъ давить нашу женщину, въ убогихъ храмахъ будетъ за нее горячо молиться народъ, какъ и она честно потрудившійся, какъ и она неоцѣненный...

Я ее сравнилъ съ солдатомъ. Нѣтъ, подвигъ ея былъ выше. Больше мужества нужно было ей, больше терпѣнія. Не такъ мудрено въ стройныхъ ря-

дахъ, подъ звуки музыки, съ распущенными знаменами идти на турецкіе редуты, какъ дни и ночи неотступно, неизбѣжно, неустанно гнить въ ужасающей атмосферѣ нашихъ больницъ, съ каждымъ дыханіемъ впитывая въ себя заразу, зная навѣрное, что выстоишь мѣсяцъ,—а тамъ навѣрное самъ же уляжешься рядомъ съ этими несчастными. Оставаться въ задушающей средѣ, когда большинство твоихъ подругъ уже легло, когда сама чувствуешь, что болѣзнь прокрадывается въ твой организмъ, что спастись еще можно, только нужно уйти отъ этихъ ждущихъ и зовущихъ тебя страдальцевъ, бросить ихъ на жертву ихъ лютымъ мукамъ, дать имъ умереть безъ кроткаго, полнаго любви и утѣшенія привѣта. Солдатъ, потрудясь, отдыхаетъ; тутъ отдыха нѣтъ. Негдѣ и некогда. Свалишься съ ногъ—заботиться о тебѣ некому.

День сестры милосердія начинался очень рано. Еще все спитъ кругомъ, еще врачи и не думали вставать, а дежурная сестра уже подымаетъ своихъ подругъ, проситъ ихъ помочь ей—одной не справиться съ больными. Въ госпитальныхъ шатрахъ—смрадъ и духота. Зимою все кругомъ закрыто, желѣзныя печи внутри не грѣютъ, а жгутъ ближайшихъ, не давая тепла дальнимъ. Тускло мерцаютъ въ душномъ воздухѣ свѣчи и лампы. Раненые не знаютъ покоя. Стоны слышатся и теперь: гдѣ-то въ сторонѣ, не совладавъ съ своими страданіями, солдатъ всхлипываетъ. Въ разныхъ мѣстахъ — зовутъ сестру. Нужно перевернуть больного, поправить ему подушку, покрыть его одѣяломъ. Требует-

ся при этомъ исправлять и самую черную работу, потому что больничная прислуга спитъ и ее не разбудишь громами небесными. Забывая прежнія привычки, подавляя отвращеніе къ неопрятному дѣлу, сестры и ночью служатъ больнымъ, не отходя отъ нихъ. За день изморилась, устала—отдохнула часа четыре, еще и разоспаться не удалось—а уже будятъ—иди въ палату. У многихъ раненыхъ сошли перевязки, грѣй воду—отмывай корпію, накладывай опять бинты, другимъ нужно лекарство, у третьяго отъ крови, проступившей насквозь, заскорузло и коробится бѣлье, если есть оно—перемѣняй; самъ раненый едва-едва рукой пошевельнетъ... Нѣкоторые въ безсознательномъ состояніи, пораженные въ голову, страдаютъ сильнѣе всѣхъ, но они ничего не понимаютъ, имъ приходится силою разжимать зубы и вливать лекарства. За ночь у многихъ простыни испорчены, зловоніе по всей палатѣ—нужно очистить воздухъ, смѣнить постельное бѣлье. Разумѣется, это тамъ, гдѣ всего вволю. Еще хуже положеніе сестры въ такихъ госпиталяхъ, какимъ, напримѣръ, былъ фратештскій. Тутъ больныхъ и раненыхъ сваливали, какъ дрова. Только зимою улучшилось дѣло, осенью же оно было ужасно, въ полномъ смыслѣ слова: люди лежали въ грязи, въ слякоти, внѣ шатровъ. Для помѣщавшихся въ шатрахъ тоже ничего не было. Ни одѣялъ, ни подушекъ, ни бѣлья. О лекарствахъ и говорить нечего. Вмѣсто касторовaго масла отпускали рыбій жиръ, хинину не хватало и на десятую долю больныхъ, хлороформа недоставало и многія

ампутаціи или не производились совсѣмъ, или дѣлались въ полной памяти больнымъ. Въ этакую пору сестрѣ милосердія еще хуже. Спитъ она въ то же грязи, смѣнить на себѣ покрытаго грязью платья, раздѣться некогда—а тутъ еще раненые умоляютъ о помощи, а помочь имъ нечѣмъ, никакихъ средствъ подъ рукою нѣтъ... Часто, вставая ночью, въ палатѣ сестры не находятъ воды для больныхъ, тѣ просятъ пить—бѣднымъ дѣвушкамъ самимъ приходится идти въ колодезь съ ведрами, самимъ разводить огонь, чтобы согрѣть ее... Случалось, что догоритъ свѣча, въ обрѣзъ отпущенная слишкомъ экономной больничной администраціей, и сестра поневолѣ работаетъ во мракѣ, гдѣ еще болѣзненнѣе, еще мучительнѣе звучатъ стоны и жалобы раненыхъ... Наконецъ начинаетъ свѣтать, но работы сестрамъ не меньше. Врачи проснутся еще не скоро! Я не могу забыть картины, встрѣченной нами по пути къ Плевно. Послѣ битвы подъ Кадыкіоемъ, я ѣхалъ въ Боготу. Заночевать пришлось въ Булгарени. Часа черезъ три сюда доставили транспортъ раненыхъ гвардейцевъ изъ-подъ Горнаго Дубняка. Телѣги остановились близь шатровъ госпиталя, но принять страдальцевъ никто не вышелъ. На-лицо оказались сестры милосердія. Онѣ чѣмъ могли помогали раненымъ, подавали имъ пить, нѣкоторыхъ перевязали, кого можно было перенесли въ шатры. Наконецъ прошелъ часъ, два.

— Гдѣ же доктора?

— Спятъ.

— А смотритель госпиталя?

— Спитъ тоже.

— Помощникъ его?

Этотъ встаетъ еще позже. Наконецъ, показалось человѣка три больничной прислуги.

— Что же вы не разбудите смотрителя?

— Не приказываютъ безпокоить!..

Тяжело раненыхъ сестры перенести не могли и не смѣли, такъ бѣдняги и оставались на холоду, подъ дождемъ, въ телѣгахъ, въ то время, какъ вся администрація спала сладко въ землянкахъ и домахъ болгарскаго села, согрѣтыхъ желѣзными печами, которыми слѣдовало бы согрѣвать больныхъ.

Наконецъ, подымаются военные врачи. Я говорю о военныхъ потому, что они именно довольно казенно смотрятъ на свое дѣло. Добровольцы-медики Краснаго Креста работали иначе. Съ появленіемъ врачей въ палатахъ—сестрамъ не легче. «Сестра, отчего не сдѣлано то, не исполнено это?... Сестра, принесите гигроскопической ваты, подайте шину... Гдѣ лубки? Сестра, дайте воды умыться мнѣ»... и т. д. Бѣдняжки сбиваются съ ногъ, исполняя докторскія приказанія. Начинаются перевязки—большинство больныхъ попадаютъ къ великому своему благополучію опять-таки въ руки сестеръ. Къ благополучію потому, что врачи довольно небрежно обращаются съ больными. Въ зимницкомъ госпиталѣ я самъ провѣрилъ разсказъ товарища-корреспондента и видалъ, какъ докторъ не отмывалъ присохшую къ ранѣ корпію, а сдиралъ ее съ кровью и мясомъ «для быстроты работы». Это дѣлалось съ офицерами, съ безглас-

ными солдатами и похуже бывало. Раненые поэтому предпочитали работу сестеръ и умоляли дѣвушекъ самимъ перевязать ихъ. Женскія руки на это мягче и лучше. Каждый вершокъ бинта снимается тщательно и осторожно, всякое мѣсто, пропитанное запекшеюся кровью, отмачивается, коршія долго, чуть ли не нитка за ниткой сбрасывается, пока рана свободна. Промыть ее и перевязать вновь—уже болѣе легкое дѣло. Я говорю перевязать—но ранѣе этого нужно пріучить нервы, нужно пріучиться преодолѣвать и стыдливость, и брезгливость. Видъ иныхъ зіяющихъ ранъ доводилъ мужчинъ до дурноты. Сестрѣ, мало этого, приходилось дѣлать болѣе тяжелыя перевязки. Привезутъ раненыхъ издалека; иного дня три тащили безъ перевязки, да дня три онъ валялся на полѣ битвы неприбраннымъ. (Не удивляйтесь этимъ случаямъ. На Шибкѣ въ августѣ многихъ взяли уже на третій день, подъ Плевно случалось и по четыре дня раненые оставались въ поляхъ и по недѣлѣ не были перевязаны). Тутъ мало того, чтобы обмыть рану, нужно обобрать съ нея червей, которые кишмя кишатъ въ смрадномъ гною. Каждое прикосновеніе къ «живому мѣсту» крайне болѣзненно для больного, нужно все это сдѣлать возможно нечувствительно для него и это тогда, когда еще сотни двѣ больныхъ ждутъ и зовутъ тебя. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ военные врачи только дѣлали указанія, не принимая сами участія въ «черной работѣ», сестры безропотно исполняли тамъ свою тяжелую обязанность, ни однимъ словомъ не упрекнувъ никого.

Количество больныхъ, выпавшее на долю сестеръ, иногда было невѣроятно. Въ тылу арміи я бывалъ очень рѣдко, но слышалъ, что въ Зимницѣ и во Фратешти случалось въ одинъ день сестрѣ перевязать сто и полтораста раненыхъ. Во время августовскихъ битвъ на Шибкѣ черезъ руки четырехъ сестеръ: Софьи Александровны Энгельгардъ, Ольги Николаевны Юханцевой, Александры Александровны Тепляковой и жены извѣстнаго шибкинскаго героя генерала Духонина, въ самое короткое время прошло около 3,000 раненыхъ. Въ битвѣ, 12-го октября, у Иванъ-Чифтлика на Ломѣ, шесть сестеръ на самомъ полѣ сраженія подъ огнемъ справились съ пятьюстами раненыхъ. Подъ Плевно еще и того больше. Часто доктора отказывались бывать тамъ, куда ходили эти подвижницы. Я не могу забыть одной палатки боготскаго госпиталя. Тамъ лежали гангренозные, обреченные на смерть. Для нихъ не было даже надежды, не было даже случайности. Они должны были умереть. Врачи къ нимъ не ходили, но двѣ сестры: старушка Чернявская (смотрѣвшая за В. В. Верещагинымъ въ бранкованскомъ госпиталѣ) и ея молодая племянница чуть не дни и ночи проводили въ зараженномъ воздухѣ этого шатра, облегчая несчастнымъ переходъ въ иную жизнь и рискуя своимъ здоровьемъ. Въ гнѣздѣ тифа подъ Филиппополемъ, куда войти значитъ обречь себя на зараженіе, я встрѣтилъ трехъ сестеръ милосердія, день и ночь ухаживавшихъ за больными—и такихъ не единицы, таковы всѣ онѣ!... Я не могу забыть одну сестру В*, которая между пароксизмами лихо-

радки служила неотступно больнымъ и даже во время пароксизмовъ уходила въ госпиталь и, какъ могла, помогала имъ. Она и умерла въ шатрѣ у больныхъ, какъ солдатъ на своемъ посту. Не помню, какъ звали во Фратештахъ сестру милосердія, которая въ самое глухое осеннее время, когда кругомъ была грязь невылазная, когда нога по колѣно тонула въ слякоти, отдала больному свои сапоги и осталась сама въ старыхъ и ободранныхъ башмакахъ. На другой день ей пришлось ходить босикомъ. Въ Габровѣ, когда не хватало полотна для бинтовъ и перевязокъ, сестры милосердія отдали свое бѣлье, свои платья. Многія изъ нихъ отдавали также и свое жалованіе, свой чай, свою пищу... Одна изъ жертвъ прокурорскаго сердцевѣдѣнія, оправданная или освобожденная судомъ, была сестрой милосердія. Разъ привезли въ госпиталь заболѣвшихъ тифомъ жандармскихъ солдатъ; она сама признавалась, что при одномъ видѣ ихъ въ ней вспыхнули воспоминанія о безвинно вынесенныхъ мукахъ, о долгихъ мѣсяцахъ зарѣшеточной жизни. Что же—она особенно ревностно ухаживала за ними, удѣляла имъ больше времени, чѣмъ другимъ. И знаете ли почему? «Мнѣ все кажется, что я не довольно внимательна къ нимъ и боюсь, что на моихъ отношеніяхъ къ больнымъ отражается прошлое нерасположеніе!» Что можетъ быть чище и возвышеннѣе такой святой и благородной мести!... Эти дѣвушки, по словамъ нѣкоторыхъ обвинителей, незнающія Христа, носятъ Его въ сердцѣ своемъ, тогда какъ у тѣхъ имя Христа только на языкѣ...Такими же кроткими, дѣятельными, сострада-

тельными сестры милосердія, случалось, появлялись и въ огнѣ, спокойно дѣлая свое дѣло, когдакругомъ падали пули и смерть царила невозбранно, сжимая страхомъ самыя мужественныя сердца... Духонина, о которой я говорилъ выше, съ другими сестрами вслѣдъ за скобелевскимъ отрядомъ перевалили Балканы и на другой день послѣ нашего появленія въ Казанлыкѣ уже устроились въ женскомъ монастырѣ и начали свою работу, не смотря на серьезныя препятствія и, между прочимъ, на требованія интендантскихъ чиновниковъ уступить имъ свою комнату. Эти рыцари легкой наживы, дѣйствительно, чуть не выгнали сестеръ на улицу.

Мы остановились на перевязкѣ въ госпиталѣ. Сестеръ требуютъ и въ шатеръ, гдѣ производятъ ампутаціи. Тутъ поминутно не имѣющія отдыху сестры подаютъ врачамъ то вату, то хлороформъ, то шины, то перевязки. Сестеръ иногда, за недостаткомъ студентовъ, санитаровъ, заставляли держать надъ препарируемымъ колпакъ, пропитанный хлороформомъ, и дѣлали ихъ свидѣтельницами мясничанья, котораго не выносятъ и крѣпкіе мужскіе нервы... Кончится все это—нужно напоить и накормить больныхъ. Сестра милосердія не позволитъ больничной прислугѣ замѣнить ее въ этомъ случаѣ. Она сама кормитъ раненыхъ, которые не могутъ поднять голову или не въ состояніи шевельнуть рукой. И все это совершается тихо, спокойно, нѣжно, въ голосѣ, не смотря на усталь, звучитъ привѣтъ и ласка, такъ обаятельно дѣйствующія на больного. Сестеръ милосердія капризныхъ, такихъ, которыя бы неохот-

но дѣлали свое дѣло, или отвиливали отъ него, я не знаю. Скорѣе онѣ съ каждою новою трудностью проявляли и новую энергію. Во время самой отталкивающей черной работы при больномъ, въ ихъ словахъ звучало то же кроткое утѣшеніе и ни малѣйшей искры раздражительности вы не могли бы подмѣтить въ этой сострадательной спутницѣ раненаго... Отсюда понятна та любовь, которою онѣ пользовались у солдатъ, понятны и тѣ слезы, съ которыми выздоравливающіе или эвакуируемые раненые оставляли сестеръ... Если бывали и печальныя недоразумѣнія, то они обыкновенно случались съ нѣкоторыми (очень и очень рѣдкими) офицерами. Эти (рѣдкія исключенія), какъ только начнутъ поправляться, такъ и вообразятъ, что противъ ихъ прелести и свѣженспеченнаго геройства ничто не устоитъ. Начинались ухаживанія, очень непріятныя для сестеръ. Нужно вообще отмѣтить тотъ фактъ, что сестры съ гораздо большей охотой служили солдатамъ... Въ Петербургѣ уже мнѣ передавали разсказы нѣкоторыхъ «героевъ» о дешевыхъ побѣдахъ ихъ надъ сердцами сестеръ. Совѣтую принимать эти повѣствованія, какъ и я принялъ ихъ, съ гадливостью и отвращеніемъ къ хвастовству вралей, не щадящихъ ни нравственной чистоты, ни милосердія, ради котораго эти святыя дѣвушки посвящали имъ свою жизнь и свой неустанный трудъ... Прибавьте къ этому еще и то обстоятельство, что часто сестры попадались капризнымъ врачамъ, тѣ, ни мало не стѣсняясь, покрикивали на нихъ, какъ и на больничную прислугу, дѣлая между тѣми и другими очень

малую разницу. Сестры выносили это безропотно и только во время самой кипучей работы отмахивались, какъ отъ назойливой мухи, отъ безсмысленнаго и почти всегда незаслуженнаго выговора. Кстати, я забылъ упомянуть объ одной изъ сестеръ, кажется, г-жѣ Васильевой. Она заболѣла тифомъ, потому что отдала больнымъ все теплое платье, которое у нея было, чтобы покрыть ихъ, и въ заключеніе имъ же принесла свое одѣяло. Черезъ первые два дня она слегла, а черезъ двѣ недѣли тѣло этой страдалицы опустили въ безвременную могилу. Стоялъ сѣрый и ненастный день. Рѣзкій вѣтеръ проникалъ до костей и сестра, провожавшая Васильеву въ могилу, дрожала надъ нею въ пароксизмѣ лихорадки...

— Вамъ бы поберечься! замѣтили ей.

— Гдѣ тутъ беречься. Посмотрите-ка, вчера еще сто восемьдесятъ тифозныхъ прибыло... Кто за ними ходить станетъ!...

Прежде чѣмъ окончить очеркъ дня сестры милосердія, кстати, заговоривъ о неудобствахъ ея положенія, упомяну и объ общинѣ «Утоли моя печали», которая находилась подъ управленіемъ княгини Шаховской. Здѣсь сестрамъ приходилось хуже всего. Къ общимъ тяжелымъ условіямъ ихъ труда присоединялось крайне надменное обращеніе «дамъ», забывающихъ, что онѣ такія жесестры, какъ и всѣ остальныя, и на каждомъ шагу показывавшихъ имъ разницу между ними и собою. Сверхъ того, почти всѣмъ сестрамъ и ея общины слѣдовало жалованье. Взяты онѣ были отъ бѣдныхъ семей, существовавшихъ

тѣми двадцатью, двадцатью-пятью рублями, которые получала сестра въ мѣсяцъ. Не смотря на то, здѣсь постоянно повторялись жалобы на неполученіе денегъ, на полученіе ихъ въ меньшемъ противъ условленнаго размѣрѣ, въ вынужденіи пожертвованій на общину изъ жалованья. Упреки дѣлались очень настойчиво. Они дошли до того, что нѣсколько сестеръ уже обратились офиціально съ жалобой къ высшимъ властямъ. Я не знаю, къ чему привело это, но мнѣ извѣстенъ другой фактъ, когда «недовольныхъ» недоплатами, но тѣмъ не менѣе достойныхъ и полезныхъ сестеръ изъ общины отправили обратно въ Россію. На одинъ такой поѣздъ я наткнулся самъ. Ѣхалъ я изъ Разграда въ Горный-Студень и встрѣтилъ знакомаго доктора Попова, конвоировавшаго фургонъ.

— Кого вы это везете?

— Сестеръ милосердія... Обратно въ Россію отправляютъ.

— Что-жъ, много что ли пріѣхало? Лишнія есть?

— Нѣтъ, проштрафились.

Оказалось: вся вина несчастныхъ состояла въ томъ, что онѣ настойчиво требовали жалованья, слѣдовавшаго имъ по условію. Жалованья имъ не выдали, а просто отправили въ Россію обратно.

— Хорошо еще, что фургонъ дали. Больничное начальство хотѣло за наказаніе пѣшкомъ безъ всякой помощи послать.

Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ, гдѣ трудно было нанять прачекъ для мойки больничнаго бѣлья, сестры милосердія сами исполняли это. Богъ уже знаетъ,

какъ находя время. Обыкновенно стиркою занимались болгарки, онѣ же прислуживали и больнымъ въ Габровѣ, но подъ зоркимъ наблюденіемъ сестеръ. Сестры шили бѣлье изъ пожертвованнаго холста. Разъ я увидѣлъ около Плевно сестру милосердія, г-жу С., которую я зналъ въ Петербургѣ въ блестящей обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ ея настоящими занятіями.

— Чѣмъ это вы занялись?

— Да вотъ заставила Гавриленку (солдатъ, раненый тремя пулями) снять рубашку и стираю ее... Очень ужъ грязна...

А среди какой нечистоты приходилось жить самимъ сестрамъ милосердія—и говорить нечего. Онѣ вполнѣ дѣлили судьбу и неприглядную обстановку солдата. Во Фратешти нѣкоторое время сестры жили на открытомъ воздухѣ въ грязи. Ни постелей, ничего не было. Потомъ уже все это измѣнилось, благодаря уполномоченному Краснаго Креста Писареву, кажется. Между сестрами милосердія было очень много изъ такъ-называемыхъ «сливокъ» общества. Но эти сливки въ данномъ случаѣ не киснули. Напротивъ, онѣ работали, убивали себя надъ трудомъ и наравнѣ съ другими ложились въ раннія могилы, доказывая тѣмъ самымъ, что высокія доблести женъ декабристовъ не перевелись еще... А какимъ свѣтомъ появленіе сестры озаряло скудную и темную жизнь больного. Сколько утѣшенія и любви вносила она съ собою въ душный и смрадный шатеръ! Когда я вошелъ въ одинъ изъ госпиталей Боготы, меня поразилъ солдатикъ, раненый въ грудь. Онъ

блестящими глазами слѣдилъ за молоденькимъ созданіемъ съ длинными русыми волосами, небрежно брошенными на плечи. На ней былъ передникъ сестры милосердія. Работала она какъ-то особенно ловко и быстро...

— Что это ты? спрашиваю у раненаго.

— Ангелъ-то нашъ свѣтлый...Что голубка вьется. Куда бы мы безъ нея...

И дѣйствительно, безъ этихъ голубокъ по нравственной чистотѣ и героинь по трудному принятому на себя подвигу, скверно пришлось бы солдату. Въ габровскомъ госпиталѣ Ефремову, которому пулею перебило ключицу, становилось лучше. Въ это время ходившая за нимъ сестра на нѣсколько дней должна была уѣхать въ Тырново. Ефремовъ затосковалъ и болѣзнь стала принимать дурной оборотъ...

— Нѣтъ, не выздоровѣть мнѣ... Куда ужъ... Зароютъ... повторялъ солдатъ, обводя воспаленными глазами убогое болгарское жилье, гдѣ лежалъ онъ...

Прихожу дня черезъ два,—Ефремовъ лежитъ веселый. Точно поздоровѣлъ за недолгій промежутокъ времени, когда я его не видѣлъ.

— Что это... Лучше тебѣ вѣрно?...

— Сестра пріѣхала, сегодня сама перевязку накладывала. Теперь здоровъ буду...

Когда Габрово было въ опасности, когда Сулейманъ могъ еще прорваться сюда и всѣ даже офиціальныя лица готовы были бросить городъ, въ немъ только Масловъ — начальникъ округа, да сестры милосердія рѣшились остаться въ случаѣ набѣга турокъ. Напрасно этимъ послѣднимъ говорили

объ ужасахъ, которые ихъ ждутъ, напрасно убѣждали ихъ отправиться куда нибудь въ болѣе безопасное мѣсто... Онѣ спрашивали въ отвѣтъ:

— Успѣютъ ли перевезти всѣхъ больныхъ. (А ихъ было болѣе тысячи).

— Нѣтъ, не успѣютъ.

— Ну, такъ наше мѣсто при нихъ. И толковать нечего!

И онѣ бы, дѣйствительно, остались, на муку, на лютыя страданія...

Я еще разъ повторяю, мужеству этихъ дѣвушекъ не было предѣла...

Сестры и сами привязывались къ больнымъ. Имъ, этимъ героинямъ, съ нѣжнымъ сердцемъ и великою душою, особенно тяжела была эпоха больничныхъ эпидемій, когда подъ руками не хватало средствъ, да мало было и рукъ. Я помню, съ какимъ озлобленіемъ разсказывала мнѣ одна изъ сестеръ о небрежности медицинскаго управленія, доставлявшаго въ госпиталь не то, что слѣдуетъ. Вмѣсто хинина для Болгаріи, вдругъ въ Зимницу, зачѣмъ неизвѣстно, привалило нѣсколько десятковъ подводъ съ... липовымъ цвѣтомъ.

— Можете себѣ представить, съ отчаяніемъ чуть не плакала другая, — до сихъ поръ изъ-за Дуная намъ не доставили ни одного куска марли.

— Да вѣдь Дунай разошелся... Съ трудомъ и почту перевозятъ.

— Отчего же заранѣе не наполняли систовскаго склада! Красный же Крестъ спохватился во-время. Въ Габровѣ у него маленькій складъ, а между тѣмъ

посмотрите Глѣбовъ наполнилъ его съ верхомъ, а у казеннаго управленія ничего нѣтъ.

И дѣйствительно, состояніе военныхъ лазаретовъ въ это время было ужасно. На дивизіонный лазаретъ полагалось ваты четыре фунта на четырехмѣсячный срокъ. Это все петербургское остроуміе сказывалось. На одну крупную перевязку четыре фунта уйдутъ легко. Вмѣсто касторового масла, столь необходимаго во время преобладанія диссентерій, доставлялся рыбій жиръ. Еще тяжелѣе было, когда вслѣдствіе небрежности помѣщенія больныхъ и ихъ скученности развивалась гангренозная эпидемія. Сестры были истинными страдалицами. Ни одна ампутація въ это время не удавалась. Какъ бы хорошо она ни была сдѣлана—антоновъ огонь все-таки развивался у больного. Тяжело сестрамъ было и во время простудныхъ эпидемій. Извѣстно уже, что мы переваливали Балканы и зиму провели въ Болгаріи безъ полушубковъ и безъ сапогъ. Остроумное интендантство прислало полушубки, когда мы уже были въ Адріанополѣ и ходили въ однихъ сюртукахъ безъ пальто, потому что температура воздуха достигала до 18°, когда же въ нихъ предстояла крайняя надобность, о полушубкахъ не было и помину. Гвардія въ это время пришла безъ сапогъ, люди ходили въ болгарскихъ шапкахъ, обертывая ноги въ бычачьи шкуры. Плохо одѣтые и дурно снабженные солдаты, отставая, останавливались въ пустыхъ хижинахъ болгарскихъ крестьянъ. Трупы такихъ бѣдняковъ, одиноко умиравшихъ среди полнаго безлюдья, отыскиваются и до

сихъ поръ. Въ это время массами стали прибывать больные. Тифъ начался и начался широко. Зараженныхъ имъ эвакуировали за Балканы и сестры буквально опускали руки

— Что же тутъ дѣлать, ихъ вѣдь къ намъ умирать посылаютъ.. Ни средствъ подъ руками, ни людей нѣтъ!..

Въ это же самое время и сестры стали валиться десятками. О какой ни спросишь — одинъ отвѣтъ: въ тифѣ лежитъ. Иногда только онъ разнообразился — умерла отъ тифа...

На питательныхъ пунктахъ, смотрители которыхъ гораздо болѣе заботились о собственномъ своемъ карманѣ, чѣмъ о больныхъ, часто эвакируемыхъ не кормили. Тутъ сестры тоже вступались и заставляли практическихъ администраторовъ готовить пищу для ожидаемаго транспорта.

— И чего онѣ волнуются, изумлялся одинъ полковникъ-администраторъ,—вѣдь въ сущности и дѣло-то не ихъ... Не въ свое дѣло вмѣшиваются. Пугнуть бы слѣдовало...

И дѣйствительно, случалось—пугали...

ШИПКА ВЪ ДЕКАБРѢ.

Русскіе на вершинахъ.

Казанлыкъ, 5-го января.

27-го декабря начался послѣдній бой въ долинѣ Казанлыка.

Положеніе нашего шипкинскаго отряда къ 25 декабря было таково же, какъ и въ ноябрѣ. Радецкій, теперь полный генералъ и кавалеръ ордена св. Георгія 2-й степени, не любитъ рекламъ и пышныхъ фразъ. Все время онъ сообщалъ главной квартирѣ, что на его боевыхъ позиціяхъ «спокойно». Ему не хотѣлось тревожить общественное мнѣніе; онъ зналъ, что помощи ему оказать пока не могутъ и потому посылалъ свои утѣшительныя извѣстія. Спокойствіе это было далеко условно. Среди этого полнаго спокойствія каждый день турецкія пули и гранаты выводили изъ строя по десяти, пятнадцати человѣкъ. А каковы были условія жизни на этихъ высотахъ—

я скажу нѣсколько ниже. Сначала опишу наши и турецкія позиціи.

Дорога изъ Габрова, подымаясь на горы, прежде всего пересѣкаетъ вершину Рашейску, гдѣ стоитъ брянскій полкъ въ брянскихъ домикахъ. Черезъ лощину она взбѣгаетъ на слѣдующую гору, гдѣ такъ называемая по имени своего командира, Подтягинская батарея № 8. Батарея эта обстрѣливаетъ (и въ свою очередь обстрѣливается, какъ и вся эта дорога) горную турецкую батарею, лежащую за лощиною на западъ. За Подтягинской батареей на скатахъ невысокой горы Райская долина. Прелестное имя это дано ей потому, что достаточно было днемъ пройти по ней, чтобы неминуемо переселиться въ рай. Она ожесточенно обстрѣливалась турками изъ аванпостовъ и траншей, лежавшихъ вокругъ ихъ горной батареи. Прицѣлка у нихъ дошла до того, что здѣсь били на выборъ. Часто по одному всаднику пускали гранаты, а по пѣшеходу—ружейные залпы. Снаряды пускались вдоль этой узкой полосы и сметали все, что встрѣчали на своемъ пути. Днемъ поэтому Райская долина была пуста. Никто по ней не ходилъ, не двигался. Только ночью здѣсь шли войска, проѣзжали транспорты и кухни. И при этомъ турки съумѣли вредить намъ. Днемъ они ставили свои орудія, взявъ прицѣлъ на шоссе Райской долины, а ночью, когда по ней открывалось движеніе они начинали свой артиллерійскій огонь по ней. Вообще нужно отдать имъ справедливость: пристрѣлка у нихъ была изумительная. Появлялась на шоссе не только въ Райской долинѣ, но и въ другихъ

пунктахъ телѣга—они по телѣгѣ гранатой и попадали. Для Райской долины была спеціальная батарея. Разъ въ сумерки тамъ ѣхала телѣга съ ротной пищей. Только что достигла она Райской долины—падаетъ граната и ранитъ лошадь. Кашеваръ останавливается отвязать ее, падаетъ вторая граната и другая лошадь падаетъ мертвой. Возится съ этой—третья граната убиваетъ и его и послѣдняго коня... Въ туманъ турки не прекращали стрѣльбы. Уголъ возвышенія имъ былъ извѣстенъ, направленіе опредѣлено. Такимъ образомъ, когда впереди за семь шаговъ уже ничего нельзя было разобрать въ сѣромъ маревѣ,—гранаты, падая, все-таки ранили людей. Завѣдывалъ у нихъ этимъ Леманъ-паша, убитый только въ послѣднее время нашею гранатой. Леманъ-паша обнаружилъ здѣсь высокія артиллерійскія знанія и, только благодаря ему, наши шипкинскія позиціи сдѣлались такъ невыносимы. На турецкой «центральной» батареѣ Лысой горы, видимой со всѣхъ нашихъ и турецкихъ позицій, ежедневно въ опредѣленное время появлялся «нѣкто», взмахивалъ руками, давая сигналъ, и, какъ у насъ подъ Плевно, — со всѣхъ батарей общимъ залпомъ громилась русская часть Шипкинскаго перевала. Радецкій, пріѣзжая сюда съ большою свитой, обыкновенно оставлялъ ее за брянскимъ домикомъ до сумерекъ. Потомъ это уже вошло въ обыкновеніе и днемъ не ѣздили, такъ что въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ не было большихъ потерь. На позиціяхъ Райской долины и столь же опасныхъ другихъ мѣстахъ были выстроены землянки, которыя пришлось

снести и поставить въ другихъ пунктахъ. Самымъ спокойнымъ пунктомъ почему-то сдѣлалась подтягинская батарея. На ней въ четыре мѣсяца было убито только двое.

Противъ нея поставили турки спеціальную батарею и наши постоянно перестрѣливались съ нею, желая непремѣнно оканчивать послѣдними.

— Ахъ, какіе невѣжи, перестали отвѣчать! съ отчаяніемъ разъ воскликнулъ батарейный командиръ, когда послѣ обычнаго нашего салюта, на турецкихъ позиціяхъ продолжало царствовать полное спокойствіе.

Этотъ батарейный командиръ когда-то стоялъ на № 4 и тоже славился тѣмъ, что оканчивалъ всегда послѣднимъ. Дастъ выстрѣлъ — турки смолкаютъ. Другой — отвѣта нѣтъ, если и на третій безмолвствуютъ, тогда и онъ прекращалъ дѣйствіе своей артиллеріи.

За Райской долиной, подъ защитой довольно высокаго вала, былъ расположенъ подольскій полкъ за траверсами, въ землянкахъ, воздвигнутыхъ поверхъ земли, а не врытыхъ, почему солдаты здѣсь очень зябли. Единственно кто врылся какъ слѣдуетъ — минцы по указанію тогдашняго своего командира. Это — старый севастополецъ и потому знаетъ на практикѣ, какъ нужно устраиваться на подобныхъ позиціяхъ. И въ то время, какъ у подольцевъ были десятки выбывшихъ изъ строя — у минцевъ ни одного. Ранѣе этого у минцевъ было 40 человѣкъ потери въ сутки—послѣ того какъ они закопались, только изрѣдка появлялись раненые.

Землянки подольскаго полка похожи были на кровли. Поставятъ бревна угломъ, плоскость къ плоскости, и обложатъ дерномъ или по-просту снѣгомъ — и вся недолга. По другую сторону шоссе у позицій подольскаго полка находилась двухъ-орудійная батарея, которую прозвали «скороспѣлкой»; она дѣйствовала противу одной изъ турецкихъ батарей на Лѣсной горѣ и новой горной ихъ батареи. Названіе свое скороспѣлка получила потому, что ночью ее начали строить, а утромъ она уже била по турецкимъ позиціямъ изъ двухъ своихъ девятифунтовыхъ орудій. На слѣдующей высотѣ находилась батарея № 7-й. Между нею и скороспѣлкой за валомъ находится землянка начальника позиціи, командира 14-й дивизіи Петрушевскаго. Она довольно просторна. Зато это какое-то водяное царство. На скатахъ горъ и на ихъ вершинахъ постоянный туманъ. Сырость ложится на земляную кровлю и просачивается въ землянку, такъ что спите ли вы, обѣдаете, читаете, пишете, вамъ на лицо, на книгу, на бумагу, на тарелку одна за другой падаютъ крупныя капли. Весь здѣсь сидишь мокрый, ложишься на мокрую постель, накрываешься мокрымъ одѣяломъ, пишешь на мокрой бумагѣ и это зимой! Тутъ, когда еще не рыли землянокъ, въ валу каменистаго ската была выбита пещера, въ которой лѣтомъ помѣщался Радецкій, Дмитровскій, Петрушевскій и другіе. На этомъ же мѣстѣ смертельно раненъ генералъ Дерожинскій. Здѣсь было до того скверно, что даже писарей дивизіоннаго штаба ранило во время ихъ канцелярскихъ занятій. Всѣ, начиная

отъ корпуснаго командира и кончая послѣднимъ кашеваромъ, были въ постоянной опасности. Жилье Петрушевскаго собственно не землянка, потому что оно не врыто въ землю и не домъ, потому что оно крыто дерномъ сверху. Послѣ того уже врывались въ землю всѣ. Петрушевскій даже отдалъ приказаніе, что если хотя одинъ солдатъ будетъ убитъ или раненъ на мѣстѣ ночлега, то за него отвѣчаетъ командиръ. Это подѣйствовало. Стали глубоко закапываться въ землю и убійственное дѣйствіе турецкихъ пуль прекратилось. Впрочемъ, и это положеніе было неудобно. Часто люди просыпались въ водѣ. За ночь натекало и землянка чуть не до половины оказывалась залитою. Хорошо еще, если тутъ были койки, а то солдатамъ буквально приходилось сидѣть по горло въ водѣ. Въ сильные морозы — въ землянкѣ было холодно. Случалось и то, что кровли обрушивались на спящихъ и давили ихъ. Самая постройка землянокъ не особенно легка. Не то что взялъ, вырылъ и готово. Нужно было сначала сходить за лѣсомъ на окрестныя горы — подъ огнемъ. Правда, ходили ночью, причемъ партіямъ солдатъ иногда въ туманѣ приходилось заблудиться. Былъ случай, когда, съ бревнами, люди, обманутые мглою, забрались на турецкіе аванпосты. Не понимаю, какъ ихъ проглядѣли турецкіе секреты. Вѣрно, спали. Наши не растерялись. Крикнули «ура» и бросились на турокъ. Нападеніе было столь неожиданно, что непріятель кинулъ траншеи и ушелъ въ редутъ. Перестрѣлка разгорѣлась по всей линіи. Этимъ, разумѣется, воспользовались наши и ушли во-своя-

си. Такого рода жизнь продолжалась не мѣсяцъ, а всю зиму. Только образцовая и сильная духомъ 14-я дивизія могла выдержать пребываніе въ подобномъ чистилищѣ. За то, когда приходилось встрѣчаться и бесѣдовать съ шибкинскимъ солдатомъ, насъ поражало его достоинство, гордость даже. Каждый изъ нихъ прекрасно понималъ, что онъ сдѣлалъ, каждый зналъ, что онъ имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія.

— Мы Радецкаго! обыкновенно говорили они, точно такъ же какъ 16-я дивизія отвѣчала всѣмъ:

— Мы скобелевцы.

И тѣ, и другіе были по-своему правы.

— Ты смотри, обращались они къ новоприбывшимъ резервистамъ.—Знай куда поступаешь. Тутъ, братъ, шибкинскіе... Смотри въ оба. Строго держись. Вѣрой и правдой!

— Намъ пить нельзя! огорошилъ разъ меня унтеръ-офицеръ житомірскаго полка, — на насъ вся Россія теперь смотритъ.

Вотъ и подите!..

Кухни выводили подъ выстрѣлами и старательно ихъ блиндировали. Дѣло въ томъ, что прежде кухни были внизу и пищу привозили холодной по ночамъ. Въ морозное время горячая пища была положительно необходимостью. Сверхъ того среди нерадостной стоянки на шибкинскихъ позиціяхъ кухня для солдатъ служила клубомъ. Сюда они сбирались и толковали, отводя душу послѣ долгаго и скучнаго сидѣнья въ своихъ тѣсныхъ подземельяхъ. «Говядина на ногахъ идетъ, воду найдемъ, а крупу принесутъ

за ночь», говорили солдаты, оцѣнивая сравнительное удобство своихъ кухонь съ прежними порядками, когда обѣдать имъ приходилось ночью. Теперь къ нимъ по ночамъ пригоняли только быковъ.

Землянки, собственно, стали здѣсь строить съ конца августа; множество такихъ сдѣлали изъ прежнихъ траншей. Траншей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, на Шибкѣ у насъ не было до зимы. Ихъ первыми стали проводить минцы. А прежде просто вырывали узкую полосу земли, защищали себя невысокою кладкою камня и просиживали дни и ночи въ такихъ ложементахъ. Мокроть въ это время была ужасная. Отъ продолжительнаго сидѣнья въ сырыхъ мѣстахъ, ранѣе морозовъ уже здѣсь начали повторяться частые случаи отмораживанія. Вымокнутъ солдаты и къ костру грѣться, а потомъ доктора удивляются, что послѣдствія одинаковыя съ отмораживаніемъ. Когда здѣсь пошли первые снѣга, полушубковъ, теплыхъ чулокъ и фуфаекъ не оказалось. Интендантство въ нихъ рѣшительно отказало. Солдаты закутывали головы и шеи въ башлыки, и сверхъ платья накидывали палатки, какъ женскія ротонды.

Очень некрасивъ по наружности солдатъ былъ въ это время. Палатка на немъ стояла коробомъ, шинель на морозѣ деревенѣла. Мнѣ, смѣясь, разсказывали солдаты, что они точно въ «карналинѣ шуршали по землѣ». Ноги закутывали тоже особеннымъ образомъ. Отъ сухарей оставались мѣшки. Каждую ногу съ сапогомъ, уже надѣтымъ, въ мѣшокъ. Сверху подвязывали бичевками. Сверхъ то-

го, отъ битаго скота оставались шкуры. Въ эти шкуры шерстью вверхъ завертывали уже обутую такимъ образомъ ступню. Въ общемъ что-то въ родѣ самоѣда или лапландца зимою, за то тепло, и изъ дивизіи, гдѣ форма «не соблюдалась», всего менѣе было замерзшихъ.

За то не вездѣ было такъ. Случалось, что цѣлые полки героически замерзали и вымирали. Примѣръ—24-я дивизія. Эта столичная дивизія, «почти гвардія», явившаяся на Шибку, гибла на ея вершинахъ.

Въ убогомъ соборѣ Габрова, передъ переваломъ черезъ Балканы, я наткнулся на потрясающее зрѣлище. Подъ тяжелыми древними сводами, въ полутьмѣ, на каменныхъ плитахъ, обрызганныхъ не разъ кровью и слезами, лежали ряды солдатъ 24-й дивизіи, недвижныхъ, безмолвныхъ... Напрасно на ихъ застывшихъ въ одномъ выраженіи вѣчнаго покоя лицахъ я искалъ укора виновникамъ ихъ смерти—они были безстрастны и ничто земное не отражалось на нихъ. Это были замерзнувшіе мученики Шибки.

Полушубки были присланы 24-й дивизіи, но они не сходились въ груди, точно сшитые на семилѣтнихъ ребятъ. Сапоги (малкіелевскіе) — тоже на дѣтей: Съ обычной своей находчивостью, солдаты прорѣзали ихъ вдоль подъема и только тогда этотъ малкіелевскій сапогъ можно было натянуть на ногу. Замѣчательно, что отмороженіе начиналось именно съ подъема, — съ части, соотвѣтствующей разрѣзу. Это наблюдалось на большинствѣ труповъ за-

мерзшихъ солдатъ 24-й дивизіи. Нужно замѣтить, что въ 14-й дивизіи мѣшки отъ сухарей и шкуры битаго скота выдавались солдатамъ на руки. Они поэтому, надѣвъ на сапогъ мѣшки, обертывали ноги сверхъ всего шкурой битаго скота. Выходило хотя некрасиво за то очень удобно. 24-я дивизія осталась безъ всего—въ одномъ тоненькомъ и франтоватомъ малкіелевскомъ сапогѣ.

Что нашъ безотвѣтный солдатъ выносилъ при этомъ, разсказываютъ очевидцы многое, но все это далеко еще не даетъ понятія объ ужасной обстановкѣ нашихъ боевыхъ позицій. Мы обращаемся къ офиціальному журналу—«Военному Сборнику», гдѣ были помѣщены интересные отрывки изъ дневника одного 94-го енисейскаго полка, принадлежавшаго къ злополучной 24-й дивизіи — къ этимъ мученикамъ Шибки, замерзавшимъ на ея высотахъ тысячами. Авторъ дневника сообщаетъ цифры «заболѣванія» солдатъ.

16-го октября енисейскій полкъ пришелъ въ Габрово. 20-го его тщательно освидѣтельствовали въ медицинскомъ отношеніи, выдѣлили 56 человѣкъ слабосильныхъ, остальные оказались здоровыми. У всѣхъ были крѣпкіе сапоги, но, къ сожалѣнію, недостаточно просторные, чтобы надѣвать на суконную портянку. 12-го октября полкъ идетъ занимать боевыя позиціи на Шибкинскомъ перевалѣ. Въ первый же день явились отмороженыне. Пища не была доставлена, огни не раскладывали, ноги стали опухать такъ, что и безъ того узкіе сапоги совсѣмъ уже не влѣзали. Въ этотъ день отмороженныхъ было 13.

23-го октября—отмороженныхъ 29... На слѣдующій день—44; 25-го оказалось большое число людей съ отекшими и опухшими ногами; озноблено—56 человѣкъ;26-го—107; 27-го—63;28-го—80;на слѣдующій день число больныхъ настолько увеличилось, что въ ротахъ недоставало уже людей для трехъ смѣнъ сторожевой и траншейной службы. Въ 4-й ротѣ осталось въ строю только 50 человѣкъ. Изъ 1,074 человѣкъ 1-го батальона—заболѣло уже 425, а во всемъ полку 606. 30-го октября — выбываетъ еще 42. Черезъ десять дней состояло въ полку больныхъ (опухоли, отмороженія)—979 человѣкъ, а еще черезъ шесть — 1,096; а къ 25-му къ этой цифрѣ прибавилось еще 275 человѣкъ. Съ 21-го октября, т. е. со дня выступленія на позицію люди не имѣли на себѣ ничего сухого и ни разу не могли порядкомъ отогрѣться и отдохнуть. Затѣмъ до 4-го декабря цифра заболѣваній въ день колеблется отъ 16 до 52, а съ 4-го по 6-е декабря разомъ выбывало изъ строю отмороженныхъ 101. Съ 7-го число замерзающихъ принимаетъ ужасающіе размѣры. Сообщенія прекращены мятелями; огни нигдѣ нельзя разводить. Сильный морозъ и страшная вьюга. Одежда нижнихъ чиновъ представляетъ толстую ледяную кору, сгибать рукъ почти невозможно, ходьба затруднительна. Свалившійся съ ногъ безъ посторонней помощи подняться не въ состояніи, въ 3—4 минуты его заноситъ снѣгомъ, приходится выкапывать. Шинели такъ крѣпко примерзли, что полы не сгибаются — ломаются. Солдаты не въ состояніи распоясаться. Люди отказываются отъ пищи, всѣ ложементы до

ерха окончательно занесены снѣгомъ. Раскопка ихъ амерзшими руками затруднительна и безполезна— ятель снова ихъ заноситъ. Отъ мороза и вьюги крыться негдѣ (значитъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ля солдатъ землянокъ не вырыли!!!). Только 9-го декабря отморожено 198 человѣкъ. Къ 10-му декабря—въ полку числилось больными 1,717 человѣкъ, а на-лицо оставалось 1,084. Сверхъ того въ этотъ ень вновь заболѣло 167, 11-го и 12-го еще 175.

Вотъ, напримѣръ, въ какомъ составѣ были нѣкоторыя роты 3 батальона:

Въ 9 ротѣ	3	унтеръ-офицера	и	2	рядовыхъ
» 10 »	4	»		9	»
» 11 »	4	»		5	»
» 12 »	5	»		11	»
» 3 стрѣлк.	5	»		11	»

Всего въ батальонѣ 65 штыковъ! Во всемъ же полку къ этому дню осталось 831 штыкъ. Отъ 13 до 17 числа замерзавшихъ не уменьшалось. Въ землянкахъ нельзя было развести огня, согрѣться и высушиться. Доставка дровъ затруднительна. Околодокъ въ Габровѣ представлялъ ужасающее зрѣлище. Полъ во всѣхъ комнатахъ тѣсно занятъ людьми съ почернѣвшими отмороженными руками и ногами. Подвижные лазареты больше не принимали больныхъ отъ полковъ. Для эвакуаціи ихъ—не было средства.

18-го февраля полкъ смѣнился съ Шипки. По прибытіи въ Габрово, въ немъ оказалось всего около 800 человѣкъ. И эти не были здоровы. Физически почти всѣ чѣмъ нибудь да страдали! Когда

полку пришлось совсѣмъ выступать изъ Габрова, то на половинѣ солдатъ вмѣсто сапогъ были опанки...

За все это время въ полку ранено и убито только 71 человѣкъ.

Не доходя батареи № 7-й по лѣвую сторону шоссе стояли саперы, нѣсколько далѣе житомірскій полкъ, а по правую сторону его мортирная батарея № 2-й. Здѣсь турецкія бомбы дали-таки себя чувствовать. Особенно сильна была канонада 27-го октября, ознаменовавшаяся однимъ комическимъ эпизодомъ. Въ то время, когда огонь былъ въ разгарѣ, вдругъ около траншей житомірскаго полка показывается заяцъ. Солдаты точно позабыли опасность и, выскочивъ изъ своихъ закрытій, открыли такую облаву по косому, отъ которой въ восторгъ пришелъ бы любой охотникъ. Мнѣ разсказывали, что около получаса человѣкъ сто кружились и гонялись за зайцемъ, съ криками «ату его, ату его», не обращая вниманія, что тутъ посреди ихъ лопаются бомбы и гранаты. Наконецъ заяцъ былъ пойманъ и торжественно принесенъ въ траншеи. Тогда только люди успокоились и опять стали хорониться отъ непріятельскаго огня.

«Драгомировская»*) батарея № 7-ой была противъ турецкихъ батарей на Лысой и на Лѣсной горахъ. Ее прозвали въ первое время солдаты Мароуткой, потому что, вооруженная малокалиберными орудіями, она никуда не попадала. Потомъ на нее поставили уже крупныя, но презрительное названіе Мар-

*) Потому что на этомъ мѣстѣ ранили М. И. Драгомирова.

ѳутки такъ и осталось за нею. Мортирная батарея № 2-й била повсѣмъ направленіямъ, даже по девятиглазовой турецкой батареѣ, которую такъ называли потому, что въ ней было девять амбразуръ. Сѣвернѣе мортирной батареи находились позиціи минскаго полка. Тутъ были особенно сосредоточены оборонительныя силы. Направо и налѣво были заложены фугасы. Батарея круглая № 6-й, штурмовая № 2-й защищали ее съ востока, большая центральная— съ сѣвера. Круглая батарея замѣчательна по своему устройству. Она стрѣляла по обѣ стороны, почему имѣла выходные брустверы изъ туровъ. Она стояла ниже Николая, но это было самое лучшее мѣсто, чтобы стрѣлять на Лысую гору и девятиглазую батарею. Круглая батарея была устроена на семь орудій. Центральная батарея тоже била въ разныхъ направленіяхъ и поставлена была въ центрѣ минской позиціи. Минская позиція была средоточіемъ всего района, занятаго нами здѣсь. Фугасы были заложены кругомъ, потому что она была самымъ слабымъ нашимъ пунктомъ здѣсь. Турки сдѣлали величайшую ошибку, атакуя все время св. Николай, а не этотъ пунктъ. Самый лучшій подступъ для турокъ сюда былъ съ востока со стороны «Соска», большой горы, гдѣ стояла сильная турецкая батарея. Когда въ августѣ на западныхъ позиціяхъ, Лысой и Лѣсной горахъ Радецкій не могъ удержаться, величайшею его заслугою было сохраненіе за нами Волынской горки къ западу, между этими горами и минской позиціей. Она защищала правую полосу нашихъ позицій. Отъ минской позиціи наши распо-

ложенія батарей и войскъ раздвоялись: волынскій полкъ располагался на западъ по Волынской горкѣ, гдѣ были поставлены батареи скорострѣльныя, № 2-й и штурмовая № 1-й. На Волынской же горкѣ были самыя глубокія и самыя сильныя наши траншеи. Здѣсь именно болѣе всего падало жертвъ.

Отъ минскихъ позицій къ Волынской горкѣ путь былъ и очень труденъ, и очень опасенъ. Его осыпали гранатами и пулями, сверхъ того, кручи и обледенѣлые скаты затрудняли доступъ даже и ночью, когда турки не могли видѣть движенія нашихъ войскъ. Серебряныя вершины этихъ горъ тонутъ въ синевѣ небесъ, дорога ложится не тамъ, гдѣ удобнѣе, а тамъ, гдѣ безопаснѣе, поэтому, напримѣръ, я нѣсколько разъ скатывался внизъ, прежде чѣмъ добрался. Истинною мукою для солдатъ было идти сюда. Пока доходили до траншей —теряли нѣсколькихъ, потому что турки на западъ занимали командующія вершины и каждый былъ передъ ними какъ на ладони. Я шелъ еще, опираясь на палку съ желѣзнымъ остроконечникомъ. Какъ двигались тутъ солдаты съ ружьями, сумками, патронами—я понять не могу. Какъ тутъ носили раненыхъ—еще непонятнѣе. Не угодно ли подняться вамъ по обледенѣлымъ, нарочно устроеннымъ «горамъ», съ которыхъ у насъ скатываются по праздникамъ на салазкахъ. То же самое и здѣсь, только еще круче. Траншеи представляли также ненадежное убѣжище. Достаточно было высунуть голову оттуда, чтобы моментально получить пулю въ лобъ. Сверхъ того, расположеніе горъ таково, что здѣсь именно были

самые сильные морозы и вѣтру представлялся наибольшій просторъ. Двадцать четвертая дивизія, о которой я буду говорить ниже, здѣсь именно потеряла большую часть солдатъ своихъ замороженными. Разсказываютъ, между прочимъ, что тутъ часто бывали такія печальныя случайности.

— Часовой, ты спишь? спрашиваетъ унтеръ-офицеръ у солдата, прислонившагося къ брустверу.

Въ отвѣтъ ему молчаніе.

— Эй, проснись!...

Расталкиваетъ—оказывается, что бѣдняга замерзъ и не проснется никогда. Разъ добрыя три четверти гарнизона траншеи были найдены замороженными, а въ одну злополучную ночь оказалось, что всю западную позицію защищали девять живыхъ солдатъ. Остальные вымерзли.

Волынская горка теперь вся пересѣчена траншеями, въ нее врыты хорошо блиндированныя землянки. Солдаты четырнадцатой дивизіи, благодаря разнымъ предупредительнымъ мѣрамъ, отлично выносили тутъ свое, почти ужасное положеніе. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, одинъ добродушнѣйшій солдатикъ, подойдя къ костру и закутываясь въ свою палатку, подмигнулъ собесѣдникамъ съ торжествующимъ видомъ:

— Каково-то теперь туркамъ!

Разумѣется, общій хохотъ.

— Намъ не медъ, да и имъ не сахаръ.

Вообще драгомировскія традиціи здѣсь держатся очень прочно. Онъ всегда училъ солдатъ: никогда не думай, что тебѣ скверно, а думай, каково-то ему.

Я уже говорилъ, что съ центральныхъ позицій минскаго полка наши позиціи раздвояются. Въ одномъ направленіи на Волынскую горку, а въ другомъ—на югъ, на св. Николай. Это собственно одна нѣсколько вершинная гора. Каждая передняя выше той, которая осталась позади. Наконецъ вся эта на первый взглядъ грозная позиція оканчивается громадой скалъ, вѣнчающихъ вершину св. Николая. Скалы эти очень удачно прозваны, Орлинымъ гнѣздомъ. Между центральной позиціей и св. Николаемъ въ лощинѣ перевязочный пунктъ, о которомъ я скажу въ слѣдующихъ очеркахъ. Позиціи св. Николая тоже охвачены линіей фугасовъ. Тутъ по западную сторону батареи № 4-й, мортирная № 1-й, батарея № 3-й князя Мещерскаго, названная такъ потому, что онъ былъ убитъ здѣсь, на югъ — батарея промежуточная, на востокъ—батареи горная и стальная. Гарнизонъ позицій св. Николая составлялся изъ дежурныхъ частей всѣхъ другихъ полковъ, расположенныхъ позади. Противу промежуточной батареи, на склонѣ св. Николая, наши аванпосты.

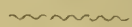
На Волынской горѣ и на позиціяхъ св. Николая впереди обыкновенно располагались наши секреты. Какая нибудь кучка камней, засыпанныхъ снѣгомъ. Ночью туда пробираются нѣсколько человѣкъ и ложатся въ секретъ въ сорока, пятидесяти шагахъ отъ непріятеля. Часто противъ нашего секрета оказывается секретъ непріятельскій. Нерѣдко два секрета отлично видятъ другъ друга и молчатъ точно по взаимному соглашенію, т. е. не тронь меня и я тебя не трону; то же самое было и у насъ на Зеленой

горѣ подъ Плевной. Тамъ только между нѣкоторыми секретами оказывалось шаговъ восемь разстоянія.

Всѣ наши шибкинскія позиціи составляютъ верстъ шесть или семь. Это длинная линія траншей, батарей и землянокъ. Идешь по ней—вершины наши кажутся громадными, а все окружающее—малымъ и ничтожнымъ. Такъ грузны массы нашихъ горъ, такъ смѣлы ихъ очертанія. И только, когда турки сдалися, когда я побывалъ на ихъ позиціяхъ, то оказалось, что всѣ русскія твердыни и даже самъ грозный оплотъ св. Николая гораздо ниже вершинъ, на которыхъ было сталъ твердою ногою нашъ исконный врагъ. Оттуда, съ вершины Лысой горы, девятиглазой батареи и Соска видно, на какихъ ничтожныхъ въ сущности позиціяхъ мы держались. Турецкія командуютъ нашими. Они къ намъ смотрѣли сверху внизъ, причемъ все, что дѣлается у насъ, туркамъ было видно отлично.

Сколько нравственной силы, энергіи и мужества нужно было нашему шибкинскому отряду для пятимѣсячной стоянки въ такомъ невыгодномъ отношеніи къ врагу. Удивляешься, нѣмѣешь передъ этимъ. Нужно самому придти сюда, видѣть эту высоту и мощь турецкихъ позицій, чтобы достойно оцѣнить все сдѣланное отрядомъ Радецкаго. Сколько великодушія и чистоты души скрывалось подъ этимъ постоянымъ «все спокойно». Особенно, если принять въ соображеніе страсть къ рекламамъ и преувеличеніямъ, свойственную нѣкоторымъ другимъ отрядамъ. Радецкому не хотѣлось тревожить Россію, тревожить тѣхъ, кто работалъ на другихъ боевыхъ

поляхъ. Успокоивая ихъ, самъ онъ находился въ отчаянномъ положеніи — и былъ крѣпокъ духомъ только потому, что зналъ своихъ солдатъ!... И если военный талантъ Радецкаго не заключаетъ въ себѣ тѣхъ условій, которыя создаютъ успѣхъ наступательныхъ дѣйствій, за то никто такъ, какъ онъ, не съумѣетъ отстоять даже слабыя позиціи при самой невозможной обстановкѣ. Въ этомъ его доблесть, въ этомъ его сила.



ВЪ ГОРНЫХЪ ТУМАНАХЪ.

Тотчасъ же какъ Вейсилъ-паша, командовавшій турецкой арміей на Шипкѣ, положилъ оружіе передъ Скобелевымъ послѣ упорнаго боя, я поѣхалъ черезъ турецкія позиціи на Шипку.

Крутые въѣзды на св. Николай невыносимы. Ѣдешь, ѣдешь и конца имъ нѣтъ. Наконецъ, конь отказывается, тяжело дышетъ, до невозможности втягивая и безъ того тощіе бока... Сходишь съ сѣдла, идешь пѣшкомъ, проходитъ часъ-другой, а серебряная вершина, съ громадой сѣрыхъ скалъ Орлинаго гнѣзда, все такъ же далеко, все такъ же недоступно тонетъ въ голубыхъ высяхъ.

Уже съ полдороги здѣсь, начиная съ самой телеграфной станціи турокъ, трупы валяются направо и налѣво. Пока это непріятель—но версты двѣ выше—наши. «Плоды побѣды» повсюду и въ лощинахъ, и по скатамъ, и на самомъ шоссе; и все это исковерканное, окровавленное, разметавшееся въ моментъ послѣдней агоніи, да такъ и закостенѣвшее.

На обледенѣлыхъ скалахъ тысячи воронья. Хищники слетаются отовсюду. Пока эти гордыя

вершины гремѣли залпами, пока на ихъ карнизахъ изъ-за массивныхъ валовъ, строгіе профили которыхъ выдвигаются то тамъ, то сямъ, ревѣли орудія, ни одной птицы не залетало сюда. Теперь— цѣлыя тучи... Отовсюду... Смотришь сверху—туча такая движется надъ глубокою лощиной, опускаясь все ниже, значитъ тамъ на днѣ лежитъ не мало разбитыхъ труповъ...

По обѣимъ сторонамъ этой эпической дороги изморившіеся солдаты четырнадцатой дивизіи то-и-дѣло тащатъ мертвыхъ — а ихъ все не убываетъ. Между мертвыми попадаются и живые, но это уже безнадежные. Иной бы и выздоровѣлъ, но отъ потери крови, отъ цѣлой ночи на холоду, у него уже развивается гангрена и блуждающій взглядъ его, останавливаясь на васъ, точно говоритъ, что онъ, этотъ глухо стонущій, этотъ многострадающій человѣкъ, уже не отъ міра сего, что сегодня, много завтра, только недвижный трупъ его будетъ схороненъ въ промерзлую и каменистую почву горъ, сплошь облитыхъ теперь дорогою русскою кровью..

Мы оставляемъ за собою турецкія укрѣпленія. Навстрѣчу намъ сіяющій Радецкій съ своимъ штабомъ. Тутъ цѣлая масса блестящихъ мундировъ; всѣ такъ веселы, такъ радостны... Какъ будто побѣда можетъ вернуть жизнь этимъ, что лежатъ тутъ же поперегъ дороги, черезъ которыхъ они, эти счастливые теперь генералы, переступаютъ такъ равнодушно и спокойно...

Нѣсколько докторовъ возятся тутъ же...

— Вы видѣли нашъ перевязочный пунктъ?

— Нѣтъ.

— Жаль, взгляните. Посмотрите въ какомъ гнѣздѣ мы работали пять мѣсяцевъ.

Одинъ вызывается проводить меня. Еще полчаса ходьбы и я, точно, погружаюсь въ черную бездну Дантова ада. Блиндированныя землянки, мракъ, страданія... Сверху—вода льетъ ручьями прямо на больныхъ, которые буквально лежатъ и задыхаются въ грязи. Прежде всего винить тутъ некого. Иной почвы на Шибкѣ нѣтъ, не бросать же больныхъ просто на дорогѣ... Каплетъ и льетъ сверху, каплетъ и льетъ со стѣнъ. Внизу лужи—въ лужахъ раненые. Вопли, потрясающіе душу... «Холодно. Господи, хотя бы смерть!» Вокругъ у стѣнъ доски, на доскахъ чуть-чуть подостлано соломы, тонко... Да и солома размякла, въ мѣсиво какое-то обратилась. На этомъ ложѣ — одинъ къ другому сплошь, какъ дрова, раненые. Набито до невозможности. Послѣ вчерашняго боя эвакуировать въ Габрово не успѣли. Я смотрю на ближайшихъ страдальцевъ, а вдали, во мракѣ, копошатся и движутся еще сотни какихъ-то силуэтовъ. Всѣ они обернуты въ свои лохмотья. Ни одѣялъ, ни подушекъ... Грязь на нихъ, грязь подъ ними. Грязь, смѣшанная съ кровью. Холодно до того, что у насъ зубъ на зубъ не попадаетъ...«Мокро, ваше б — діе!» стонетъ кто-то... Доктора хватаются за головы. Они сами пять мѣсяцевъ живутъ въ такой атмосферѣ, въ такой же землянкѣ, но видѣть здѣсь такую массу раненыхъ — выше силъ. Комната докторовъ здѣсь же, между двумя черными гнѣздами этого перевязочнаго пункта. Такъ же

льетъ сверху, тотъ же холодъ. Въ дырѣ, шага три въ длину и три въ ширину спятъ семь человѣкъ медиковъ.

— Какъ вы помѣщались тутъ?

— А въ повалку... Чтожъ дѣлать—негдѣ!

— Да отчего такъ сверху течетъ?

— Каменная кладка, иной почвы и нѣтъ. Въ дождь сверху цѣлыя рѣки.

Вотъ въ одной «камерѣ» трудно больные. Кашляютъ уже едва слышнымъ голосомъ. Противъ одного останавливаемся:

— Живъ еще? спрашиваетъ докторъ.

Молчаніе...

— Тимофѣевъ!!

Тоже молчаніе. Подъ сѣрой шинелью горбится что-то неподвижное...

— Померъ сегодня,—чуть разжимая ротъ, отзывается солдатъ...

— Всѣ помремъ, слышится со стороны, да такъ тихо, точно кто-то въ ухо шепчетъ.—Господи, тутъ бы перевозить скорѣе въ Габрово! волнуется докторъ.

— Зачѣмъ же остановка?

— Да на пятьсотъ раненыхъ всего пятнадцать саней прислали, вотъ и перевозите.

Всѣ эти пять мѣсяцевъ перевязочный пунктъ турки громили бомбами, какъ и другія мѣста шипкинскихъ позицій. Еще вчера въ одно изъ подземелій попала бомба. Тутъ стояли лошади, но теперь помѣстили раненыхъ, потому что дѣвать ихъ некуда. Одну лошадь убило осколкомъ—и она служитъ те-

нерь изголовьемъ для четырехъ раненыхъ. Такъ на мертвечину и положили головы бѣдные страдальцы... Вотъ въ темнотѣ, надвигается какая-то фигура, всматриваюсь: «Батюшка, это вы, все еще здѣсь?» Помните мое посѣщеніе Шибки въ страшные августовскіе дни. Помните священника, какъ родная мать, ухаживавшаго за ранеными. Онъ до сихъ поръ тутъ, осунувшійся, поблѣднѣвшій. Дома у него за это время умерла молодая жена, остались дѣти... Вотъ и еще знакомый докторъ Миловидовъ; этотъ подъ гранатами въ этой невылазной дырѣ живетъ съ 13-го августа. Это ли еще не подвигъ? Блестящія дѣла героизма заставляютъ забывать такихъ самоотверженныхъ тружениковъ, хотя трудно сказать, на что нужно больше мужества: первому вскочить на брустверъ турецкаго редута или шесть мѣсяцевъ пробыть въ такой обстановкѣ, лицомъ къ лицу съ этою массою страданій.

Передъ перевязочнымъ пунктомъ, на снѣгу, лежали подъ открытымъ небомъ умершіе и раненые. Судя по положенію закинутыхъ назадъ, искривленныхъ, судорожно сжатыхъ рукъ и ногъ—всѣ они скончались въ страшной мукѣ; исковерканныя лица. У всѣхъ глаза открыты. Кажется, что мысль, сознаніе еще не оставили этого неподвижнаго, но еще живого, не остеклѣвшаго глаза. Часть изъ нихъ голые... Спрашиваю, что значитъ. Раненые сами просили снять съ тѣхъ платье и накрыть имъ еще живыхъ. Такъ и сдѣлали. Но въ этой сырости, въ этомъ холодномъ и влажномъ мракѣ сколько ни накрывай—все равно...

У нѣкоторыхъ труповъ болѣзненно раскрыты рты, ненормально; такъ и нарочно не раскроешь. Эти задохлись—дышать хотѣлось, а грудь воздуха не принимала. У всѣхъ, рѣшительно у всѣхъ, страдальческое выраженіе лица. У костровъ тутъ же, вмѣстѣ съ нашими, раненые турки. Въ камерахъ ихъ тоже много. Только они поражаютъ нѣсколько большимъ стоицизмомъ. Не стонутъ, не кричатъ, не плачутъ. Погрузился человѣкъ въ мертвое молчаніе и внутри самого себя, сжавъ глаза, переживаетъ невыносимыя муки... Точно онъ боится ихъ выдать стономъ, точно кто нибудь около стоитъ и сторожитъ этотъ стонъ.

И въ такой обстановкѣ еще шутятъ... Воду, протекающую сверху, назвали «протекціей»—и смѣются. Къ чему нельзя привыкнуть!..

Работа кипитъ вездѣ. Съ орудій, пока ихъ невозможно перевезти къ намъ, снимаются замки. Переноска раненыхъ съ утра до ночи. Все время, пока я былъ здѣсь, раненыхъ несли и несли, а ихъ оставались цѣлыя груды. Многострадальная 14-я дивизія за свое освобожденіе заплатила дорогою цѣной. Мнѣ разсказывали, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ отсюда слѣдили за движеніемъ нашей обходной колонны. Съ Орлинаго гнѣзда слѣдили за нами въ зрительныя трубы и каждые полчаса посылали на позиціи свѣдѣнія о своихъ наблюденіяхъ. Турки, въ свою очередь, замѣтили насъ, но тогда, когда не могли уже помѣшать. Они, разведенные нами предварительно во время ночлега на Вѣтрополѣ, огни приняли за костры болгарскихъ бѣжен-

цевъ вслѣдствіе милостиваго ираде султана возвращающихся назадъ въ долину розъ...

На турецкихъ позиціяхъ оказались дѣти. На мортирной батареѣ—маленькій ребенокъ. Его турки несли по очереди, заворачивая въ свое тряпье...

Вижу и нашего солдата. Идетъ съ ружьемъ и кряхтитъ. У него шинель на груди оттопырилась.

— Куда ты?

— Въ Габрово...

— Съ чѣмъ это?

— А вотъ несу. Отворачиваетъ шинель—крошка, мѣсяцевъ десяти-одиннадцати. Пригрѣло ее на груди у него и заснула бѣдная.

— Чѣмъ же ты ее кормишь?

— А разжую сухарь и положу ей въ ротъ—ѣстъ.

Оказывается, донесъ до Габрова за восемнадцать верстъ и сдалъ въ Красный Крестъ.

Разсказываютъ ужасную вещь, которой не хочется вѣрить даже, до того она чудовищна. Но говорили слишкомъ основательные люди, иначе я бы и не помѣтилъ. Между плѣнными оказалось 61 болгаръ-христіанъ, которые, вечеромъ 29-го, были приведены на позицію св. Николая. Подъ Габровомъ ихъ, говорятъ, свои же болгары, остервенѣвшіе за такую гнусную измѣну народу, перерѣзали.

Вообще меня поражала заботливость нашихъ.

— Не знаю, что съ бабами ихними дѣлать? входитъ въ землянку бравый унтеръ-офицеръ.

— Гдѣ, какія бабы?

— А тутъ вотъ, въ землянку къ солдатамъ помѣстили мы.

Оказалось, что съ плѣнными турками шло шесть женщинъ съ дѣтьми. Видя, что послать ихъ дальше въ такую холодную ночь нельзя—погибнутъ, солдаты сами очистили для нихъ одну землянку, развели костры въ ней и помѣстили туда Мы отправились. Сначала въ темнотѣ трудно было разобрать что нибудь, потомъ уже, приглядѣвшись, мы различили нѣсколько неподвижныхъ силуэтовъ. Закрывъ лица, турчанки сидѣли вокругъ огня, на которомъ одинъ солдатикъ что-то варилъ въ котелкѣ.

— Ты зачѣмъ здѣсь? спрашиваютъ его.

— Да ребятишкамъ кашу варю.

Добылъ откуда-то рису и варитъ дѣтямъ. Остальные солдаты ушли по другимъ землянкамъ. Бабы, дѣйствительно, воютъ. Имъ объявили, что онѣ не плѣнныя, могутъ вернуться въ Казанлыкъ, причемъ имъ дадутъ подводу и проводниковъ. Онѣ повторяли одно: наши мужья аскеры (солдаты). Они въ Москву пошли и мы въ Москву хотимъ. «Да вѣдь путь далекій, трудный»...—Куда аскеры туда и мы». Послали убѣждать ихъ Заеда-эффенди, но и онъ не добился иного отвѣта. Имъ прислали барана, поставили ко входу землянки часового, чтобы кто нибудь ненарокомъ не обидѣлъ ихъ и оставили въ покоѣ...

На слѣдующую ночь, въ той же землянкѣ, мы встрѣчали Новый годъ. На вершинахъ св. Николая ревѣла снѣговая буря, заметывая наши логовища до того, что выйти изъ нихъ можно было только, пробивая себѣ корридоры въ снѣгу. Подъ вой и бѣшеный грохотъ бури мы помянули петербургскихъ знакомыхъ, пожелали другъ другу провести

«Святую» дома и далеко за полночь шли грустные разсказы о томъ, кто лежитъ здѣсь въ снѣгахъ и скалахъ подъ бѣлыми крестами раннихъ могилъ, кому уже никогда не увидѣть дорогихъ и милыхъ людей...

Часа въ два ночи я вышелъ изъ землянки.

Кое-какъ удалось пробиться сквозь снѣгъ и взобраться на чистую отъ него высоту... Вѣтеръ злобно старался сорвать меня оттуда; кругомъ въ воздухѣ точно носились цѣлыя вереницы бѣлыхъ призраковъ... Въ свистѣ и воѣ бури чудился какой-то тоскливый плачъ... Изрѣдка внизу мелькалъ огонекъ и снова прятался въ туманъ... Слѣпило глаза, холодъ проникалъ до костей.

— Это она недаромъ... по нашимъ плачетъ... Въ Райской долинѣ...

— Кто она?

— Не къ мѣсту, ваше благородіе, говорить-то... А только завсегда какъ въ Райской долинѣ кого схоронимъ—она надъ могилкой и тоскуетъ... Не въ первый разъ это.

Солдатикъ лѣпится ко мнѣ поближе. Всматриваюсь — минскій. Всю зиму провелъ здѣсь и до того вслушался въ звуки бури, что сталъ уже одухотворять ее.

Такъ и остались въ моей памяти высоты Шипки. Грозныя, суровыя окутанныя то снѣговыми мятелями, то пороховымъ дымомъ. Тутъ каждый камень былъ свидѣтелемъ великихъ подвиговъ русскаго солдата, каждая пядень земли облита его дорогою

кровью. Тутъ онъ страдалъ, отчаявался и торжествовалъ. Святой Николай — это достойный монументъ надъ трупами героевъ, великій памятникъ нашей народной славы, алтарь солдатскаго подвижничества и муки!..

Неужели турецкое знамя будетъ опять развѣваться на немъ?

Какъ дрогнетъ сердце шипкинскаго солдата, какими слезами зальется онъ, когда ему скажутъ объ этомъ!

И не встанутъ ли изъ-подъ земли, изъ-подъ этихъ сѣрыхъ скалъ мертвые мученики на стражѣ добытыхъ ими вершинъ?..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Шибка въ августѣ.

I. Изъ Тырнова на Шибку. 3
II. Первые три дня защиты Шибкинскаго перевала. 22
III. Вечеръ и ночь 11-го августа на вершинахъ св. Николая 37
IV. Бой 12-го августа. 49
V. Бой 13-го августа. 64
VI. Зелено-Древо. 84

Сестры милосердія. 99

Шибка въ декабрѣ. Русскіе на вершинахъ . . . 119

Въ горныхъ туманахъ 137

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ" А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣлевая ночь. Историческій романъ. Ц. 1 р.

— Драмы. Томъ I. Слобода Неволя.—Фролъ Скабѣевъ. — Капитанская старина.—Темная и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878 — 1885. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А, врачъ. Общедоступная гигіена. Ц. 75 к.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для классного употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою «Словарь писателей древняго періода русской литературы» (862—1700 г.). Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы то ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Старое и новое. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты (до товариществъ) Ц. 2 р.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I и II. Съ 165 рис. и 2 распр. картами. Ц. каждой I р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.—Первая побѣда.—Мыслитель. —Изъ дневника. — Литературный вечеръ.— Забытая тетрадь. Разсказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортсромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

БИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Пер. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

ВЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній прошлыхъ поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купаньи, лиманы и грязелечебныя заведенія Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и ГЕРАРДЪ, Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Т. I. Матеріальное право. Т. II Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Законы гражданск (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-тя Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. (съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясн.). Спб. 1889. Ц. 6 р.

— Законы гражданск. (Сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго кассаціон. департ. прав. Сената. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. кас. деп. пр. Сената. Вып. 1-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебн. установленіяхъ). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып 4-й (Порядокъ производства въ судебн. мѣст. Прод общ. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 5-й (Порядокъ производства въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—92. Ц. 1 р. 75 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. А. Уст. Гражд. Судопр. Вып. 6-й (Прод. ст. 924—1281). Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. 7-й (Окончаніе: ст. 1282—1827 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненіи (рѣшеніи, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ I-мъ изданіи объясненія изложены въ болѣе сжатомъ видѣ и введены новыя объясненія. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

— Алфавитный указатель объясненій къ Уставу Гражд. Судопроизводства. (Общій для I и II изданій). Ц. 50 к.

ВОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

ВУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Тоже. Томъ II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

ВУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Веллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотворен. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Новыя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ. — Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ. — Біографія и письма Достоевскаго. — «Власть тьмы» гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого. — Лермонтовъ. — Памяти Пушкина. — Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и наставьетъ (За Пиринеями — Мадридъ — Севилья — Гренада — Біаррицъ — Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ. — Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

БЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

БЭРЪ, МИХ. Струэнзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Испрев. съ нѣм. А. Н. Плещеева. Ц. 1 руб.

ВАНЪ-ДЕНЪ-БЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 травюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунками. Ц. на вел. бум. 2 р.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. на велен. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. 150 стр. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2 частяхъ, съ 107 рисунками. Ц. 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 15 р.

ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГИЛЬДЕРЪ, Уильямъ Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57-ю грав. Ц. въ переп. 2 р. 50к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.
— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.
— КняжнаТаракановa. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.
— Мировичъ (1762—1764 г.). Историческій романъ. Ц. 2 р.
— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Романъ Ц. 1 р. 50 к.
— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕВРЕИНОВЪ, В. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ. Ц. 1 р.

ЕСИПОВЪ, Г. Ѣ. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.
— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.
— Сусальныя звѣзды.— Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Янобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспоминаній и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптск. университета. Гравюры на деревѣ: Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кеведерга и Эрте ля въ Лейпцигѣ, Лоссо и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлиппера и Винплера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. 3 части. Изд. 6-е, исправл. Ц. за 3 части 3 р. 50 коп.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. таблицами. Спб. 1888. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
— Изъ Зеленаго Царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.
— Черная семья (Птицы воронья рода). Съ 3-мя хромолит. таблицами. Ц. 25 коп.
— Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. Выходитъ выпусками. Ц. кажд. вып. 75 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 коп.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лжмонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. И. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб Ц. 1 р. 50 к.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка. Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Цѣна 40 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка Ц. 1 р. 50 к.

— Куденеръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАМСКОЙ, И. И. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ, 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпусвъ I и II. Ц. каждому 60 к.

— Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у вмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня.— Свиданіе Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семьи. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ.—Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки инсемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издан. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинціи въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III Послѣднее дѣйствіе комедіи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850 — 1881 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы.—Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголки театральнаго міра. Ц. 1 р. 50 коп

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастрофы. — Во время войны— дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.— Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

ЛАУБЕ. Графиня Шлобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со мном. портретовъ государей, полководцевъ, государ. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ,

сниковъ съ картинъ извѣстныхъ, художниковъ автографовъ и проч. Пер съ нѣм. in-8. Два большихъ тома 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Подписная цѣна 20 р.

— Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 коп.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій. (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 коп.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Повма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Текке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. «Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева». Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 43 р., съ зол. обрѣзомъ 45 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора «Современной Россіи». Изд. 2-е. Ц. 2 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Цари биржи (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

— Стихотворенія. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 3 р.

—?—О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день. — Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ром. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПЕЛЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОГЛУ, І. Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Ф. Петрика съ 5-го изданія, дополненнаго Бирхгофомъ. Ц. 4 р.

ПИСЬМА графа Е. Василіи. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕШЕЕВЪ, А. Н. Подсѣчники. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ по Гонкуру. Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ КСЕН. М. Р. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 551 стр. Съ указателемъ лицъ, имѣетъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Бьетра при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, рожденныхъ и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе провѣрческихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія по 15-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОУ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Перевод. съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к. Кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія. — Эстляндская губ. — Финляндія. — Олонецкая губ. — Архангельская губ. — Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ. — Сѣверо-западныя губ. — Привислинскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПЫЛЯЕВЪ М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для этого трудъ служили не одни только русскія и иностр. сочиненія, но и изустные разсказы петербургскихъ старожиловъ. Въ книгѣ 56 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, изображающихъ петерб. мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историч. лицъ и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящн. переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, увеличенное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, ясновидѣніе и магнетизмъ. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая химическая и нервная физіологія. Перев. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземплярахъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ перепл. 42 р., съ перес. 45 руб.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія французской литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское кладбище. Историч. роман. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Истор. роман. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. въ 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Повѣсть. Ц. 2 р.

— Поэтъ-кладбищенскій. 1785—1785. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій роман. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1875). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. И. Сказанія русскаго народа. Народн. пѣсни. — Предсказанія и обычаи. Ц. 75 к.

САХАРОВЪ, Н. И. Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народ. игры, загадки, пословицы и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыри съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и круг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМАЙЛЬСЪ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта, жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку. Изд. 3-е, исправленное, съ 9 рис., картою и приложеніемъ статьи изъ путешествія БОВУАРА: Общество и природа въ Австраліи Ц. 1 р. 75 к.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубійцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Джиккля и Мистера Хайда (Strange Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть (Prince Otto by R. L. Stevenson). Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I.—А. Н. Радищевъ. Ц. 3 руб.

— Тоже. Томъ II-й. (Н. П. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ.—Приложеніе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Приложенія. Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина.—Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.—Князь П. А. Вяземскій.—Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». — Три повѣсти Павлова. — Сняніе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ, Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуель Клеменсъ). Принцъ и Нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Гекка. Съ 172 рис. въ текстѣ Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскіе разсказы. Пер. съ англ. Ц. 50 коп.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ФІОРЕНТИНИ, П. Изд. белла Орсини герцогиня Брачціано. Историческій романъ. Съ 28 гравюрами. Ц. 1 р. 50 к

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФОФАНОВЪ Б. Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

ФРЕНДЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Ікса. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2. р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ нисхожъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕХОВЪ АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. (Счастье.— Тифъ. — Ванька.— Свирѣль.— Перекати-поле.— Задача.— Степь. — Тина. — Тайный совѣтникъ.— Письмо.—Поцѣлуй). Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди. Разсказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. (Михайлова). Стихотворенія. (1884—1888). Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 43 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

—Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 2-е, дополн. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.— Легкія средства. — Кручина.—Фофанъ.— Прахомъ пошло!). Ц. 1 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе.—Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

ЭБЕРСЪ. Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ, изъ области теоретическаго и прикладного знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1

— Обиходная рецептура Ц. 1 р. 50 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872 — 1888. I т. 522 стр. Ц. 2 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (П. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. I т. 622 стр. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

При выпискѣ книгъ „Дешевой Библіотеки“ можно обозначать, вмѣсто названія книги, номеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 9-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ біограф. и портретомъ автора и объяснительнымъ словаремъ. Изд. 6-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 35 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

5. НАРѢЖНЫЙ. Бурсанъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ перепл. 60 к., на велен. бум 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

7. КСАВЬЕ-де-МЕСТРЪ. Парата-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

8. АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лисончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ

папкѣ 23 к., въ перепл. 53 к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-в. (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-в. (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты Петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біограф. и портр. автора Изд. 2-е Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 н.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣстк. Кн. 4-в (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна. —Старый хламъ). Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 н., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 н., въ перепл. 30 к., на велен. бум. 20 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и біограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в.). Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Историч. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказ. быль. Съ портр. автора. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Страшное гаданіе.—Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

22. — Мулла - Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ папкѣ 28 н., въ перепл. 40 к.

25. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 н., въ переплетѣ 45 н.

26. — Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Скмеокѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

28. КОХАНОВСКАЯ Кирила Петровъ и Настаськ Дмитрова. Пов. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Наѣзды. Повѣсть 1613 г.—Имѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣстк. Кн. 6-к (Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. — Больный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 н., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 2-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историчесн. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

37. — Украинскія сказки. 8-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 н.

38. БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. 2-е изд. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Ром. въ 4-хъ ч. Ц 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ, В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша.— Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портретомъ автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — Тоже. Кн. II. Исторія двухъ налоговъ.—

Нечастав скла. — Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43. СОЛОГУБЪ, В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ перепл. 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ев Кольриджа, Шлегеля, Боннилля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 н., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на велен. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, В. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Фернивали, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейсинга, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЬВИГЪ, А. баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 н., въ перепл. 40 н., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 коп.

50. ЛѢСКОВЪ, Н. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Скоморохъ Памфалонъ. —Спасеніе погибавшаго). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 н., въ перепл. 40 н.

51. — Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АБЛЕСИМОВЪ. А. О. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ перепл. 28 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. Макбетъ. Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислов. и мнѣніями о «Макбетѣ» Кольриджа, Галлама, Найта, Гензе, Мезьера, Рюмелина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 н., на велен. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к.

55. То же. Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к. за обѣ книги въ папкѣ 33 н., въ переплетѣ 45 н.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

56. ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5 ч. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 н., въ переплетѣ 45 к.

59. МОРДОВЦЕВЪ Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д. Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

64. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей. Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Котинъ Донлецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. — Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЗОЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

69. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 н., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО. Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. БѢЖЕЦКІЙ А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Инженеры - Безсребреники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

74. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Лейтенантъ-Бѣловоръ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латвикъ. Разсн. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к

76. ЧЕХОВЪ, Ан. Дѣтвора —Ванька. — Событіе.—Кухарка женится.—Бѣглецъ.—Дома. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — Тоже. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая.— Безумная. Съ біограф. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

81. ЕВРИПИДЪ. Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Москаль - Чаривныкъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ дѣйст. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

84. — Ененда, перелицеваянак на малоросс. взыкъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

84. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинова. Съ біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

85. ДОЛГОРУКАЯ, Н. Б. Княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

86. ПОХОДЪ Аргонавтовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 коп., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

87. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

88. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. ШЕКСПИРЪ, В. Коріоланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружнинна. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

90. ОДОЕВСКІЙ, Ѳ. В., князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

91. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. — То же. Т. VIII Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98 — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

99. ЕВРИПИДЪ. Гипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

100. ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Арк (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. ЕВРИПИДЪ. Ифигенія въ Авлидѣ. Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

103. ЭСХИЛЪ. Прикованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. МОЛЬЕРЪ. Школа женъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ В. Лихачева. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к

105. ЕКАТЕРИНА II, императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разсказы.—II. Гражданское начальное ученіе. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—IV. Записки. — V. Сказка о царевичѣ Февеѣ.—VI. Инструкціи князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106. — Тоже. Кн. II Быля и небылицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

107. — Тоже. Кн. III. Драматич. сочиненіе. О время!—Г-жа Вѣстнико-

ва съ семьею.—Передняя знатнаго боярина. Горе богатырь Косометовичъ. —Новгородскій богатырь Боеславичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

109. ТЕРПИГОРЕВЪ, С. Н. (АТАВА). Разсказы. I. Въ раю.—II. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110 ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ. Повѣстя. Кн. I: Бригадиръ.—Балъ.—Насмѣшка мертвеца.—Послѣдній квартетъ Бетховена. — Импровизаторъ. — Себастіанъ Бахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

111 — Кн. II: Княжна Мими.—Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III: Саламандра.—Эльса. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

113. Герои и Героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к. въ пер. 35 к.

114. ГЕТЕ, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. П. Холодковскаго. Изданіе исправленное переводчикомъ. I. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. болѣе 4,100 с. Съ біогр. А. С. Пушкина съ порт. факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронолог. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ; папки по 8 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 октября 1890 г.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

Аблесимовъ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ.

Анекдоты и остроумныя изреченія.

Байронъ. Невѣста Абидосская.

Богдановичъ, И. Душенька.

Бомарше. Севильскій цирюльникъ или Безполезная осторожность.

— Безумный день или женитьба Фигаро.

Бѣжецкій, А. Н. Разсказы изъ военнаго быта.

Бекевитиковъ. Полное собраніе стихотвореній.

Гете. Фаустъ.

Герои и героини греческ. трагедій.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума.

Давыдовъ, Д. В. Стихотворенія.

Данилевскій, Г. Историческіе разсказы. Двѣ книжки.

— Семейная старина. Двѣ книжки.

— Украинскія сказки.

Дельвигъ, баронъ А. Полное собраніе стихотвореній.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ.

Дмитріевъ, И. И. Сказки, басни и апологи.

Долгорукая, Н. Б. Княгиня. Записки.

Достоевскій, Ѳ. Бѣдные люди.

Еврипидъ. Медея.

— Ифигенія въ Тавридѣ.

— Ифигенія въ Авлидѣ.

— Гипполитъ.

Екатерина II, императрица. Избранныя сочиненія. Три книжки.

Капкистъ, В. Лебедь.

Карамзинъ, Н. М. Повѣсти.

— Письма русск. путешественника.

— Исторія Государства Россійскаго. 12 томовъ.

Квитко-Основьяненко, Гр. Ѳ. Панъ Халявскій.

Козловъ, И. Три поэмы.

Кохановская. Повѣсти. 3 книжки.

Котляревскій, И. Москаль-Чарівникъ.

— Наталка-Полтавка.

— Енеида, перелицёванная на малороссійскій языкъ.

Ксавье де-Местръ. Параша Сибирячка.

Кукольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Шесть книжекъ.

Ламартинъ, А. Іоанна д'Аркъ.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

Львова, А. Марина Мнишекъ.

Лѣсковъ, Н. С. Повѣсти и разсказы. Шесть книжекъ.

Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Повѣсти. Восемь книжекъ.

Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни.

Мольеръ. Школа женъ.

Мордовцевъ, Д. Л. Кумъ Иванъ.

Нарѣжный. Бурсакъ.

Одоевскій, В. Ѳ. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея.

— Повѣсти. Три книжки.

Озеровъ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ и Дмитрій Донской.

Полевой, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ.

Полевой, Н. А. Дѣдушка русскаго флота.—Параша Сибирячка.—Драмы.

Погорельскій, А. Монастырка.

— Черная курица.

Походъ Аргонавтовъ.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія въ 10-ти томахъ.

Соллогубъ, В. А. (графъ). Повѣсти и разсказы. Три книжки.

Терпигоревъ, С. (Атава). Разсказы

Флоберъ, Г. Саламбо.

Фонвизинъ, Д. І. Бригадиръ.—Недоросль.

Хемницеръ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ.

Чеховъ, Акт. Дѣтвора.

Шекспиръ, В. Король Лиръ.—Отелло.—Гамлетъ.—Макбетъ.—Король Ричардъ III.—Коріоланъ. Шесть книжекъ.

Шиллеръ, Ф. Духовидецъ.—Марія Стюартъ. Двѣ книжки.

Эзопъ. Избранныя басни.

Эсхилъ. Прикованный Прометей.

Изящные переплеты отъ 20 до 50 к. за томикъ, папки по 8 к.

Цѣны и подробныя оглавленія см. въ каталогѣ въ концѣ книги.

Цѣна 15 коп., въ папкѣ 23 коп.

1p45n

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Lietom i zimoiu na Shabkie, 37
891.7342 N434L
D903568671